ОСНОВЬЯНЕНКО.

СОЧИНЕНІЕ

Григорія Данилевскаго.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ КВИТКИ, СНИМКОМЪ ЕГО ПОЧЕРКА И ДОМИКОМЪ ОСНОВЫ.

Предки. — Дѣтство. — Состояніе Харьковскаго Общества въ началѣ этого вѣка. — Варсава Сковорода. — Поступленіе въ монахи. — Физіономія монастыря. — Анекдотъ о бочкахъ. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтѣ. — Василій Каразинъ. — Основаніе Университета. — Договоръ помѣщика съ учителемъ-нѣмцемъ за 50 лѣтъ назадъ. — Первые студенты. — Первый театръ. — Женитьба. — Анна Григорьевна. — Первые литературные вечера въ Харьковѣ. — Начало журналистики. — Украинская литература до Квитки. — Первые журналы. — Первые псевдонимы. — Комедія. — Заимствованъ ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя? — Первыя повѣсти. — Домашняя жизнь. — Анна Григорьевна уже старушка. — Высшій тонъ въ сочиненіяхъ. — Встрѣча съ Гребенкой. — Другія знакомства. — Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. И. Даля. — Чтеніе Квитки при Дворѣ, въ Венеціи. — Продажа кожи съ неубитаго медвѣдя. — Огорченія. — Хлопоты о женѣ. — Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Сѣверныхъ Антикваріевъ. — Переписка Основьяненка. — Письма Квитки къ П. А. Плетневу и Жуковскому. — Письма къ Квиткѣ Загоскина, Гребенки и Даля-Луганскаго. — Перечень сочиненій Основьяненка. — Сочиненія, изданныя при жизни. — Сочиненія, изданныя по смерти. — Неизданныя сочиненія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

Александру Ивану Вельтману,
от преданного автора. 1856 г. 5 Января.
Петербург.

с посвящением А. Велтман

...Въ продолженіе моей жизни я шесть разъ свалился на сну уже въ седр моі, случайно, лишь только женился.....

Григорій Квитка-Основяненко
1816 года

ОСНОВЬЯНЕНКО.

СОЧИНЕНІЕ

ГРИГОРІЯ ДАНИЛЕВСКАГО.

Съ портретомъ Квитки, снимкомъ его почерка и домикомъ Основы.

Предки. — Дѣтство. — Состояніе Харьковскаго Общества въ началѣ этого вѣка. — Варсава Сковорода. — Поступленіе въ монахи. — Физіономія монастыря. — Анекдотъ о бочкахъ. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтѣ. — Василій Каразинъ. — Основаніе Университета. — Договоръ помѣщика съ учителемъ-нѣмцемъ за 50 лѣтъ назадъ. — Первые студенты. — Первый театръ. — Женитьба. — Анна Григорьевна. — Первые литературные вечера въ Харьковѣ. — Начало журналистики. — Украинская литература до Квитки. — Первые журналы. — Первые псевдонимы. — Комедія. — Заимствованъ ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя? — Первыя повѣсти. — Домашняя жизнь. — Анна Григорьевна уже старушка. — Высшій тонъ въ сочиненіяхъ. — Встрѣча съ Гребенкой. — Другія знакомства. — Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. И. Даля. — Чтеніе Квитки при Дворѣ, въ Венеціи. — Продажа кожи съ неубитаго медвѣдя. — Огорченія. — Хлопоты о женѣ. — Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Сѣверныхъ Антикваріевъ. — Переписка Основьяненка. — Письма Квитки къ П. А. Плетневу и Жуковскому. — Письма къ Квиткѣ Загоскина, Гребенки и Даля-Луганскаго. — Перечень сочиненій Основьяненка. — Сочиненія, изданныя при жизни. — Сочиненія, изданныя по смерти. — Неизданныя сочиненія.

19371.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 9 декабря 1855 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ.*

ДОМИКЪ ВЪ ОСНОВѢ,

близъ Харькова,

Жилище Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка.

Фотографія, рисов. въ редакціи Художеств. Листка

I.

Предки. — Дѣтство и потеря зрѣнія. — Состояніе Харьковскаго Общества въ началѣ этого вѣка. — Варсава Сковорода. — Неизданное письмо къ П. А. Плетневу. — Поступленіе въ монахи. — Физіономія монастыря. — Анекдотъ. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтѣ.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка родился въ 1778 или 1779 году, 18-го ноября ([1]).

Мѣсторожденіе его подгородное харьковское село *Основа*, принадлежавшее издавна фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ, а потомъ перешедшее во владѣніе фамиліи Квитокъ. Отъ имени этого села, о которомъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, произошелъ (въ 1833 году, впервые) псевдонимъ *Основьяненка*. Читатель увидитъ изъ нашей статьи, что Григорій Ѳедоровичъ Квитка имѣлъ еще другіе псевдонимы, но мы удержимъ вездѣ имя «Основьяненка», такъ-какъ большинству читателей онъ болѣе извѣстенъ подъ этимъ именемъ.

([1]) По словамъ И. И. Срезневскаго, въ его *письмѣ къ редактору* «Москвитянина» (1843 года, ч. IV, стр. 501—504), также въ его статьѣ: *о кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, въ 33 № за 1843 г. «Прибавленій къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», Квитка родился въ 1779 году. К. М.

Родъ Квитокъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украйны. Основьяненко, въ статьѣ своей о Харьковѣ и его исторіи (2), выводитъ его нѣсколько романтически изъ Приднѣпровской Украйны, заставляя маленькаго героя-сироту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квитка*, послѣ долгихъ похожденій, попасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ. Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые въ 1666 году. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго Полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неусыпно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія (3), помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, грамотою импе-

---

Сементовскій, въ статьѣ: *Г. Ѳ. Квитка* въ «Москвитянинѣ» 1843 г. часть V, стр. 411—426, говоритъ, что Квитка родился *въ 1778 году*; то же говоритъ и надпись на могильномъ памятникѣ. Объ Основьяненкѣ печатныхъ извѣстій мы нашли вообще очень-мало. Кромѣ названныхъ здѣсь небольшихъ очерковъ его жизни, вышедшихъ въ видѣ некрологовъ по его смерти, мы можемъ еще указать статью о немъ въ «Иллюстраціи» 1846 года, часть III, № 46, стр. 725, въ большой статьѣ Н. М. Сементовскаго: *Харьковъ*, причемъ (на стр. 227) приложенъ его *портретъ;* наконецъ въ «Литературной Газетѣ» 1843 года, № 35, нѣсколько словъ о немъ въ *некрологѣ*, и прекрасная статья о дѣтствѣ Квитки, въ томъ же году, въ «Литературной Газетѣ», № 37: *Воспоминанія о Г. Ѳ. Квиткѣ*, А. А. Корсуна.

(2) Въ «Молодикѣ» альманахѣ И. Бецкаго, за 1843 годъ, ч. I, стр. 7, въ статьѣ подъ именемъ: *Основаніе Харькова, старинное преданіе.*

(3) Со словъ *И. Ю. Квитки*, бывшаго съ Основьяненкомъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. И. Ю. Квитка бывалъ часто въ домѣ Основьяненка, и ему мы обязаны многими извѣстіями въ нашей статьѣ.

ратрицы Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободской Полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ, Иванъ Григорьевичъ Квитка, скончался въ 1751 году, 14-го февраля. Сынъ его, *Өедоръ Ивановичъ Квитка,* отецъ нашего автора, упоминается П. Вернетомъ ([4]) какъ радушный хозяинъ. «Я (говоритъ Вернетъ) не видалъ старика, ему подобнаго любезностью характера, рѣдкою простотою нравовъ и искусствомъ, шутя, сказать полезныя истины и отмѣннымъ даромъ принаровливаться ко всякому возрасту». Эти наивныя слова довольно-ясно изображаютъ отца Основьяненка. Такой человѣкъ не могъ не имѣть вліянія на первые годы жизни сына. Кромѣ нашего автора, у Өедора Ивановича Квитки и жены его, Марьи Васильевны Шидловской, по словамъ Н. Ю. Квитки, очень-образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, о которой мы болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Өедоровичъ,* былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ. Около двадцати-пяти лѣтъ сряду онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ его иначе не называли, какъ «Андрей Өедоровичъ» и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ, по словамъ М. А. Коростовцевой, имѣлъ счастіе принимать въ Основѣ покойнаго императора Александра; смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, бронзой, зеркалами и мраморомъ, спросилъ съ улыбкой: *Не во дворцѣ ли я?* ([5]). Три сестры Квитки

([4]) «Украинскій Вѣстникъ» 1817 г., ч. VIII, стр. 184, въ статьѣ: *Мысли о Харьковѣ.* Эта статья сопровождается подписью: *Основа, Иванъ Вернетъ,* и надписью: *посвящаю другу моему, Григорію Өедоровичу Квиткѣ.*

([5]) Садъ Основы, гдѣ теперь бѣгаютъ сѣрые кролики, гдѣ устроены гимнастическіе аппараты, дорожки, усыпанныя оранжевымъ пескомъ, лугъ

по замужствѣ, были: *Марья Ѳедоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской Улицѣ, противъ Дмитріевской Церкви, впослѣдствіи жилъ онъ; *Елизавета Ѳедоровна Смирницкая* и *Прасковья Ѳедоровна Булавинская*. Отецъ Основьяненка скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, скончался вскорѣ по смерти нашего автора (послѣ 1843 года). Авторъ нашъ, съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малюткѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ (6). Исцѣленіе его, по словамъ одного изъ названныхъ нами некрологовъ, произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскій Монастырь на богомолье (7). Этотъ случай оставилъ глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими событіями, въ-особенности же вслѣдствіе семейныхъ примѣровъ, вызвалъ довольно-замѣчательное событіе въ

передъ домомъ, и собраніе оранжерейныхъ растеній и деревьевъ, растущихъ на воздухѣ, не найдетъ себѣ соперниковъ во всемъ околоткѣ, какъ дѣйствительно рѣдкое явленіе въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ вообще неглижируютъ роскошною украинскою флорою. Въ двухъ мѣстахъ съ балкона, черезъ просвѣты деревьевъ, видѣнъ Харьковъ. Побывши на Основѣ, мы поняли любовь нашего автора къ своему родному уголку.

(6) Г. Корсунъ, въ статьѣ *Воспоминанія о Г. Ѳ. Квиткѣ* (на стр. 767) говоритъ: «На рукахъ еще кормилицы, сдѣлался у него на глазу ячмень; кормилица сорвала прыщикъ, золотуха бросилась въ оба глаза и совершенно ослѣпила бѣдное дитя. Пособія медиковъ, знахарей и знахарокъ принесли одну пользу: оставили цѣлыми глаза, но не исцѣлили слѣпоты.»

(7) Г. Корсунъ разсказываетъ это такъ: «Дитятью еще онъ пробуждался при утреннемъ звонѣ и, со слезами, бывало, просился въ церковь. Няня понесетъ его туда, и онъ выстоитъ всю службу, несмотря на продолжительность ея, и плачетъ, если не застанетъ начала». И далѣе: «Когда внесли его въ озерянскую церковь, малютка вдругъ спросилъ: Какой это образъ, маменька?—Развѣ ты видишь?—Мнѣ свѣтло! отвѣтилъ онъ, и такъ излечился.»

жизни Основьяненка, именно: поступленіе его, на двадцать-третьемъ году, въ монастырь. Чтобъ объяснить эту рѣшимость въ молодомъ человѣкѣ того времени, бросимъ взглядъ на состояніе въ тѣ дни харьковскаго общества. Нашъ разсказъ частью основанъ на печатныхъ свидѣтельствахъ и частью на словесныхъ преданіяхъ; послѣднія вносимъ въ надеждѣ, что болѣе-вѣрные источники могутъ подтвердить или отвергнуть ихъ, и поэтому не ручаемся за ихъ достовѣрность.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, представлялъ общество совершенно-патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернскій городъ на торги и на ярмарки, запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа*. Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ «Духовный Коллегіумъ», имѣвшій очень-ограниченный кругъ дѣйствія. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденія нашего автора, появилось лицо, которому суждено было оставить глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый, туземный странствующій философъ, «Украинскій Діогенъ», какъ его называли тогда, и «Украинскій Ломоносовъ», какъ его называли позже, *Григорій Варсава-Сковорода* (8). По его духовнымъ наставленіямъ, многіе возлагали на себя обѣтъ монастырскій.

---

(8) Сочиненій о немъ, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, такъ мало, что мы для любопытствующихъ приводимъ здѣсь ихъ исчисленіе, въ надеждѣ скоро представить о немъ полную характеристику: 1) «Украинскій Вѣстникъ» 1817 года, въ Смѣси, статья безъ подписи: *Сковорода, украинскій философъ*; 2) «Отечественныя Записки» 1823 года, часть XVI, стр. 96 и 249, статья, заимствованная изъ біографіи, сочиненной ученикомъ его *М. И. К—скимъ*, подъ именемъ: *Сковорода*; 3) *Утренняя Звѣзда*, «Харьковскій Сборникъ», 1834 года, гдѣ

Сковорода появлялся во многихъ домахъ въ Харьковѣ. Его до-сихъ-поръ еще помнятъ немногіе старожилы, бывшіе тогда дѣтьми. Онъ бывалъ, между-прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ*. Нашъ авторъ могъ видѣть его, будучи мальчикомъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, послѣ того, какъ онъ неожиданно избавился отъ слѣпоты. Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже, какъ увидимъ ниже, онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для стѣнъ монастырскихъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ недавно-изданной, любопытнѣйшій и превосходной, въ отношеніи къ исторіи Слободской Украйны, книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на

статья о немъ *П. И. Срезневскаго*; при ней приложенъ *портретъ Сковороды*; 4) Сковорода встрѣчается, еще въ повѣсти И. И. Срезневскаго *Майоръ* въ «Московскомъ Наблюдателѣ»; 5) «Телескопъ», изд. Н. Надеждинымъ, за 1835 годъ, часть XXVI, стр. 3, статья: *Григорій Варсава Сковорода*, историко-критическій очеркъ, заимствованный изъ нѣмецкой рукописи: «Gregor Skoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch-critische Würdung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der Slavischen Volksweisheit, in Briefen an I. G. Görres»; 6) «Bulletin du Nord», журналъ, издававшійся въ Москвѣ «T. Laveau», за 1828 г., томъ 3, 9 сентября, стр. 149, статья г. Снегирева, подъ именемъ *Gregoire Savitsch Skoworoda, philosophe de l'Ukraïne*; 7) *Исторія философіи архимандрита Гавріила*. Казань. 1840 г., ч. V, статья: *Сковорода*; 8) «Москвитянинъ» за 1842 г., ч. VI, статья: *Преддверіе Сковороды*; 9) «Молодикъ, Украинскій Сборникъ Бецкаго» за 1844 г., стр. 229, статья В. Н. Каразина, *Письмо къ издателю, съ приложеніемъ писемъ Сковороды* и статья И. И. Срезневскаго: *Письма Сковороды*; 10) Есть еще незначительныя статьи о Сковородѣ въ «Иллюстраціи» 1847 г., гдѣ снова приложенъ его портретъ, копія помѣщеннаго при «Утренней Звѣздѣ» и въ журналѣ: «Iahrbücher für Slavische Litteratur, von Jordan»; наконецъ въ «Инвалидѣ» за 1854 г. № 94, 28-го апрѣля, приложено одно изъ неизданныхъ стихотвореній Сковороды, въ статьѣ В. Аскоченскаго: *Русскій Композиторъ Веделевъ*, которое начинается словами: «Ахъ, счастье, счастье бѣдное, злое!»—*Три пѣсни Сковороды* помѣщены еще въ «Телескопѣ» 1831 г., ч. VI, стр. 578—583.

стр. 11-й) сдѣлана выписка изъ «Фамильной лѣтописи Квитокъ», гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Іосафа Горленка,* бѣлгородскаго епископа въ прошломъ вѣкѣ, была замужемъ за дѣдомъ нашего автора, изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Изъ этой же выписки, между-прочимъ, видно, какъ горячо любилъ этотъ высокочтимый окрестными жителями епископъ своихъ родственниковъ. Здѣсь упоминается, что онъ *стоялъ на Основѣ,* съ іюня по августъ 1751 года. «Въ 1754 году съ *Иваномъ Ивановичемъ Квиткою,* отправившимся ходатайствовать въ Москвѣ о *возвращеніи Квиткамъ* имѣнія Артемовки, отнятаго княземъ Трубецкимъ, преосвященный послалъ просительныя письма къ преосвященному Платону». Наконецъ, на мысли нашего автора имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ: посвященіе въ санъ монашескій друга отца его, артиллеріи поручика *Бѣлевцова,* бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго Монастыря (9). Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ роднаго дяди его, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго Монастыря, куда поступилъ и нашъ авторъ (10).

Такія преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, исцѣленный отъ разстройства зрѣнія, на пятилѣтнемъ возрастѣ сталъ присматриваться и прислушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился (11). Объ этомъ онъ говоритъ въ любопытномъ, неизданномъ

---

(9) К. М. Сементовскій, «Москвитянинъ» 1843 года, статья *Г. Ѳ. Квитка.*

(10) «Ист. Стат. Опис. Хар. Епархіи» стр. 71.

(11) По словамъ г. Сементовскаго, въ статьѣ *Харьковъ,* его училъ на Основѣ монахъ Куряжскаго Преображенскаго Монастыря, подъ руководствомъ самого архимандрита. «Наркизъ Квитка» замѣчаетъ г. Сементовскій, «самъ старался развить въ ребенкѣ желаніе поступить въ монастырь, такъ-какъ самая школа, гдѣ онъ учился, была при монастырѣ, и, по окончаніи уроковъ, всѣ дѣти должны были присутствовать при богослуженіи».

письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 15-го марта 1839 г, изъ Основы, слѣдующее: «Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же, болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а, быть-можетъ, и безпечность и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту — все это было причиною, что я нерадѣлъ о будущемъ и уклонялся даже отъ того, что̀ было подъ-рукою и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что, умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался, и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междометіяхъ, не могъ слушать терпѣливо! Съ таковыми познаніями писатели «не бываютъ». Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ!...*»

Склонный къ молитвѣ и уединенію, Основьяненко на двѣнадцатомъ году изъявилъ непремѣнное желаніе поступить въ монастырь. Однакожь, до четырнадцатилѣтняго возраста, по неотступной просьбѣ отца и матери, оставался въ домѣ родителей, въ Основѣ. По совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсѣянія, онъ былъ опредѣленъ, въ 1793 году, 11-го декабря, вахмистромъ въ Лейб-Гвардіи Конный Полкъ ([12]); но черезъ годъ уже, 1794 года, по слабости здоровья (а, можетъ-быть, и по особымъ соображеніямъ родныхъ малороссійскаго барченка, выросшаго подъ теплымъ кровомъ родительскимъ), онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ, по 13 октября 1796 года: *не у дѣлъ*, при Де-

---

([12]) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 3-го мая 1794 г., найденномъ нами, сказано: «Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы *Григорія Квитка*, который Намъ въ Лейбъ-Гвардіи вахмистромъ служилъ, для его, оказанной къ службѣ нашей ревности и прилежности въ Наши отъ арміи въ капитаны пожаловали и учредили».—Замѣтимъ, что Квитка никогда не былъ въ Петербургѣ.

партаментѣ Герольдіи. Надъ этимъ онъ впослѣдствіи самъ трунилъ, придумавъ для одного изъ своихъ псевдонимовъ подпись: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ* (13). Шестнадцати лѣтъ онъ снова перешелъ въ военную службу и опредѣлился ротмистромъ въ Сѣверскій Карабинерный Полкъ (14). Указомъ Императора Павла I отъ 5 января 1797 года, онъ опредѣленъ въ Харьковскій Кирасирскій Полкъ, уже въ чинѣ ротмистра, причемъ также велѣно ему явиться въ этотъ полкъ къ сроку (15). Это было въ 1797 году. Жизнь дома, среди воспоминаній печальнаго и болѣзненнаго дѣтства, опять возъимѣла на него сильное вліяніе. Примѣры семейства и тогдашняго времени увлекли его душу, и безъ того настроенную къ уединенію. Онъ достигъ желанной цѣли и, на двадцать-третьемъ году, послѣ женитьбы старшаго брата, поступилъ въ *Куряжскій монастырь* послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками (когда переселялся гостить въ Основу), около четырехъ лѣтъ (16).

Посмотримъ теперь на мѣсто, куда перешелъ нашъ авторъ.

Куряжскій Преображенскій Монастырь находится въ восьми верстахъ отъ Харькова, по дорогѣ въ Полтаву и Кіевъ. Мѣстность

---

(13) «Вѣстникъ Европы», изд. Михайломъ Каченовскимъ. Москва, 1820 г., статьи *Письма къ Лужницкому старцу*.

(14) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 18-го октября 1796 г., предписывается: «Капитану Сѣверскаго Карабинернаго Полка Григорею Квитка слѣдовать къ этому полку и явиться въ срокъ». Найденный нами указъ выданъ изъ Государственной Военной Коллегіи.

(15) Съ этими офиціальными свѣдѣніями совершенно несогласны показанія г. Сементовскаго, въ его статьѣ (на стр. 397, 2-й столбецъ), вѣроятно, взятыя изъ невѣрныхъ источниковъ.

(16) По словамъ г. Сементовскаго, *семь лѣтъ*; но это не вѣрно, по прямому вычисленію.

его очень-живописна ([17]). На возвышенности, окруженной съ трехъ сторонъ садами и одинокими купами деревьевъ, изъ станціи Ольшаной, онъ видѣнъ за восемь верстъ. Обрывы горы на западной и сѣверо-западной сторонахъ его, покрытые зеленью, дики и картинны. Самую же лучшую особенность его мѣстности составляютъ ключи, бьющіе изъ кремнистыхъ реберъ горы, водою холодною, чистою, легкою и здоровою. Встарину, вплоть отъ Харькова до Куряжа, былъ глухой, непроходимый лѣсъ. Разнообразили эту мѣстность одни сѣнные покосы по берегамъ сосѣднихъ рѣчекъ. Пасѣка, надъ рѣчкою Куряжью, тамъ, гдѣ теперь монастырь, была единственнымъ жильемъ въ окружности. Она послужила къ выбору мѣста для постройки монастыря, который и возникъ въ концѣ XVII вѣка ([18]).

Въ годъ поступленія нашего автора въ число монастырской братіи, харьковская епархія изъята была изъ вѣдомства бѣлгородскаго духовнаго правленія, и назначенъ былъ особый епископъ, въ санъ котораго вскорѣ избранъ *Христофоръ Сулима*, бывшій на этомъ мѣстѣ съ 1799 года по свою кончину, до 1813 года. Близость монастыря къ Харькову была всегда причиною, что тамошніе епископы избирали его любимымъ мѣстомъ для своихъ поѣздокъ въ окрестности. Епископъ Сулима тотчасъ замѣтилъ молодаго послушника и часто бралъ его съ собою изъ монастыря въ городъ. Старожилы харьковскіе до-сихъ-поръ помнятъ, какъ Основьяненко, въ черномъ, смиренномъ нарядѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою преосвященнаго ([19]). Срокъ испытанія прошелъ; но какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, какъ онъ ни боролся съ просьбами отца и матери, здоровье не позволило ему принять

([17]) Подробно описанъ въ «Очеркахъ Россіи» *Пасека*, часть IV, стр. 148—158.

([18]) «Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи» стр. 53—80, статья: *Куряжскій Монастырь*.

([19]) Со словъ Н. К. Мавроди.

постриженія, и онъ возвратился въ домъ родителей. По словамъ г. Корсуна, Основьяненко, стянувшій грудь свою ремнемъ послушника и отростившій бороду, въ самомъ разгарѣ юности и страстей, не могъ долго противиться просьбамъ отца. Отецъ его началъ видимо ослабѣвать и близиться къ гробу. Основьяненко, слѣдуя убѣжденіямъ его, снова отдалъ свои силы свѣту, трудамъ и заботамъ на пользу ближнихъ, на пользу родины и родной литературы. Разсказываютъ о немъ анекдотъ. Подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ, онъ бралъ на себя самыя трудныя работы: ходилъ, между-прочимъ, за монастырскими лошадьми, а лошадей онъ боялся всю жизнь. ([20]) Силы постоянно измѣняли ему. Однажды повезъ онъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковъ сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ бочки. Была осень и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и засѣлъ по оси въ грязь. Напрасно Основьяненко хлопоталъ надъ нимъ; мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодаго человѣка и стали кричать: «Квитка, Квитка!..» Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился на Основу. Съ той поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта. ([21]) Но впечатлѣнія долгой жизни въ монастырѣ, на прекрасной, живописной мѣстности, въ уединеніи и молитвѣ, остались надолго въ душѣ Основьяненка, и всю жизнь отзывались въ лучшихъ его сочиненіяхъ. Сюда относится бо̀льшая часть элегическихъ повѣстей Основьяненка, гдѣ добрыя, свѣжія, полныя любви личности его простонародныхъ героевъ и героинь согрѣты этою простодушною, прямою религіозностью, каковы его знаменитыя повѣсти: *Маруся, Божьи дѣти, Сердечная Оксана* и *Ганнуся*. Кромѣ отдѣльныхъ мѣстъ въ повѣстяхъ, у него есть и статьи чисто церковно-историче-

---

([20]) По словамъ г. Корсуна, онъ «со всею строгостью исполнялъ монастырскій уставъ». По словамъ же П. Ю. Квитки, въ комнатѣ молодаго послушника стояло привезенное имъ туда фортепьяно, висѣла на стѣнѣ флейта, и будущій писатель сочинялъ духовные концерты для пѣнія.

([21]) Со словъ Д. С. Левшина.

скаго содержанія, каковы: *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Іосафа Бѣлгородскаго*; *Кіевъ 1836 года*, и разсказъ: *О святой мученицѣ Александрѣ царицѣ* ([22]). Мы разбираемъ все это, потому, что до-сихъ-поръ надъ этимъ не останавливался еще ни одинъ изъ некрологовъ Основьяненка. А событіе, изложенное нами, одно изъ интереснѣйшихъ въ многообразной жизни нашего автора.

По выходѣ изъ монастыря, Основьяненко мало-по-малу опять приглядѣлся къ свѣту. Сперва, впрочемъ, онъ собою во многомъ напоминалъ отшельника; ходилъ въ Основѣ съ церковными ключами, благовѣстилъ къ обѣдни по праздникамъ и, по словамъ Н. Ю. Квитки, бо́льшую часть времени проводилъ въ молитвѣ. До конца жизни въ его комнатѣ стоялъ аналой съ молитвенникомъ и постоянно теплилась лампадка. Здоровье его совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ и, хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, отъ взрыва пороха, опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь, съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ ([23]), началъ появляться въ обществѣ, котораго вначалѣ, по возвращеніи въ свѣтъ, дичился. Играя на флейтѣ, просиживалъ онъ тогда по цѣлымъ ночамъ въ тѣни сада, въ Основѣ.

Наконецъ молодость взяла свое. Врожденная землякамъ его веселость явилась и въ немъ. Это двойственное направленіе образовало въ немъ смѣсь наивнаго и веселаго комизма съ строгою, высоко-религіозною нравственностью. Онъ недолго оставался празднымъ. Въ промежуткахъ

([22]) Напечатана въ «Звѣздочкѣ» 1843 г., часть VII, стр. 1—14.

([23]) Вообще Основьяненко имѣлъ какую-то особенную страсть къ огню. Въ письмѣ къ намъ изъ Таганрога, отъ 10-го апрѣля 1854 г., г. Корсунъ пишетъ: «Еще слово. Квитка любилъ зажигать самъ свѣчи. Зажжетъ, бывало, спичку да и пойдетъ съ нею по свѣчамъ». Онъ говорилъ: «Пусть мой біографъ не забудетъ этой странности...»

1804 и 1806 года, онъ занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, причемъ обыкновенно выбиралъ себѣ роли самыя веселыя и трудныя. Раздавшаяся вѣсть о народномъ ополченіи вызвала окончательно его изъ бездѣйствія. По словамъ Н. Ю. Квитки, онъ подвергся тогда уже сатирѣ одного бойкаго пересмѣшника, кольнувшаго его за непостоянство характера довольно-злою эпиграмою. Въ 1806 году онъ снова, и въ послѣдній уже разъ, опредѣлился въ военную службу, по Провіантной Коммиссіи, въ милицію Харьковской Губерніи, и оставался здѣсь годъ. Въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку.

II.

Василій Каразинъ. — Основаніе Университета. — Договоръ помѣщика съ учителемъ-нѣмцемъ за 50 лѣтъ назадъ. — Первые студенты. — Первый театръ. — Женитьба. — Анна Григорьевна.

Харьковъ въ это время совершенно преобразился. Причиною тому было основаніе высшаго учебнаго заведенія, которое оживило и освѣтило цѣлый край. Въ 1805 году, 18-го января, въ Харьковѣ открытъ Университетъ. Первая мысль о немъ принадлежитъ Василію Назарьевичу *Каразину*. О Каразинѣ писали очень-мало, и потому скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. У читателей, вѣроятно, въ памяти, какъ, еще два года назадъ, въ одномъ московскомъ изданіи его смѣшивали съ Карамзинымъ. На удивленіе при его имени одного изъ московскихъ студентовъ, въ тридцатыхъ годахъ, Каразинъ отвѣтилъ: «Э! вы, кажется, меня смѣшиваете съ Карамзинымъ? между нами одна только маленькая разница, въ буквѣ *мыслете!*»

Каразинъ происходитъ отъ господарскаго молдавскаго рода Караджи, переселившагося, вмѣстѣ съ другими фамиліями, въ слободскіе полки, въ

1711 году. Онъ родился въ 1773 году, 30-го января. Учился онъ сначала въ кременчугскомъ, а потомъ въ харьковскомъ частныхъ пансіонахъ; на 18-мъ году уѣхалъ въ Петербургъ и сталъ посѣщать лекціи Горнаго Корпуса. Пользуясь свободою, которая тогда предоставлялась молодымъ гвардейскимъ офицерамъ отлучаться, когда пожелаютъ, изъ столицы, онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ и осмотрѣлъ многія губерніи; потомъ онъ затѣялъ путешествіе за границу; оно, однако, не состоялось. Онъ задумалъ бѣжать и бѣжалъ; но былъ задержанъ въ Ковно. Это случилось въ царствованіе Императора Павла. Государь простилъ молодаго бѣглеца и опредѣлилъ его къ гражданскимъ дѣламъ, въ Канцелярію Медицинской Коллегіи. Въ формулярномъ спискѣ Каразина, находящемся нынѣ въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ съ собственноручными его «Записками, съ 1820 года» по которымъ мы вскорѣ постараемся представить о немъ также подробную характеристику, говорится: «*Въ 1800 году*, за собраніе матеріаловъ по исторіи медицины въ Россіи, также и по исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора». Далѣе: «Въ 1810 году, за труды, кои были извѣстны лично блаженной памяти государю императору Александру Благословенному, пожалованъ черезъ чинъ, въ коллежскіе совѣтники»; — «*Въ тотъ же день* награжденъ богатымъ перстнемъ»;—«За продолженіе оказанныхъ трудовъ удостоенъ, въ разное время, нѣсколькихъ, весьма милостивыхъ, собственноручныхъ рескриптовъ его величества»;—«*Въ томъ же году избранъ*, отъ Слободско-Украинскаго Дворянства, депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи». — *Въ 1802 году*, сентября 8 го, при образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ, и наконецъ: «*Въ обоихъ сихъ званіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета*, который высочайше и утвержденъ въ 1803». — «Послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній 618-ти тысячъ рублей серебромъ, уклонился отъ высочайшей награды за сей подвигъ» — и «продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего, принадлежавшаго

къ упомянутому университету, по надобности художниковъ въ Харьковѣ, доставилъ туда 32 семейства иностранныхъ мастеровъ, на собственномъ иждивеніи». Такъ говоритъ неизданный до нынѣ формулярный списокъ...

Подвигъ Каразина въ основаніи университета былъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что почти всѣ тѣ лица, которыхъ онъ въ двадцати-осьмидневный отпускъ свой въ Харьковъ, явясь среди дворянскаго собранія, силою слова и на колѣняхъ (такъ разсказываютъ очевидцы) умолилъ подписаться на открытіе высшаго ученаго заведенія для края, были тогда еще очень-далеки отъ подобныхъ мыслей. Одна рѣчь Каразина, сказаанная при этомъ дворянамъ, вызвала на мѣстѣ подписку до ста тысячъ руб. серебромъ ([24]). Пятьдесятъ лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ, въ обществѣ, при насъ, объ этой рѣчи и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ въ собраніи престарѣлыхъ дворянъ тридцатилѣтнимъ ораторомъ, который съ своими учеными замыслами и надеждами былъ такъ новъ для глазъ мирнаго края. Семейство Квитокъ осталось также нечуждо въ приношеніяхъ пособій для открытія университета. Основьяненко всю жизнь съ восторгомъ говорилъ объ этой заслугѣ Каразина, и въ статьѣ своей «Харьковъ» ([25]) упоминаетъ съ увлеченіемъ о дѣлѣ, которое *сдѣлалось полезнымъ не только краю, но и отечеству*. Университетъ былъ открытъ. Профессора и слушатели наполнили зданіе, бывшее до того времени дворцомъ, въ которомъ останавливалась И. Екате-

---

([24]) Напечатана въ «Молодикѣ», на 1844 годъ ч. 5, стр. 245, подъ именемъ: «Рѣчь, говоренная, августа 31 дня, въ собраніи харьковскаго дворянства, депутатомъ его, В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ Харьковѣ Университета». Тутъ же напечатана любопытная *копія съ протоколовъ дворянства и купечества*, предъ основаніемъ въ Харьковѣ Университета, 1802 года, октября 1-го, стр. 271.

([25]) «Современникъ», 1840 года, № XX-й, стр. 123.

рина II, въ свою поѣздку на югъ. Въ Харьковѣ также явились вызванные изъ-за границы Каразинымъ типографщики, переплетчики, часовыхъ дѣлъ мастера, столяры, рѣзчики, слѣсаря, каретники и кузнецы. Харьковъ преобразился, и скоро новая умственная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украйны, на отживающихъ остаткахъ стараго общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ появилось разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчизнѣ.

За недостаткомъ болѣе-подробныхъ матеріаловъ для обрисовки тогдашняго «новаго общества», приведемъ найденное нами. Прежде всего представляется вопросъ: какъ развивалось, до университета, то поколѣніе, которое явилось потомъ дѣятелемъ въ литературѣ? Помѣщики того времени имѣли обыкновеніе брать для своихъ дѣтей учителей на домъ. Жизнь Сковороды оставляетъ намъ примѣры этого ученія. Но мы нашли еще одинъ любопытный документъ, который сообщаемъ здѣсь вполнѣ, чтобъ показать, среди какого міра явилось умственное движеніе края. Этотъ документъ называется: *Условіе помѣщика съ учителемъ* за сорокъ лѣтъ назадъ (напечатанъ въ 1844 году, въ «Молодикѣ» на 1844 г., стр. 226—228). Вотъ онъ цѣликомъ изъ черноваго, писаннаго рукою нанимавшаго учителя; сохраняемъ правописаніе, чтобъ показать, какъ двинулось у насъ на югѣ просвѣщеніе, въ эти полвѣка:

«1800 года, Октября 7-го дня, я ниже подъписавшійся прусской націе *Фридрихъ Лотъ* обо вязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего въ должность жить годъ вдомѣ харковскаго уезда у господина помещика подполковника К* — обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому язику Граматическимъ правиламъ читать и писать и нижнехъ классовъ Арефметики и за синомъ его К*: иметъ неусипное смотреніе за поведениемъ ево и доставлятъ всякое ему благоправие какъ воспитанию благородному дитяти принадлежитъ безъ малейшаго упущения

вестъ себя всегда трезво и добропорядочно какъ чесному человѣку принадлежитъ быть для хорошово примеру впротивномъ же случае за несмотрение мое или пянство и худые поступки повиненъ я Лотъ отвечать по законамъ и по прохождение зимнихъ месяцей мне Лоту за его синомъ, уже болея несмотретъ и детей не учитъ, а вступитъ мне вдолжностъ *Садовничию*. И старатца здѣлатъ два аглицкия сада завестъ теплици цветники и парники крития алей ранжирею и огородни пересаживатъ деревья и делатъ прививки колеровки и отводи самымъ искуснимъ образомъ по сей должности старатца не леностею делатъ приобретения разния разможению фруктовихъ деревьевъ, даби неусипнымъ раченнемъ моимъ и трудами заслужитъ могъ себѣ пахвалу и награждение какия-жъ до садовнаго искусства потребни будутъ инструменти и матеріяли тоже потребное число людей рабочихъ онъ К* долженъ по требованию моему дать мнѣ и определитъ учениковъ двухъ особую компату для отапливания которой на каждую недѣлю по возу дровъ для услуги жени моей дѣвчонку или женщину какую на ихъ одеждѣ а только на моихъ харчахъ, котория мне Лоту получитъ вгодъ отъ егоже К* пшеници пять и ржи четире, крупъ одну, пшена одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четирнадцать четвертей; масла коровьево пудъ, масла поснова ведро, сала свинова два пуда, соли два пуда, свѣчнова сала топленаго пудъ, уксусу ведро, наливки два ведра, горячаво вина три ведра, солонины четыре пуда, вичины пудъ, свѣжаво мяса шесть пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной, и годоваго жалованья сто двадцать рублей, за первую половину получить впередъ года, а за вторую при окончаніи онаго, и паспортъ свой вручить мнѣ ему К*; буде же я хотя окажуся въ сихъ должностяхъ *незнающъ и нерачительнымъ*, то вольно ему меня отпустить, заплатя за тотъ термелъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево провизію, а прочее все то, что я заслужу...»

Жизнь такихъ учителей превосходно описана въ романѣ Основьяненка «Панъ Халявскій». Авторъ нашъ, какъ не безъ основанія по-

этому думаемъ, въ первое время, вѣроятно, прошелъ черезъ руки такого же учителя. Было въ Харьковѣ еще два-три жалкіе частные пансіона; но ихъ не стоитъ и упоминать. Всѣ они были заведены прусскими или французскими эмигрантами, и только доставляли способъ наживаться учредителямъ. А теперь сыновья помѣщиковъ, послѣ долгихъ домашнихъ проводовъ и домашнихъ слезъ, стали снаряжаться въ дорогу и наполнили мало-по-малу харьковскія аудиторіи. Мундиры, какъ студенты, такъ и профессора, надѣвали только въ большіе праздники. На лекціи являлись, въ чемъ попало. Желтые фраки и синіе брюки, голубые сюртуки и чудовищные жилеты, фуражки необыкновенныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, палки и трубки въ карманахъ — все это являлось въ аудиторіи.

Съ первыхъ же годовъ Университетъ обогатился замѣчательными профессорами. По ходатайству Каразина, изъ-за границы приглашены были, между-прочимъ, знаменитые *Лапласъ* и *Фихте;* они совсѣмъ готовы были переселиться въ Россію; дѣло не состоялось по небольшимъ средствамъ Университета. Славный европейскій библіографъ *Брюнне* также соглашался переѣхать на югъ Россіи, что̀ мы недавно узнали изъ письма перваго харьковскаго попечителя, *Северина Осиповича Потоцкаго*, къ Каразину, которое хранится въ числѣ автографовъ въ Публичной Библіотекѣ ([26]). Попечитель, о которомъ до-сихъ-поръ съ восторгомъ говорятъ тѣ, которымъ памятна старина харьковская, горячо любилъ прекрасное молодое общество студентовъ. Опредѣленные имъ профессора оправдывали его вниманіе ([27]). Представляемъ

([26]) См. «Отчетъ Публичной Библіотеки за 1852 годъ» въ описаніи новыхъ пріобрѣтеній, по части автографовъ и рукописей, стр. 40.

([27]) Въ «Жур. Мин. Н. Просвѣщенія», 1855 г. іюль. V Отд. — напечатана статья профессора Харьковскаго Университета г. Росславскаго-Петровскаго: *Объ ученой дѣятельности Харьковскаго Университета въ первое десятилѣтіе его существованія.* Здѣсь онъ говоритъ о празд-

здѣсь ихъ краткую характеристику, для полноты нашего очерка, тѣмъ болѣе, что только при пособіи ихъ явилось литературное движеніе въ Харьковѣ, въ степной глуши. Любимѣйшимъ изъ профессоровъ былъ *Иванъ Степановичъ Рижскій,* профессоръ русской словесности. Онъ написалъ «Риторику» и «Введеніе въ кругъ изящной словесности». Частная жизнь этого суроваго педагога и оратора подавала поводъ острымъ языкамъ издѣваться надъ нимъ; и однажды, когда онъ, съ поэтическимъ жаромъ, своею цвѣтистою фразеологіею, объяснялъ ученикамъ красоты поэмы *Модная жена* Дмитріева и сказалъ о *ревнивомъ мужѣ,* что онъ сѣлъ въ экипажъ, запыхтѣлъ и двинулся въ путь—громкій хохотъ аудиторіи покрылъ его рѣчь, потому-что добрый старый профессоръ здѣсь разсказывалъ собственную жизнь. Одинъ изъ учениковъ его говорилъ намъ, что, несмотря на это, однако, Рижскаго всѣ почитали, и когда онъ умеръ, въ 1810 году, то въ университет

нествѣ открытія этого Университета 17-го января 1805 года: «Трехдневная иллюминація, роскошное угощеніе публики, великолѣпная ораторія, сопровождавшая это торжество, составляли необыкновенное событіе въ лѣтописяхъ скромной жизни тогдашняго Харькова; и многіе изъ украинскихъ старожиловъ доселѣ живо вспоминаютъ, какъ о внѣшнемъ блескѣ праздника, такъ и о произнесенныхъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, между-прочимъ, о рѣчи ученаго попечителя, графа Северина Осиповича Потоцкаго, и въ-особенности о прекрасно-придуманной эмблематической апотеозѣ императора Александра I, въ которой соединены были воспоминанія классическія съ дѣйствительностью. Въ храмѣ славы, воздвигнутомъ въ іоническомъ стилѣ, возвышалась прозрачная картина, изображавшая императора въ марсовомъ одѣяніи, подающимъ руку Аполлону.» Изъ профессоровъ Университета авторъ называетъ: профессора *Россійской словесности, краснорѣчія и поэзіи*, занимавшаго эту каѳедру съ учрежденія Университета по 1811 годъ. Рижскій читалъ лекціи по Блёру, Баттё и Эшенбургу, употребляя въ первый годъ по четыре, а потомъ по шести часовъ въ недѣлю на чтеніе риторики, причемъ занималъ слушателей разборами эстетическими лучшихъ отечественныхъ писателей. По словамъ автора, молодые люди выходили изъ Университета съ многостороннимъ и вмѣстѣ основательнымъ образованіемъ. Любопытно, между-прочимъ, что тѣсная связь всеобщей

ской залѣ, въ торжественномъ собраніи, ему сказано было самое теплое надгробное слово. Другимъ любимцемъ студентовъ былъ *Шадъ*, по 1817 годъ профессоръ философіи, выписанный изъ Марбурга. Онъ былъ женатъ на трехъ женахъ, страстно любилъ музыку и малороссійскія наливки, и любимой дочери своей, ученой красавицѣ, далъ имя дочери Цицерона, Туллін. Красавицу Туллію студенты воспѣвали въ стихахъ и прозѣ; печальную судьбу ея въ гувернанткахъ, чѣмъ она была впослѣдствіи, по выѣздѣ отца ея, въ 1817 году, за границу, до-сихъ-поръ помнятъ многіе. Шадъ оставилъ по смерти любопытное и рѣдкое сочиненіе «Selbstbiographie» въ трехъ томахъ. Каѳедру словесности, послѣ смерти Рижскаго, занялъ Иванъ Евсѣвьевичъ Срезневскій, отецъ нынѣшняго академика и профессора въ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Трудолюбіемъ и добросовѣстностью онъ снискалъ

исторіи съ естественными науками, недавно нашедшая между нашими соотечественниками ревностнаго поборника въ покойномъ нынѣ, московскомъ профессорѣ Грановскомъ, понята была Харьковскимъ Университетомъ въ то время, когда и на западѣ Европы еще мало обращали на нее вниманія. Въ 1808 году, по случаю перваго выпуска студентовъ, лучшіе воспитанники уже читали свои сочиненія передъ публикою. Сколько видно по спискамъ рѣчей и сочиненій, приведенныхъ авторомъ, харьковскіе профессоры уже тогда давали литературный оттѣнокъ обществу Университета. *Рижскій* писалъ о изящныхъ наукахъ, о познаніи, свойственномъ воображенію, о славянскомъ языкѣ въ-древности и наконецъ о томъ, что «внимательное упражненіе въ Россійскомъ словѣ внушаетъ любовь къ Отечеству». За нимъ слѣдомъ шли: *Успенскій*, Стойковичъ, Шадъ, Балленъ-де-Балю, Умлауфъ, Шумлянскій, Гизе, *Осиповскій* (профессоръ философіи), Делавинь, Тимковскій, Паки-де-Савиньи, Борзенковъ, Дюгуровъ и *Ив. Срезневскій*, авторъ сочиненія: «О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ». Въ 1806 г. *Рижскій* издалъ уже: «Введеніе въ кругъ Словесности» и «Опытъ Риторики». Кромѣ трудовъ кабинетныхъ, профессоры ѣздили по окрестнымъ степямъ и селамъ, изслѣдуя рѣки, озера, аэролиты, флору и бытъ общественный мѣстнаго края. Въ концѣ 1810 года Харьковское Общество уже носило задатки зрѣлаго учено-литературнаго міра...

у слушателей ту же любовь, какою пользовался его предшественникъ, Рижскій, и вмѣстѣ съ Разумникомъ Тимоѳеевичемъ Гопорскимъ (воспитанникомъ 1-го Педагогическаго Института, заброшеннымъ въ уѣздное училище и неожиданно-призваннымъ въ адъюнкты Харьковскаго Университета, когда его замѣтила инспекція харьковскихъ училищъ) вмѣстѣ съ Александромъ Васильевичемъ Склабовскимъ ([28]), Евграфомъ Филомаѳитскимъ и Петромъ Петровичемъ Гулакомъ-Артемовскимъ ([29]), положилъ основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ. Эта дѣятельность развернулась въ изданіи разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти всѣ малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали всѣ пишущіе тогдашніе профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки. Множество стихотвореній И. Е. Срезневскаго, его переводы псалмовъ и стансы разбросаны также по этимъ журналамъ. Когда онъ умеръ, въ 1819 году, одинъ изъ студентовъ, учениковъ его, Райдаровскій, подошелъ ко гробу, съ прощальнымъ стихотвореніемъ, и сказавъ:

Съ благоговѣніемъ и ужасомъ сердечнымъ,
Я приближаюсь къ гробу твоему!

хотѣлъ прочесть еще нѣсколько строфъ изъ прощальнаго слова, и залился горькими слезами, въ присутствіи множества свидѣтелей печальной церемоніи. Упомянемъ еще одну извѣстность Харьковскаго Университета. Это былъ профессоръ греческой и французской словесности, Баленъ де-Балю, «membre de l'Académie des Inscriptions de Paris» у котораго была хорошенькая дочь—также предметъ элегій и нѣжныхъ

([28]) Скончался въ 1831 г., отъ холеры, въ Петербургѣ, гдѣ былъ начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ Удѣловъ.

([29]) Приглашенъ, около 1812 г., въ Университетъ читать польскую словесность и всеобщую исторію; впослѣдствіи сдѣлался извѣстенъ стихотвореніями на малороссійскомъ языкѣ.

станцовъ молодыхъ его слушателей, именемъ Асназія. Но—увы! дочь постоянно болѣе привлекала вниманіе сердецъ университетскаго юношества, чѣмъ лекціи славнаго membre de l'Académie des Inscriptions de Paris. У Баленъ де-Балю иногда бывали только... три слушателя. Таковъ былъ въ первое время кругъ преподавателей новаго Университета. Число слушателей скоро возросло до 200. Дешевизна жизни студентовъ, которымъ домосѣды-родители присылали мало денегъ, была въ то время замѣчательна. Квартира со столомъ и прислугою, не далеко отъ центра города, стоила не болѣе 200 р. ассигнаціями въ годъ. Эта дешовая жизнь студентовъ имѣла тѣ послѣдствія, что, напримѣръ, въ Университетѣ считался въ числѣ слушателей, впродолженіе чуть не пятнадцати лѣтъ, нѣкто Сила Абрамычъ Цыцуринъ, который долженъ былъ, незадолго до нашихъ дней, оставить Университетъ, некончa курса потому только, что вышелъ законъ, предписывавшій студентамъ оставаться въ одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ.

Начальство харьковское старалось исподоволь доставить городу развлеченія. Заведенъ былъ «дворянскій клубъ» въ домѣ Черкесова, потомъ въ домѣ Заруднаго. Содержатель его, бывшій фехтовальный учитель при Университетѣ, Ле-дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 года, бился изо всѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого собранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экоссезахъ, полонезахъ и à la grecque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человѣкъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей, а наконецъ *директоромъ танцовальнаго клуба*. Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *Институтъ для дѣвицъ*, а въ промежуткахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ Институтѣ, сталъ издавать первый харьковскій журналъ. Скажемъ обо всемъ этомъ подробнѣе.

Выйдя въ отставку, въ 1807 году, онъ оставался въ бездѣйствіи до 1812 года. Въ Харьковѣ, въ началѣ 1812 года, возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго Дворянскаго Собранія. Директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко и сохранялъ это званіе до 1816 года. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно браться за всякое дѣло, онъ до-того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 году, онъ напечаталъ любопытную «Исторію харьковскаго театра, отъ старинныхъ временъ» (30). Заимствуемъ изъ этой статьи главныя черты. Еще въ 1780 году въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансёромъ Иваницкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то «малярйвна» (31) и «Лизка». Новый правитель губерніи съ 1789 года, Кишенскій, все оживилъ и возродилъ. Театръ также былъ устроенъ и открытъ въ особомъ зданіи. Любопытны цѣны тогдашнихъ спектаклей. Самъ театръ былъ открытъ въ мѣсяцъ, на сумму 100 руб. асс., собранную по подпискѣ. Потомъ учредили родъ абонемента. Ложа, въ этомъ абонементѣ, на годъ стоила 50 р. асс., кресло на годъ 10 р. асс. Театръ открытъ пьесою Княжнина «Безъ обѣду, домой ѣду». Все шло хорошо. Скоро афиши объявили, что будетъ играть *нѣкто* господинъ Москвичевъ. Публика повалила въ театръ. Новый дебютантъ долженъ былъ явиться въ пьесѣ «Трубочистъ князь, князь Трубочистъ». Первый выходъ его состоялъ въ томъ, что трубочистъ проваливается на сцену, въ трубу камина, и поетъ веселый куплетъ. Москвичевъ провалился, открылъ ротъ и замолчалъ... Онъ хотѣлъ въ ту минуту провалиться сквозь землю! Передъ нимъ, въ креслахъ партера, какъ разъ въ первомъ ряду, сидѣлъ заѣзжій орловскій губернаторъ, который на то время

---

(30) «Лит. Газета» 1841 г., № 114 и 115.

(31) Дочь маляра.

былъ приглашенъ въ театръ; а Москвичевъ былъ не кто иной, какъ бѣглый орловскій сержантъ, покинувшій мѣсто службы «изъ любви къ искусству!» Губернаторъ зналъ его лично еще въ Орлѣ, гдѣ онъ игралъ въ домашнихъ спектакляхъ въ казармахъ, и захотѣлъ поддержать своего знакомца. «Не робѣй, Дмитрій! не робѣй!» сказалъ онъ изъ креселъ громко, и Москвичевъ искусно доигралъ свою роль. Послѣ театра старый и новый начальники Москвичева условились, и онъ тутъ же былъ зачисленъ въ харьковскую труппу актёровъ. Между-прочимъ, Основьяненко разсказываетъ, что этотъ Москвичевъ позволялъ себѣ на сценѣ любопытныя вольности, вызывавшія обыкновенно громкія одобренія. Иногда неожиданно онъ вклеивалъ въ роль разныя имена, à propos. Напримѣръ, онъ пѣлъ:

Я вамъ, дѣтушки, помòга —
У Карпова денегъ многа!

Или:

Я вамъ, дѣтушки, помòга —
У Манýхина денегъ многа!

Названные по имени сидѣли въ театрѣ, отмалчивались, причемъ Москвичевъ переходилъ къ другимъ, или развязывали кошельки, вынимали ассигнаціи, а иногда и цѣликомъ бросали на сцену кошельки, полные цѣлковыхъ. Москвичевъ принималъ бросаемое, какъ теперь принимаютъ букеты, низко раскланивался и начиналъ опять играть. Любопытныя воспоминанія нашего автора кончаются свѣдѣніями объ учителѣ танцованія Штейнѣ, который содержалъ театръ съ 1816 года. У этого Штейна явился впервые робкій, застѣнчивый дебютантъ изъ Курской Губерніи, игравшій до того времени въ Полтавѣ, имя котораго было Щепкинъ... По словамъ Н. Ю. Квитки, его появленію въ Харьковѣ предшествовала афера Штейна, который сформировалъ труппу изъ пятнадцати крестьянскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, показалъ ихъ въ Коренной Ярмаркѣ и уступилъ извѣстному богачу Каменскому, за 30,000

р. асс. Щепкинъ, по его же словамъ, появлялся сперва въ драмахъ и трагедіяхъ, гдѣ игралъ роли принцевъ и графовъ. Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его и сказалъ ему: «Эхъ, братъ Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ фижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольеровскіе Жокрисы!» Эти слова были многозначительны для будущности великаго комика. М. С. Щепкинъ намъ замѣтилъ, между-прочимъ, что въ драмѣ «Желѣзная Маска» онъ исподоволь въ Харьковѣ съигралъ всѣ роли, отъ часоваго, лакея, офицера и до герцоговъ. Не игралъ только самой Маски... Любопытенъ одинъ случай во время его жизни у Штейна. Щепкина отпустили въ Москву посмотрѣть тамошній театръ. Онъ прожилъ въ Москвѣ день, побывалъ въ театрѣ, взглянулъ на тогдашнюю игру и тогдашнихъ актёровъ, и явился къ человѣку, который его привезъ въ Москву. «Отпустите меня уже домой!»—«Какъ, такъ скоро? Что̀ за причина?»—«Да надо ѣхать домой: прожился совсѣмъ; дорого въ Москвѣ!» И онъ, по словамъ Основьяненка, уѣхалъ въ Харьковъ, не сочтя долгомъ болѣе всматриваться въ игру московскихъ актёровъ.—М. С. Щепкинъ говорилъ намъ, что это нѣсколько неточно, если ему не измѣняетъ память; потому-что въ Москвѣ тогда были люди, отъ которыхъ онъ много пріобрѣлъ въ своемъ сценическомъ развитіи. Самъ М. С. Щепкинъ занялъ въ труппѣ Штейна мѣсто послѣ комика Угарова, о которомъ онъ отзывается съ большою похвалою и который тогда уѣхалъ въ Екатеринославль. По словамъ знаменитаго артиста, Квитка своею изворотливостью способствовалъ тому, что опера Котляревскаго «Наталка-Полтавка» поставлена впервые въ Харьковѣ. Она, безъ цензуры, сперва дана была въ Полтавѣ, по личному разрѣшенію Г. Г. Рѣпнина. Щепкинъ хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ въ Харьковѣ. Квитка сказалъ ему: «Назначьте какую-нибудь старинную пьесу, а передъ самымъ днемъ бенефиса сошлитесь на нездоровье какого-нибудь актёра и просите офиціально дать, за поспѣшностью, Наталку Полтавку, пьесу, уже разрѣшенную для Полтавы». Пьеса была дана...

Званіе директора театра Основьяненко бросилъ, по случаю занятій по Институту, но любовь къ сценѣ осталась въ немъ навсегда и выказалась впослѣдствіи не одинъ разъ въ его литературныхъ трудахъ для сцены. Штейнъ содержалъ театръ съ 1816 по 1827 годъ, когда передалъ его Млатковскому. Млатковскій былъ послѣднею знаменитостью въ числѣ старинныхъ харьковскихъ антрепренёровъ.

Въ это время, съ легкой руки Каразина, вошло въ моду заводить разныя общества съ благотворительною цѣлью. Въ 1811 году Каразинъ учредилъ, Высочайше потомъ одобренное, «Филотехническое Общество». Что̀ жь это было за общество? Въ брошюркѣ, изданной въ 1811 году ([32]), разсматриваетъ Каразинъ незавидное, грубое, первобытное направленіе южнаго хозяйства и предлагаетъ землякамъ завести центральное учрежденіе для «распространенія разумныхъ познаній о лучшихъ сторонахъ сельской промышлености» и «для заведенія и распространенія образцовыхъ хозяйственныхъ фермъ и фабрикъ». Онъ написалъ «Уставъ Общества», дворяне его подписали, а учредителю предложили мѣсто правителя дѣлъ. Общество на̀чало дѣйствія съ успѣхомъ, подъ руководствомъ Каразина, который не переставалъ подавать проектъ за проектомъ, и всѣхъ поднималъ на ноги ([33]).

Успѣхъ «Филотехническаго Общества» вызвалъ у дворянъ мысль основать «Благотворительное Общество», нѣчто въ родѣ Петер-

---

([32]) *Мысли объ учрежденіи, въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи, Общества, подъ названіемъ Филотехническаго, въ пользу домоводства сихъ губерній. Харьковъ. Въ универс. типографіи.* 1811 г., 32 стр. Также двѣ брошюры читанныхъ Каразинымъ рѣчей, въ 1811 и 1813 г.: *О пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ* и о *необходимости усилить домоводство*, гдѣ высказано много и теперь любопытныхъ мыслей.

([33]) Спустя двадцать лѣтъ послѣ этого, онъ встрѣтился въ Москвѣ съ знаменитымъ Гумбольдтомъ и привелъ его въ восторгъ планомъ устройства во всѣхъ государствахъ цѣпи обсерватóрій. Въ наши дни этотъ планъ приводится въ исполненіе...

бургскаго Общества Посѣщенія Бѣдныхъ ([34]). Какъ успѣшны были занятія этого Общества, видно изъ того, что уже на первыхъ порахъ оно положило основать и основало на свой счетъ «Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ». Первая мысль объ учрежденіи этого Института принадлежала, по словамъ г. Срезневскаго ([35]), Основьяненкѣ, который былъ въ то же время ревностнѣйшимъ членомъ и правителемъ дѣлъ Благотворительнаго Общества, и даже литературное, или печатное поприще свое началъ статьею, въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 года, объ этомъ Институтѣ. Общество Благотворенія, направляемое въ своихъ дѣйствіяхъ вліяніемъ Основьяненка, собрало значительную сумму общихъ приношеній, и Институтъ для дѣвицъ былъ открытъ въ 1812 году, черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Университета и черезъ годъ по открытіи Филотехническаго Общества. Актъ на открытіе Института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27-го іюля 1812 года. На Квитку возложено было открыть Институтъ 10-го сентября, что̀ онъ и исполнилъ въ то время, какъ непріятель занималъ Москву... Основьяненкѣ ввѣрено было главное управ-

---

([34]) По словамъ Н. Ю. Квитки, это Общество помѣщалось тогда въ домѣ Ѳотіева, за рѣкою Харьковомъ, противъ нынѣшняго дома Задонскаго, въ зданіи низенькомъ, въ два окна. Члены вносили по 25 р. асс. въ годъ. Набирались въ классы этого Общества дѣвочки съ москъ и просто съ улицы. Иные вмѣсто денегъ вносили хлѣбъ, муку, холстъ. На десять дѣвочекъ всѣхъ классовъ былъ сперва гимназическій учитель, безъ жалованья. Скоро стали сюда поступать просьбы и отъ бѣдныхъ дворянъ о помѣщеніи ихъ дѣтей. Заведеніе разрослось и было переведено въ домъ нынѣшней Палаты Государственныхъ Имуществъ, съ куполомъ, украсившись надписью: «Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ *Общества Благотворенія*». Когда Институтъ перешелъ подъ вѣдѣніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, два послѣднія слова на вывѣскѣ были стерты. Наконецъ, былъ купленъ на пожертвованныя Демидовымъ 20,000 р. асс., у полковницы Шарановой, домъ на Екатеринославской Улицѣ.

([35]) По словамъ И. И. Срезневскаго, въ «Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ, 1843 г., № 33, въ статьѣ *О кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, стр. 299.

леніе дѣлами Института, на который онъ, по словамъ г. Срезневскаго, «принесъ въ жертву почти все достояніе свое». Вскорѣ, по ходатайству Основьяненка, блаженной памяти императрица Марія Ѳеодоровна приняла Харьковскій Институтъ подъ свое покровительство. Это было въ 1818 ([36]).

Вотъ что̀ говоритъ К. М. Сементовскій объ участіи Основьяненка въ этомъ дѣлѣ:

«Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ Общества Благотворенія, Г. Ѳ. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было бы для сохраненія памяти о немъ Однимъ изъ попеченій Общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ...

«Дѣти мужескаго пола опредѣляемы были, на иждивеніи общества, въ пансіонѣ при губернской гимназіи; для воспитанія же дѣвицъ, ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ, не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ Институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе изъ каждаго уѣзда Харьковской Губерніи, по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь, быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Скоро туда были помѣщаемы и дочери помѣщиковъ, на ихъ собственномъ иждивеніи и насчетъ казны Императрицы Маріи Ѳеодоровны». (*)

Когда Институтъ, по представленію Квитки, уже избраннаго въ 1817 году предводителемъ дворянства Харьковскаго Уѣзда, поступилъ въ число казенныхъ заведеній, учредителю его поручено составить

([36]) Подробности объ этомъ находятся въ статьѣ *Велихова*, напечатанной въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1840 г., № 159, и «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» того же года, № 26.

(*) Первою ученицей, кончившей курсъ въ Институтѣ, была *Евг. Ив. Пчелкина*, учившая автора этой статьи грамотѣ. Она жива еще, и съ восторгомъ вспоминаетъ Квитку.

«Совѣтъ» для управленія Институтомъ. Въ январѣ 1818 года Основьяненко, по выборамъ, утвержденъ членомъ Институтскаго Совѣта и оставался въ этой должности до мая 1821 года. Н. Ю. Квитка говоритъ, что въ 1816 году Основьяненко сочинилъ «Кадриль» для встрѣчи возвращавшихся въ Харьковъ изъ Парижа войскъ. Здѣсь, между-прочимъ, былъ хоръ, гдѣ дѣвицы пѣли:

Милости просимъ, гости желанны,
Лавры пожавши, къ намъ отдохнуть!

Позже, его же стараніями, открыты въ Харьковѣ: Кадетскій Корпусъ, переведенный потомъ въ Полтаву, и Публичная Библіотека при Университетѣ. Основьяненко въ нѣкоторыхъ изъ неизданныхъ писемъ своихъ, въ 1839 году, съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ времени и о заслуженномъ торжествѣ своемъ. Харьковскій Институтъ имѣлъ еще особенно-благое значеніе для нашего автора. Черезъ отношенія къ нему, онъ узналъ одну изъ достойнѣйшихъ его классныхъ дамъ, на которой вскорѣ и женился. Свадьбѣ предшествовала самая страстная любовь, которой, по словамъ М. С. Щепкина, отвѣчали неменѣе-нѣжно и пылко ([37]). Супруга имѣла такое важное значеніе въ литературной жизни Основьяненка, что мы постараемся подробнѣе, словами его же собственной корреспонденціи, обрисовать ее. Около 1818 года, изъ Петербурга пріѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепиньерокъ Екатерининскаго Института. Тогда Основьяненкѣ было уже *подъ-сорокъ лѣтъ*. Черезъ два года по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, около 1821 года, классная

([37]) Около 1814—1815 г., по словамъ Н. Ю. Квитки, Основьяненко ѣздилъ въ Москву, по семейному дѣлу А. М. Зарудной съ А. Г. Хитровою, ея внучкою, которую она обошла какъ-то въ дѣлежѣ имѣнія. Поѣздка обошлась нашему автору что-то очень-дорого, говорятъ не менѣе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и была очень-мало вознаграждена домомъ въ 3,000 руб сер. Эта поѣздка явно отразилась въ «Письмахъ Повинухина» два года спустя.

дама вышла за Основьяненка замужъ и осчастливила его, по собственнымъ его словамъ, на всю жизнь ([38]). Это была знаменитая и почтенная Анна Григорьевна, которой имя такъ часто встрѣчается въ «посвященіяхъ повѣстей» ея мужа, которая принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ нашего автора, лелѣяла жизнь его, выслушивала и поправляла его сочиненія, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненія, какъ на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свѣтѣ ея стараго друга, она бросила свѣтъ и «съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда могла за нимъ сойдти въ могилу».

Вотъ какъ о ней говоритъ самъ Основьяненко, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 8-го февраля 1839 года: «Мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный, Анна Григорьевна, находитъ, что «Щирая любовь» интереснѣе «Маруси» ([39]). Не знаю, какъ въ свое время посудите; но я ей вѣрю; что̀ было бы безъ ея руководства? Если занесусь, она меня притянетъ; если опускаюсь низко, она велитъ вылазить, или оставить и приподняться; она-то въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, въ описаніи дѣйствій... Она судьбой дана мнѣ въ награду, не знаю, за что̀; но только изъ того Института, который здѣсь учрежденъ! Она первая прибыла сюда классная дама и наградила меня

([38]) Намъ неизвѣстно съ точностью время женитьбы Квитки; свѣдѣнія наши основаны на приводимыхъ здѣсь письмахъ жены его и на слѣдующемъ письмѣ *г. Вилламова*, изъ Гатчины, отъ 27-го сентября 1820 года, къ нашему автору: «Я имѣлъ счастіе докладывать Государынѣ Императрицѣ, по доставленному отъ 11-го сего мѣсяца всеподданнѣйшему прошенію, о желаніи вашемъ сочетаться бракомъ съ классною дамою, дѣвицею Вульфъ; и Е. И. Величество изъявить изволила на то Высочайшее согласіе, со всемилостивѣйшимъ желаніемъ вамъ на сей союзъ благословенія Всевышняго и всякаго благополучія».

([39]) Извѣстныя повѣсти Основьяненка, которыя тогда переводились имъ самимъ съ малороссійскаго для «Современника».

собою за всѣ заботы мои объ Институтѣ! Жизнь моя коловратна; когда-нибудь передамъ, хоть въ отрывкахъ, для любопытства». При этомъ письмѣ приложено письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ 1 го февраля 1839 года, въ которомъ, между-прочимъ, она пишетъ: «Я — Вульфъ, первая, выпущенная въ 1817 году, и на другой же годъ изъ пепиньерокъ отправленная, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Харьковскій Институтъ, гдѣ, находясь два года, вышла замужъ за основателя и члена сего же заведенія, нынѣ извѣстнаго Грицька Основьяненка... Вы справедливо сказали, что я счастлива, ибо какое благо въ мірѣ можетъ сравниться съ тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое я имѣю въ моемъ мужѣ-другѣ! О, какъ вы хорошо разгадали эту рѣдкую душу!» Другое письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ того же февраля 1839 года, еще любопытнѣе; въ немъ сохранены свѣдѣнія о жизни Основьяненка въ первые годы его женитьбы. Вотъ оно: «Вы пишете, что я напомнила вамъ одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ вашей жизни; эти слова воскресили и въ моей душѣ пріятнѣйшія воспоминанія юности моей, когда я, безпечная, веселая, думала, что весь свѣтъ заключается въ стѣнахъ институтскихъ и что быть пепиньеркой есть такое счастье, съ которымъ ничто сравниться не можетъ, а вступить въ классныя дамы, чего я только тогда не ожидала, значило уже устроить свою судьбу навѣкъ. Но вотъ какъ судьба разрушила всѣ мои планы; мнѣ дали чинъ классной дамы, но съ какимъ пожертвованіемъ? Чтобъ я ѣхала въ Харьковъ! И до-сихъ-поръ живо помню, какъ поразило меня это извѣстіе; и когда я уже увидала, что это неизбѣжно, что я должна разстаться съ Институтомъ и съ моими милыми подругами, я думала, что умру съ отчаянія! Остальное вамъ извѣстно; однакожь, вышедши замужъ, я не переставала мечтать о Петербургѣ и часто просила моего мужа найдти какую-нибудь должность и переѣхать туда; но онъ, *любя свою родину* и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался! Такъ прошли годъ за годомъ; и вотъ я ужь восьмнадцать лѣтъ постоянная жительница Малороссіи... нѣтъ, двадцать, потому-

что два года была классною дамою. Первыя десять лѣтъ жили мы въ самомъ городѣ, гдѣ и тогда я рѣдко бывала въ свѣтѣ; а вотъ восемь лѣтъ, какъ я веду жизнь совершенно-отшельническую, живя на Основѣ, которая тогда оживляется, когда кто изъ родныхъ пріѣдетъ, какъ прошедшее лѣто я провела съ милой и любезной m-me Башуцкой» ([40]). Хлопоты по устройству Института невсегда приносили однѣ розы нашему автору; въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1839 года онъ говоритъ: «Вотъ мое чистосердечное сознаніе; никогда я не думалъ писать что-либо! Читаемое не нравилось; а если встрѣчалось что-либо, сходствовавшее съ моимъ разумѣніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не лелѣяли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятія, пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени... Я устроивалъ Институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями; произвелъ, и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ! Бросилъ всѣ мои труды и тутъ-то, посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденный, принялся писать!»

Институтъ былъ, какъ читатель видѣлъ, причиною женитьбы нашего автора. Въ это время, по словамъ М. А. Коростовцевой, родственницы Основьяненка, нашъ авторъ жилъ у своей матери, въ ея домѣ на Екатеринославской улицѣ, невдалекѣ отъ Холодной горы, противъ Дмитріевской Церкви. Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ калитку институтскаго сада. По словамъ Е. И. С—ой, бывшей тогда тоже сосѣдкою по квартирѣ Квитки, помѣщеніе нашего автора заклю-

---

([40]) Марья Андреевна, дочь Андрея Ѳедоровича Квитки, роднаго брата Основьяненка.

чалось въ двухъ комнатахъ: большой, въ три окна во дворъ, и маленькой спальнѣ, въ одно окно, выходившее въ садъ.

Домъ, гдѣ онъ жилъ, принадлежалъ Кундиной. Въ этой квартирѣ три первые мѣсяца онъ провелъ и женатый; туда ему носили, между-прочимъ, отъ матери, жившей по сосѣдству, въ домѣ дочери своей, чай, а обѣдалъ онъ съ матерью. Прибавимъ, что мать нашего автора была въ числѣ директриссъ Института. М. А. Ко—цева воспитывалась тогда въ домѣ матери Основьяненка, съ его сестрами. Она помнитъ, какъ Основьяненко постоянно обѣдалъ съ ними, шутилъ, разсказывалъ объ Институтѣ и шалуньяхъ-институткахъ; помнитъ его въ тогдашнемъ темномъ сюртукѣ, съ многочисленными, мелкими складками на тальи, въ *чунаркѣ*, какъ ее называли; помнитъ его умные, черные глаза, изъ которыхъ одинъ былъ полузакрытъ, и его доброе, кроткое лицо ([41]).

Судя по приведеннымъ письмамъ Анны Григорьевны, онъ женился около 1821 года, слѣдовательно сорока лѣтъ отъ-роду. Въ это почти время начинается и его литературная карьера.

([41]) Прилагаемъ въ началѣ книги пріобрѣтенный нами отъ В. А. Квитки фотографическій снимокъ съ портрета, писаннаго съ автора масляными красками въ эту счастливую пору. Этотъ портретъ впервые нами публикованъ при «Пантеонѣ», въ этомъ году. На портретѣ Основьяненко изображенъ съ уставомъ Института въ рукѣ, въ легкихъ бакенбардахъ и съ густыми волосами, что̀ отличается отъ единственнаго его портрета, изданнаго при «Молодикѣ» г. Башиловымъ и перепечатаннаго въ Иллюстраціи, при статьѣ Сементовскаго.

III.

Первые литературные вечера въ Харьковѣ. — Начало журналистики. — Украинская литература до Квитки. — Первые журналы.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой, которую досихъ-поръ съ почтеніемъ вспоминаютъ бывшіе тогда студенты харьковскіе, стали собираться по вечерамъ *для чтенія*. Эти первые «литературные вечера» собирали цвѣтъ тогдашняго харьковскаго ученаго и литературнаго свѣта, профессоровъ, студентовъ и всякихъ диллеттантовъ, словомъ, все мыслящее общество маленькаго городка, гдѣ тогда было не болѣе двѣнадцати тысячъ жителей. Здѣсь сталъ появляться, со своими малороссійскими анекдотами, игрою на флейтѣ и пьесами для фортепьяно, своего сочиненія, и будущій Основьяненко.

Вслѣдъ за вечерами Любовниковой, открылись литературныя чтенія у Гонорскаго, названнаго нами выше молодаго адъюнкта русской словесности. Основьяненко, появляясь здѣсь, уже не сидѣлъ молча, а позво-

лялъ себѣ разсуждать о тогдашней русской литературѣ. Читалось, однако, тогда мало. Книги привозились въ Харьковъ, до 1805 года, московскими книгопродавцами, во время ярмарокъ. Помѣщики запасались букварями для дѣтей, кое-чѣмъ новымъ для себя, изъ фаланги «Псовыхъ охотниковъ», «Ружейныхъ егерей», «Домашнихъ аптекарей» и «Домашнихъ кухарокъ»; и затѣмъ временныя книжныя лавки опять скрывались изъ Харькова ([42]). Тамъ, гдѣ теперь въ гостиномъ дворѣ извѣстная книжная лавка П. И. Апарина, возникла скоро постоянная, маленькая кладовая книгъ отъ московскаго магазина М. П. Глазунова ([43]). Тогда болѣе шелъ въ продажу «Анахарсисъ». Однажды, это было около 1814 года, въ лавку вошелъ робкій молодой студентъ, Н. К. М — и, отъ котораго мы это слышали, и принесъ подъ-мышкою книгопродавцу толстую тетрадь, предлагая ее купить. Тетрадь была переводъ романа Кубуадоръ, подъ именемъ «Ужасы судьбы, или четыре несчастливца», романа сантиментальнаго и нѣжнаго, несмотря на заглавіе. Владѣтель магазина повернулъ въ рукахъ увѣсистую кипу листовъ, взглянулъ на молодаго автора и предложилъ ему за всѣ три тома: двадцать-пять рублей ассигнаціями. Таковы были тогдашнія харьковскія средства въ-отношеніи литературныхъ изданій! Одинъ шагъ уже оставался къ изданію журнала.

Украинская литература начинается народной *пѣсней* и *сказкой*. Гоголь говорилъ: «Пѣсня для малороссіянина все — и поэзія, и отцовская могила. Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому-что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему событію». Пѣсня — дневникъ украинца, лирическая лѣтопись, куда онъ вносилъ въ былые годы все, что́ чувствовалъ, мыслилъ и дѣлалъ. Украинская сказка — это украинская эпопея. Здѣсь

([42]) Со словъ И. Т. Лисенкова, бывшаго прикащикомъ въ одной изъ книжныхъ лавокъ того времени.

([43]) Брата петербургскаго книгопродавца И. П. Глазунова.

все туземное, обыденное, едва-подернутое оттѣнкомъ фантастическимъ. Иногда залетаютъ сюда и краски чуждой странѣ жизни, вымыслы иныхъ народовъ. Сказка степная говоритъ только о тѣхъ картинахъ и событіяхъ, которыя проходятъ передъ глазами простолюдина, которыя затрогиваютъ его творческую мыслительность, почти не отрывая его отъ домашняго порога, огорода, его вишневаго сада, степи, плуга и воловъ. Пѣсня и сказка украинскія составляли степную, ходячую лирику и эпосъ, задолго до появленія книжной дѣятельности въ степяхъ. Печатная же украинская литература начинается, какъ и вездѣ, лѣтописцами. Центромъ ея сперва явился Кіевъ—колыбель русской жизни; потомъ, съ началомъ XIX-го вѣка, ея средоточіе перешло въ Харьковъ, гдѣ былъ открытъ первый южно-русскій университетъ. Въ послѣдніе годы Кіевъ и Харьковъ нераздѣльно идутъ впереди литературной дѣятельности Украйны ..

Древнѣйшими памятниками степнаго нарѣчія были, съ XI-го вѣка, отрывки въ сказаніяхъ Нестора, Кирилла Туровскаго, «Слова о Полку Игоря», Ефрема Сурина, въ грамматахъ князей владимірскихъ и галицкихъ, и въ поученіи Владиміра Мономаха. Позже это нарѣчіе является, въ смѣшеніи съ польскимъ и бѣлорусскимъ, въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, у Петра Могилы, Лазаря Барановича, Антонія Радзивиловскаго и въ переводахъ: Библіи докторомъ Скориною и проповѣдей цареградскаго патріарха Каллиста. Организованнымъ является оно въ «Литовскомъ Статутѣ» и въ «Словарѣ Памвы Берынды», въ «Гетманскихъ универсалахъ» и въ полныхъ лѣтописяхъ, какова извѣстная лѣтопись Величко, недавно-изданная. Сюда же относятся: старинные акты Южной Руси, письма Мазепы къ дочери Кочубея и два любопытные памятника: «Кроныка зъ лѣтописцевъ стародавнихъ, Ѳеодосія Софоновича, игумена Михайловскаго Златоверхаго Монастыря въ Кіевѣ, 1672—81 года», упоминаемая г. Бодянскимъ въ «Ученыхъ Запискахъ» Московскаго Университета, 1834 г., ч. VI, стр. 287—313, въ превосходной статьѣ его, подъ псевдонимомъ: *Мастакъ*, и «Изборникъ Святослава», составленный кіевскимъ дьякомъ Іоанномъ Эта литература, впрочемъ,

оставалась еще совершенно-чуждою народу и не могла имѣть никакого вліянія на появленіе послѣдующихъ украинскихъ поэтовъ и литераторовъ. Со времени Петра-Великаго украинское нарѣчіе начинаетъ вырабатываться подъ рукою ученыхъ. Проповѣдники начала XVIII-го вѣка были почти всѣ малороссы, переселившіеся съ юга въ наши столицы. Мелетій Смотрицкій, коренной украинецъ, былъ первый русскій грамматикъ. Другой грамматикъ Павловскій, въ 1818 году, издалъ: «Грамматику малороссійскаго нарѣчія», гдѣ (на стр. 90 — 93) помѣстилъ цѣлый разсказъ поукраински, отрывокъ изъ исторіи нѣкоего малороссіянина. Въ это же почти время раздались въ печати и первые звуки собственно-литературнаго украинскаго языка: то былъ извѣстный авторъ «Энеиды, вывороченной наизнанку», Котляревскій. Въ «Перелицованной Энеидѣ», писанной въ 1798, 1808 и 1809 годахъ и изданной вполнѣ уже въ 1842 году, хотя для насъ заключается порядочная частица снотворности и воды, господствуетъ, тѣмъ неменѣе, чистый малороссійскій языкъ «puritatis legitimae», какимъ впослѣдствіи писалъ рѣдкій изъ южно-русскихъ писателей, не исключая и Квитки, писавшаго на смѣшанномъ харьковскомъ нарѣчіи. Вслѣдъ за «Энеидою» Котляревскій написалъ двѣ оперетки: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ», обѣ изданныя только въ 1838—1841 годахъ, въ «Украинскомъ Сборникѣ» г. Срезневскаго. Между Котляревскимъ и собирателями украинской старины, рядъ которыхъ открылъ въ 1819 году князь И. А. Цертелевъ, является въ одно время съ Основьяненкомъ Гулакъ-Артемовскій, авторъ пьесъ: «Твардовскій», «Тюхтій та Чванько», «Солоній та Хівря, або горохъ при дорози», «Панъ та собака», «Батько та сынъ», и переводовъ изъ Гёте: «Рыбакъ» и одъ Горація, названнаго имъ «Гараською»... О Квиткѣ скажется подробно въ нашей статьѣ. Здѣсь назовемъ его современниковъ и преемниковъ, чтобъ вполнѣ очертить нашу рамку украинской литературы, въ средѣ которой онъ появился въ 1816 году. Князь Цертелевъ издалъ въ 1819 году «Старинныя малороссійскія пѣсни». За нимъ М. А. Максимовичъ, въ 1824 году, издалъ также «Малороссійскія пѣсни», которыхъ продолженіемъ служили впослѣд-

ствіи другіе его сборники пѣсенъ и нѣсколько томовъ его сборника «Кіевлянинъ». Вслѣдъ за Максимовичемъ выступилъ другой ученый, И. И. Срезневскій, съ «Украинскимъ Сборникомъ», «Украинскими Былями» и любопытнѣйшимъ изданіемъ своимъ, составляющимъ теперь рѣдкость: «Малороссійская и Запорожская Старина». Въ послѣднее время, въ числѣ собирателей украинской старины, стоитъ имя А. Л. Метлинскаго, извѣстнаго болѣе по псевдониму *Амвросія Могилы*, который издалъ свои «Думки та Пѣсни», «Южно-Русскій Зборникъ» и недавно прекрасный и обширнѣйшій сборникъ «Народныхъ южно-русскихъ пѣсенъ». Наконецъ, къ числу собирателей степной народности мы должны отнести г. Аѳанасьева, издавшаго недавно въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» нѣсколько варіантовъ южно-русскихъ думъ (*), г. Лукашевича, К. Сементовскаго и автора двухъ замѣчательныхъ диссертацій по русской литературѣ въ Харьковскомъ Университетѣ И. К—ова. Въ числѣ иностранцевъ, трудившихся надъ украинскою стариною, стоятъ имена: въ Галиціи—Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Лозинскаго, Левицкаго и Вагилевича. Послѣ этихъ именъ мы должны назвать украинскихъ писателей собственно-литературнаго характера, повѣствователей и драматурговъ. Но читатель напрасно бы искалъ ихъ въ памяти лицъ, слѣдившихъ за степною поэзіей. Мы не будемъ рекомендовать ему ни Василія Парѣжнаго, писавшаго о Малороссіи, хотя этого автора, съ его «Бурсакомъ», гдѣ героини носятъ имена греческія, ставили въ родоначальники бурсаковъ Гоголя въ «Віѣ» и «Тарасѣ Бульбѣ», а повѣсть «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ» въ родоначальницы повѣсти «О томъ, какъ Иванъ Иванычъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», потому только развѣ, что въ обѣихъ есть «по два Ивана» и «по страсти къ тяжбамъ». У г. Кукольника тоже есть романъ, гдѣ на сценѣ «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» и тоже страсть къ сутяжничеству. Въ подобномъ сходствѣ наконецъ можно упрекнуть и «Героя нашего времени»

(*) Тамъ же печатается теперь его опытъ «*Словаря Малороссійскаго нарѣчія*»

съ «Рыцаремъ нашего времени» Карамзина. Не будемъ рекомендовать читателю и Ореста Сомова, писавшаго въ тридцатыхъ годахъ подъ именемъ *Порфирія Байскаго,* автора повѣстей: «Юродивый», «Гайдамакъ», «Русалка», «Оборотень», «Ночлегъ Гайдамаковъ», «Сватовство», «Живой въ обители блаженства вѣчнаго», «Кіевскія Вѣдьмы», «Недосозданіе» и «Недобрый глазъ». Это все невинная и давно-забытая старина. Въ одно время съ Сомовымъ явился другой украинскій романистъ Петръ Голота, написавшій, съ 1832 года, романы: «Иванъ Мазепа», «Наливайко» и «Хмѣльницкіе», и вслѣдъ за нимъ г. Александръ Кузьмичъ и позднѣйшіе повѣствователи и стихотворцы: Корсунъ, Петренко, Писаревскій, Кореницкій, Шереперя, Забѣлла и Боровиковскій. Болѣе замѣтно выдался изъ среды послѣдней эпохи харьковско-полтавской литературы Евгеній Гребенка. Мы должны указать еще на Маркевича, автора «Украинскихъ Мелодій», на Бодянскаго, который, подъ псевдонимомъ *Запорожца Иськи Матерынки,* въ 1833 году, издалъ первый опытъ пересказыванія, помалороссійски, степныхъ сказокъ; и наконецъ на г. Кирилла Тополи, который, послѣ автора «Думъ», рано сошедшаго съ литературнаго поприща, едва-ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу.

Но, при страстномъ желаніи посѣтителей вечеровъ у Любовниковой и Гонорскаго, изданіе журнала долго не осуществлялось. Наконецъ, журналъ—гордость маленькаго городка—въ началѣ 1816 года вышелъ, и Основьяненко въ немъ, съ первыхъ же поръ, является прямо *однимъ изъ издателей.* Остановимся нѣсколько-долѣе надъ этимъ временемъ и его лицами, имѣвшими сильное вліяніе на послѣдующую дѣятельность Основьяненка.

Журналъ, который сталъ выходить при харьковской типографіи, назывался «Украинскій Вѣстникъ». Онъ выходилъ, въ шестнадцатую долю листа, въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, и составляетъ теперь для самихъ библіомановъ *библіографическую рѣдкость.* Редакторами его были Евграфъ Филомаѳитскій и Разумникъ Тимоѳеевичъ Гонорскій. Въ

концѣ четвертой и послѣдней части этого журнала за первый годъ, при извѣстіи объ изданіи его въ слѣдующемъ году, въ главѣ двухъ этихъ издателей, подписался и Основьяненко настоящимъ своимъ именемъ: *Григорій Квитка*.

Подъ редакціею Основьяненка и двухъ другихъ издателей «Украинскій Вѣстникъ» тотчасъ сталъ на твердую ногу. Мы пересмотрѣли его. Здѣсь, кромѣ общихъ тогдашнему времени произведеній въ родѣ «Осенней прогулки въ день моего ангела», печатались и дѣльныя статьи ученаго содержанія: «Введеніе въ исторію Малороссіи» (1818 г., VII ч. 260 стр. и VIII 73 стр.), «О Малой Россіи», соч. М. Грибовскаго (1816 г. I ч.), «Гетманъ Хмѣльницкій», «Сковорода» (1817 г. VI ч., 106 стр.) и статьи критическія: «Живописная проза» и «О гармоніи слова», одного изъ издателей его, Р. Т. Гонорскаго. Основьяненко печаталъ здѣсь, за подписью *Григорія Квитки*, отчеты о Благотворительномъ Обществѣ и объ Институтѣ, и статьи юмористическія, производившія въ Харьковѣ фуроръ, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повипухина*. Въ отчетахъ объ Институтѣ Основьяненко вдохновляется дѣломъ рукъ своихъ и безпрестанно приводитъ громкія слова: «Россіянки, прекрасныя дщери отчизны, кѣмъ Россы рождены, кѣмъ Россы плѣнны!» Въ письмахъ Фалалея Повипухина, мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, начиная ихъ словами: «пардонъ, мессіе; миль пардонъ!» и прибавляя: «же ву мерси!» авторъ жалуется на свою жену, которая будто-бы только рядится, да разъѣзжаетъ по театрамъ; жалуется на сосѣдей, которые будто-бы узнали уже его роковое имя и хотятъ его поколотить; проситъ черезъ журналъ выслать ему француза-учителя; становится, по желанію учителя, изъ Фалалея, *Ѳалурденомъ Повипухинымъ;* объявляетъ, что учитель, вмѣстѣ съ ящиками, привезъ изъ Харькова и *мадамъ;* что учитель съ мадамою везутъ его въ Москву; что въ Тулѣ его хватаютъ за долги, что онъ угощаетъ квартальнаго; за неоплаченный счетъ завтрака, попадаетъ въ маркёры и, наконецъ, въ пахлѣбники къ одному помѣщику, гдѣ ему, впрочемъ, хорошо, но-

тому-что тамъ его встрѣтило все готовое: столъ, вино и баня. Въ 1817 г., въ V-й части «Вѣстника» Основьяненко напечаталъ письмо къ редакторамъ, гдѣ говоритъ: «Почтенные сотрудники! я получилъ на выборахъ должность предводителя дворянства, поэтому отказываюсь отъ участія въ журналѣ; самимъ издателемъ убѣдило меня быть *только горячайшее желаніе пользы краю*, тогда-какъ я несъ лишь званіе издателя и не имѣлъ способностей не только писать, но и быть полезнымъ въ вашихъ совѣщаніяхъ! Прошу передѣлывать дальнѣйшія мои статьи объ Институтѣ, о чемъ просить побуждаетъ меня также не слава *прослыть мастеромъ слова!*» Но недолго блаженствовали издатели на лаврахъ... Въ Харьковѣ основался другой журналъ — совершенная противоположность «Украинскому Вѣстнику», журналъ, подъ названіемъ «Харьковскій Демокритъ, тысяча первый журналъ», издаваемый Василіемъ Масловичемъ. Въ эпиграфѣ его стоитъ:

Журналовъ тысяча, а книги ни одной...

На сколько первый журналъ былъ строгъ и ученъ, на столько второй былъ веселъ и шутливъ, смѣялся надъ ученостью, и на всякую важную и строгую вещь писалъ пародіи. Самые мѣсяцы, въ которые онъ издавался (а такихъ было всего шесть, потому-что уже въ концѣ шестаго, на послѣдней страничкѣ, стояла меланхолическая строчка: *кончина Демокрита)*, самые мѣсяцы на заглавныхъ листахъ его носили особыя имена, напримѣръ: *Ай, ай, ай! мѣсяцъ май—тепелъ, да холоденъ!* Здѣсь печатались плохія описанія города Харькова въ стихахъ. Издатели «Украинскаго Вѣстника», преклонивъ оружіе, сами стали въ ряды сотрудниковъ веселаго «Демокрита» и его редактора, который, впрочемъ, былъ старѣе ихъ всѣхъ, носилъ парикъ и очки. Между-прочимъ, Основьяненко появился здѣсь съ стихотвореніями, подъ которыми вездѣ стоитъ полная его подпись *Григорій Квитка*. Эти стихотворенія «Воззваніе къ женщинамъ» и искусные «Двойные акростихи» любопытны тѣмъ-болѣе, что ихъ писалъ будущій веселый авторъ украинскихъ повѣстей и писалъ почти на сороковомъ году жизни.

Вотъ отрывки напечатанныхъ и неупоминаемыхъ ни однимъ изъ его біографовъ стихотвореній Основьяненка:

Воззваніе къ женщинамъ.

Волосы сѣдѣютъ,
Зубы ужь падутъ;
Душеньки, прощайте,
Не могу любить!
Обожалъ я Машу,
Катѣ строилъ *куръ*,
Чуть не застрѣлился —
Надю, какъ узналъ! (Январь, 1816 годъ, стр. 50—61).

Не хочу.

Люди добрые, винюся!
Вѣрьте, право, не шучу!
Передъ всѣми признаюся,
Что жениться я хочу!
Женщинъ много въ бѣломъ свѣтѣ,
Я тотчасъ жену сыщу;
Маша, ты одна въ предметѣ,
Согласишься ль? Не хочу! (Стр. 112—114).

Много именъ отвѣчаетъ ему на вопросы словомъ *не хочу!* пока, наконецъ, онъ самъ догадывается и заключаетъ:

Коль никто идти не хочетъ —
Такъ и я ужь не хочу!

Въ мартовской книгѣ «Демокрита» напечатано стихотвореніе его «Мнѣ». Но любопытнѣе всего его двойные акростихи. Вотъ образчикъ

одного изъ нихъ (118 стр.), гдѣ имя акростиха составляется и въ началѣ и въ концѣ:

Надя.

*Н*а толь тебя узналъ, чтобы отдаться въ плѣ*Н*ъ?
*А*хъ! страстію горю часа ужъ дв*А*!
*Д*ругихъ оставилъ я, исполнить чтобъ обря*Д*ъ!
Я долженъ же спросить, любимъ ли *Я*?

Въ числѣ рукописныхъ, оставшихся послѣ его смерти, стихотвореній, назовемъ «Мой разговоръ съ Ванькою, въ день моего рожденія» и басню «Оселъ и Звѣри», гдѣ мы нашли, между-прочимъ, такой звукоподражательный стихъ:

Рогами быкъ бока бодалъ...

Н. Ю. Квитка доставилъ намъ, въ числѣ другихъ бумагъ покойнаго, еще два неизданныя стихотворенія Основьяненка: «Посвященіе альбома», будто бы переводъ изъ Горація, подъ которымъ стоитъ подпись *5 января 1816 года, Кяхта;* и «Прибавленіе къ посвященію альбома». Вотъ начало этой сантиментальной старины:

Посвященіе альбома.

(*Переводъ изъ Горація*).

«Твой кумъ
Привыкъ всегда безъ дальнихъ думъ,
Что въ сердцѣ зародится,
Тотчасъ и изъясниться,
И правду рѣжетъ завсегда.
Примѣромъ — скажемъ съ позволенья,
Прекрасна ты, ей-Богу, безъ сравненья!

Ну правда вить!... а правда не бѣда!
И если бы случилось —
Не онъ... О! нѣтъ, не онъ, а какъ бы такъ сказать,
Что сердце бы его въ тебя влюбилось;
Не будетъ онъ молчать!
Хотя не скажетъ, такъ напишетъ,
Что сердце все его тобою дышетъ.
Ну! вотъ твой кумъ каковъ! и т. д.

Но любопытнѣе всего этого доставленный намъ Н. Ю. Квиткою «Маршъ», сочиненный Основьяненкомъ и подаренный въ 1817 г. Натальѣ Гавриловнѣ Раевской, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ([44]). Музыка «Марша», по отзыву знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, обличаетъ также и музыкальное дарованіе Основьяненка. Объяснительный же текстъ къ печальному маршу напоминаетъ Ѳалалея Повинухина. Вотъ его подстрочныя поясненія, которыя надобно пѣть:

«Получается жестокое повелѣніе гусарамъ ѣхать; у прекрасныхъ сердца трепещутъ; вздохи, увѣренія, клятвы, и прочее, какъ водится; прощайте, не забудьте насъ, а мы васъ никогда! Колокольчикъ; уѣхали; стенанія, плачь, грусть вѣчная, до перваго собранія, какъ обыкновенно бываетъ у женщинъ, не прогнѣвайтесь!»

([44]) Эта привязанность высказалась впослѣдствіи довольно-оригинально. Нашъ авторъ, будучи въ слободѣ Лишцахъ, гдѣ нынче станція подъ Харьковомъ и гдѣ происходитъ дѣйствіе его повѣсти: «Солдатскій портретъ», услышалъ въ Сельской Расправѣ устный процесъ поселянина съ поселянкою. Первый, между-прочимъ, воскликнулъ послѣдней: «Нѣтъ уже, *Наталко*, воля твоя, а ты неправа, что завладѣла моимъ огородомъ въ Лишцахъ!» Довольно было Основьяненкѣ имени Наталки, чтобъ своимъ авторитетомъ въ Сельской Расправѣ повернуть дѣло въ пользу поселянки. — *(Со словъ Н. Ю. Квитки).*

Внизу нотъ, на рукописи «Марша», сдѣлана приписка рукою женщины: «Чаще это случается съ мужчинами!» По словамъ Н. Ю. Квитки, авторъ нашъ сочинилъ тогда еще «Пѣсню», съ музыкой для двѣнадцати охотниковъ своего брата, которымъ придумалъ и особаго устройства двѣнадцать же роговъ, съ клапанами, въ родѣ кларнета. Онъ въ это время уже подтрунивалъ надъ своимъ прошлымъ и домашніе пѣвчіе его знатнаго брата распѣвали комическую пѣсню, также его сочиненія, въ которой читатель узнаетъ его самого:

Прійшовъ Грицъ, зажурывсь,
Та и въ ченци пострігсь.
Грицю, Грицю, до Маруси;
Заразъ, заразъ приберуся!
Грицю, Грицю, до роботы;
Въ Гриця порваны чоботы!
Грицю, Грицю, роби хлибъ;
Акхи, акхи — щось охрипъ ([45])!

«Харьковскій Демокритъ» прекратился въ началѣ своемъ (въ 1816 году); «Украинскій Вѣстникъ» пересталъ выходить въ началѣ 1820 года. Въ промежутокъ же этого времени выходили, при той же университетской типографіи (1817 по 1818 г.): «Харьковскія извѣстія, листы въ четырехъ отдѣленіяхъ». Это было родъ газеты, гдѣ помѣщались внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Этой газеты нѣтъ возможности нигдѣ достать; ея нѣтъ даже въ «Публичной Библіотекѣ», въ Петербургѣ. Намъ однажды случайно попался разрозненный ея экземпляръ и, сколько помнится, тамъ бы-

---

([45]) Любопытно, что эта пѣсня стала теперь народною и г. Метлинскій внесъ ее, по ошибкѣ, въ новое изданіе свое: «Южно-русскія пѣсни» 1854 г.

ли статьи объ Институтѣ, о которомъ постоянно въ то время, надо замѣтить, писалъ одинъ только Основьяненко. Не знаемъ, кто былъ издателемъ этой газеты. Въ 1824, 1825 и 1826 годахъ выходилъ еще въ Харьковѣ, при Университетѣ: «Украинскій Журналъ», изданіе А. Склабовскаго. Здѣсь уже господствовала строгая наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Основьяненко здѣсь не участвовалъ.

IV.

Переходъ въ «Вѣстникъ Европы». — Новые псевдонимы. — Комедія. — Заимствованъ ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя? — Первыя повѣсти.

Женившись, авторъ нашъ, по прекращеніи «Украинскаго Вѣстника», перенесъ свои труды въ «Вѣстникъ Европы», журналъ, издававшійся въ Москвѣ Каченовскимъ. Здѣсь онъ участвовалъ съ 1820 по 1824 годъ, продолжая печатать юмористическія письма, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина*, и подъ другими псевдонимами; главное лицо, къ которому обращались эти письма, былъ *Лужницкій Старецъ*, псевдонимъ, нынѣ разгаданный.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 года напечатана статья «Записки Лужницкаго Старца», съ подписью *Малые Лужники*. Тутъ же, въ другой статьѣ, въ письмѣ. *Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника*, Лужницкій Старецъ оспориваетъ мнѣніе этого журнала, будто-бы ходившая тогда по Москвѣ рукопись «Записка о достопамятностяхъ Москвы» принадлежала исторіографу Карамзину, потому только, что доставлена въ печать Карамзинымъ. Авторъ называетъ себя здѣсь братомъ *Московскаго бродяги*. Такимъ-образомъ Лужницкій Старецъ самъ обратилъ на себя вниманіе «Украинскаго Вѣстника». Г. Гаевскій

въ статьѣ «Дельвигъ» ([46]), говоритъ: «Дельвигъ жилъ ([47]) на одной квартирѣ съ покойнымъ Н. Л. Яковлевымъ, братомъ лицейскаго товарища Дельвига М. Л. Яковлева, писавшимъ подъ псевдонимомъ *Лужницкаго Старца* ([48]). Н. Л. Яковлевъ, старше Дельвига только двумя годами, былъ очень-друженъ съ его лицейскими товарищами и пріятелями, которые собирались у нихъ довольно-часто; а эти пріятели, какъ читатель знаетъ, были: Пушкинъ, Баратынскій и другіе, дорогія нашей литературѣ имена». Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1820 г. (стр. 157) мы нашли письмо къ редактору, за подписью *П. Як....* 23 ноября 1820 года. Здѣсь Лужницкій Старецъ нѣсколько выглянулъ изъ-за своего псевдонима. Въ этомъ же году въ «Вѣстникѣ Европѣ» появился и Основьяненко. Нѣкоторое сочувствіе между «Вѣстникомъ Европы» и «Украинскимъ Вѣстникомъ», надо замѣтить, выразилось уже тотчасъ по прекращеніи послѣдняго, въ 1819 году. Доказательствомъ этому служитъ, между-прочимъ, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1820 году, съ примѣчаніемъ редактора: «Письмо въ Украинскій Вѣстникъ», уже прекратившійся, куда оно собственно и назначалось, изъ Камчатки, за подписью *Людмилла Рикордъ* ([49]). Это было начало любопытнѣйшей корреспонденціи о нравахъ и обычаяхъ неизвѣстнаго далекаго края ([50]). «Украинскій Вѣстникъ» получался въ тогдашней Камчаткѣ. Имя Вернета, въ немъ участвовавшаго, первое обратило на себя вниманіе П. И. Рикорда и его супруги. Пріѣхавъ въ скоромъ времени изъ Камчатки въ Харьковъ, по освобожденіи Головина изъ плѣна японскаго, знаменитый морякъ прежде всего пустился отъискивать квартиру харьковскаго литератора. Онъ нашелъ

([46]) «Современникъ», 1854 г., № 1. Критика, стр. 5.

([47]) Около 1818 г.

([48]) Н. С. Тихонравовъ показывалъ намъ цѣлую книжку, изданную въ тѣ времена *Лужницкимъ Старцемъ*, замѣтивъ, что подъ именемъ этого старца писали многіе, въ томъ числѣ гг. Каченовскій и Погодинъ.

([49]) Супруга покойнаго адмирала.

([50]) «Вѣстникъ Европы», 1820 г. Іюль, (стр. 248—265).

желанную квартиру и отворилъ дверь. Былъ вечеръ, и Иванъ Филипповичъ Вернетъ сидѣлъ въ потемкахъ. Заслышавъ гостя, хозяинъ бросился зажигать свѣчу, но П. И. Рикордъ послѣ первыхъ привѣтствій объявилъ, что при свѣчѣ гость и хозяинъ могутъ разочароваться другъ въ другѣ, что лучше всего бесѣдовать въ потемкахъ. Это понравилось Вернету; онъ проговорилъ около часу съ камчатскимъ гостемъ и разстался съ нимъ, не видавъ его въ лицо, потому-что П. И. Рикордъ, на другой же день, оставилъ уже Харьковъ ([51]).

Приведемъ кстати другой анекдотъ о Вернетѣ. Одинъ изъ знавшихъ Вернета, между-прочимъ, разсказывалъ намъ, что послѣдній постоянно, не только въ своихъ печатныхъ статьяхъ, что̀ мы отчасти знаемъ, но и въ разговорѣ, употреблялъ высокопарныя фразы и цитаты изъ древнихъ греческихъ и римскихъ авторовъ. И что̀ жь? Однажды подглядѣли за нимъ и нашли, что на донышкѣ фуражки Вернета выписаны были мелкимъ почеркомъ всѣ до одной фразы, которыми онъ забрасывалъ удивленныхъ слушателей...

Въ 5-мъ № «Вѣстника Европы», за мартъ, явился Основьяненко съ статьею «Письма къ Лужницкому Старцу», за подписью «Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ». А ниже: «Марта 1-го дня. Сыромятники». Псевдонимъ напоминаетъ первую службу Основьяненко, его состояніе не у дѣлъ при Департаментѣ Герольдіи, а самое письмо напоминаетъ письма Ѳалалея Повинухина. Письмо начинается словами: «Уже пять мѣсяцевъ были мы въ тѣхъ мысляхъ, что вы, мужъ почтеннѣйшій, посылаете свои статьи къ Миносу. Жена моя, бывъ увѣрена, что вы скончались, подавала милостыню бѣднымъ за упокой души вашей; сынъ мой ѣздилъ даже на

([51]) Этотъ анекдотъ разсказанъ нѣсколько-иначе, нежели мы слышали отъ самого Рикорда, и въ статьѣ «Современника»: *И. В. Вернетъ* (1847 № 1).

Ваганьково Кладбище отъискать могилу вашу, а досужій нашъ піита, г. Пустяковскій, читалъ намъ надгробіе Лужницкому Старцу!» Далѣе Аверьянъ Любопытный проситъ писать и не унывать духомъ, если Старца одолѣли Ничтовичи и Тараторины, и заключаетъ: «Вспомните, что̀ вытерпѣлъ другъ вашъ отъ *бродягъ*, преслѣдовавшихъ его въ Лужникахъ, за Москвою-рѣкою.» На это Лужницкій Старецъ сдѣлалъ подъ статьею примѣчаніе, гдѣ говоритъ, что, вѣроятно, Аверьянъ Любопытный писалъ къ нему или «въ день именинъ жены своей, или выигравъ тяжебное дѣло, или взыскавъ по ненадежному обязательству» и обѣщаетъ ему отвѣчать. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ апрѣля того же года, Лужницкій Старецъ началъ снова свою корреспонденцію и письма адресовалъ *Аверьяну Любопытному*. Съ мая Основьяненко писалъ къ нему подъ псевдонимами: *1—19* и *А**. Шестериковъ, городъ Т.* ([52]). Въ 1821 г. въ «Вѣстникѣ Европѣ», въ 5-мъ №, подъ «Письмами къ Лужницкому Старцу» стоитъ уже имя *Юноша Бѣлаго Города*. Эти письма мы считаемъ также письмами Основьяненко: ихъ тонъ рѣшительно одинъ съ письмами Ѳалалея Повинухина, а новый псевдонимъ, вѣроятно, придуманъ авторомъ по случаю поѣздки въ ближній къ Харькову Бѣлгородъ, гдѣ находится могила упомянутаго нами выше родственника фамиліи Квитокъ, епископа Іоасафа Горленко. Въ 1822 г. въ «Вѣстникѣ Европы» «Письма къ Лужницкому Старцу» наконецъ являются прямо уже съ подписью Ѳалалея Повинухина. Здѣсь, между-прочимъ, болтливый авторъ описываетъ свою свадьбу съ *Евдокіей Григорьевной*, въ имени которой нельзя не узнать супруги автора, Анны Григорьевны, а обитаемый имъ городъ называетъ: *Хар*..... Наконецъ, въ томъ же году, въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщены пять «Малороссійскихъ анекдотовъ», перемѣшанныхъ съ малороссійскими фразами, анекдотовъ безъ подписи, но которые смѣло можно от-

---

([52]) Объ этихъ псевдонимахъ мы слышали отъ г. В. К. Предположеніе наше о вѣроятности такого показанія подтверждается словами: *городъ Т.*, то-есть Тула, гдѣ нашъ авторъ былъ около этого времени по дѣламъ.

нести къ перу Основьяненко. Кромѣ автора «Писемъ Ѳалалея Повинухина» и «Юноши Бѣлаго Города» въ то время никто не могъ дать этимъ извѣстнѣйшимъ украинскимъ анекдотамъ такой редакціи; да притомъ они прямо относятся къ *Слободской Украйнѣ*, то-есть, къ Харькову и его области, что̀ видно изъ перваго разсказа, и при жизни Основьяненка были конькомъ въ его оригинальныхъ импровизаціяхъ, въ маленькомъ домашнемъ кругу, среди веселыхъ, невзыскательныхъ знакомыхъ ([53]).

Съ этой поры начинается новая эра въ жизни Основьяненка, вызвавшая появленіе его комедій и повѣстей около 1830 года, и потому мы остановимся на ней нѣсколько долѣе. Въ этотъ періодъ, именно съ 1827 года, нашъ авторъ является уже съ явными требованіями литературнаго мѣста, достигаетъ его и становится извѣстенъ, хотя немного поздно, именно почти на *пятьдесятъ-пятомъ году своей жизни*. Замѣтимъ, что злые языки, однако, не сразу дали ходъ извѣстности нашего автора; насквили и эпиграммы изрѣдка пускали въ него свои жа̀ла, и даже самъ Каразинъ не удержался, чтобъ не пустить въ ходъ о немъ довольно-ѣдкаго куплета, который, по словамъ г. К., начинался такъ.

Былъ монахомъ, былъ актéромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Позже, другое четверостишіе обошло далеко околотокъ. Вотъ оно:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актеръ, поэтъ и засѣдатель —
Одинъ и тотъ же человѣкъ!

([53]) Можно было бы думать, что авторомъ этихъ анекдотовъ былъ П. П. Гулакъ-Артемовскій; но послѣдній намъ сказалъ, что эти анекдоты ему не принадлежатъ. Наконецъ наши соображенія подтверждаетъ

Замѣтимъ, что эти эпиграммы очень дѣйствовали на мирную и робкую природу нашего автора.

До 1827 года, когда Основьяненко написалъ комедію «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ», напечатанную только въ 1840 году, и до появленія его повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, впервые, съ псевдонимомъ *Основьяненко*, первая его повѣсть «Харьковская Ганнуся» напечатана въ 1832 году въ «Телескопѣ» г. Надеждина ([54]), безъ всякаго намёка на имя Основьяненка и съ подписью переводчика, г. Погодина ([55]).

Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій въ молодости военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ; четыре года монахъ, затворникъ, въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни; дѣятельный членъ Благотворительнаго Общества и

Снегиревъ въ неизданномъ письмѣ своемъ къ нему, отъ 10 октября, 1831 г., гдѣ прямо говоритъ: «Анекдоты ваши изъ малороссійскихъ пословицъ (въ «Вѣстникѣ Европы») я читалъ...» и т. д.

([54]) Вслѣдъ за нею, съ именемъ *Основьяненко*, явился *Солдатскій Портретъ* въ 1833 г. въ «Утренней Звѣздѣ». Замѣчательно, «что мѣщанка-бублейница», *Пiючиха*, выведенная въ Ганнусѣ, жива донынѣ. Она обитаетъ близь Воскресенской Церкви, въ Харьковѣ, ужь въ званіи купчихи, въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ, съ деревяннымъ верьхомъ и обижается при одномъ имени Основьяненка.

([55]) Издатель «Телескопа» въ примѣчаніи къ повѣсти этой, говоритъ: *повѣсть доставлена при слѣдующей запискѣ:* «Я получилъ отъ почтеннаго русскаго писателя, живущаго въ Малороссіи, двѣ повѣсти съ лестнымъ для меня правомъ: пересказать ихъ по-своему. Я долженъ былъ сократить ихъ слишкомъ втрое! Слѣдовательно автора должно благодарить за изобрѣтеніе и расположеніе; а за разсказъ отвѣтственность падаетъ на меня.—*М. Погодинъ*». По послѣдующему изданію *Ганнуси*, оказалось, что г. Погодинъ былъ въ этомъ дѣлѣ только переводчикомъ, сократившимъ повѣсть во многомъ напрасно.

директоръ странствующей труппы актёровъ; основатель Института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала; директоръ танцовальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ, подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ — и въ то же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ Институтѣ, авторъ сладенькихъ и плохихъ стихотвореній, гдѣ воспѣвались Маши, Лизы, Нади и Кати, наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!

Изъ приведенныхъ выше писемъ мы видѣли, что первыя десять лѣтъ супружеской жизни Основьяненка протекли въ городѣ, откуда онъ мало выѣзжалъ ([56]). Анна Григорьевна звала его не разъ въ Петербургъ, но онъ, любя свою родину и родныхъ, никакъ не рѣшался. Бывшая мечтательная, кроткая, нѣжная институтка, посланная въ подруги нашему автору, первая возбудила въ немъ охоту стать вполнѣ «литературною личностью». Основьяненко видѣлъ въ себѣ всѣ залоги для до-

---

([56]) Въ письмѣ къ *Н. Ю. Квиткѣ*, отъ 26 мая 1829 г., изъ Основы онъ пишетъ: «Намъ деньги нужны — о! нужны! зѣло нужны!» Въ другомъ отъ 22 ноября, говоритъ: «Анна Григорьевна все еще не оправилась и ходитъ завязавши глаза; у нея была, не вамъ кажучи «бешиха»—да бабуся отшептала. А чи нема писенёкъ, заунывныхъ или смѣшныхъ? Еслибъ можно съ нотами, очень бы одолжили!» Мы имѣемъ въ рукахъ черновую бумагу, писанную рукою нашего автора, сдѣлку покойнаго Основьяненка и его брата съ *Г-номъ 7-го класса чиновникомъ, Матвѣемъ Андреевичемъ Байковымъ*, отъ 1 мая 1829 г., о продажѣ послѣднему ихъ имѣнія въ Зміевскомъ Уѣздѣ, въ селѣ Гуляйполѣ, заключающагося въ 50-ти наличныхъ крестьянскихъ душахъ мужскаго пола, земли 372-хъ десятинахъ, лѣсу 112 десятинахъ съ садомъ, селитряныхъ буртахъ, съ посудою, вѣтряною мельницею и постоялымъ дворомъ». За это имѣніе г. Байковъ долженъ былъ заплатить 40,000 р. асс. г. Квиткѣ (Григорію), тысячу при подписаніи условія, 10,000 не далѣе 1-го сентября того же года, еще 10,000 не позже 1-го іюля 1830 г., и наконецъ остальные 20,000 р. въ особо-установленный срокъ. Это было съ-тѣхъ-поръ единственное достояніе нашего автора.

стиженія этой цѣли; но много лѣтъ еще прошло, пока онъ рѣшился и получилъ возможность ее достигнуть. Главною помѣхою были, какъ онъ самъ говорилъ, «отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ, которая не лелѣяла дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждала охоты писать.» Бездѣтность до конца жизни еще болѣе набрасывала печальный оттѣнокъ на домашнюю жизнь супруговъ...

Любопытно остановиться нѣсколько на упомянутой выше комедіи: «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ». На заглавномъ листѣ, въ «Репертуарѣ», гдѣ она была напечатана въ 1840 году, сказано: *писано въ 1827 году*. Что̀ это такое? Не-уже-ли худо-скрытое, или, еще хуже-обнаруженное соперничество автора съ Гоголемъ, который въ самомъ отрочествѣ своего дарованія былъ выше всего, написаннаго впослѣдствіи Квиткою? Насъ, да и не насъ однихъ, занялъ этотъ вопросъ и мы его, по-возможности, прослѣдили. Мы сличали эту комедію съ «Ревизоромъ» Гоголя и нашли точно нѣкоторое внѣшнее сходство между обѣими комедіями. Ниже будетъ, въ своемъ мѣстѣ, приведено объ этой пьесѣ письмо Основьяненко; здѣсь скажемъ наши соображенія, тѣмъ болѣе необходимыя, что около 1840 года не мало толковали о ней въ-отношеніи къ «Ревизору». Основьяненко написалъ свою комедію около 1827—1828 годовъ. Въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета она записана подъ № 602-мъ. Въ редакціи «Репертуара» сохранился отъ рукописи ея, затерянной въ типографіи, заглавный листокъ на синей бумагѣ, въ четвертку, съ печатью Комитета и слѣдующею подписью: *Печатать позволяется. Москва, 1828 года, октября 18-го дня. Въ должности предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета, Сергѣй Аксаковъ, № 602.* Рукопись тогда же была послана на сцену въ Петербургъ, ходила тамъ по рукамъ, ходила по Москвѣ и возвратилась, въ тридцатыхъ годахъ, въ Харьковъ. Напечатана она въ 1840 году; но еще въ 1836 г. вызвала слѣдующее любопытное обстоятельство. Узнавъ по слухамъ о содержаніи «Ревизора», Основьяненко пришелъ въ негодованіе, съ нетерпѣніемъ

сталъ ожидать его появленія въ печати, и когда первый экземпляръ комедіи Гоголя былъ полученъ въ Харьковѣ, онъ созвалъ пріятелей въ домъ свой, прочелъ сперва свою комедію, по процензированной тетрадкѣ, а потомъ и «Ревизора». Гости ахнули и сказали въ одинъ голосъ, что комедія Гоголя цѣликомъ взята изъ его сюжета, и по плану, и по характерамъ, и даже по частной обстановкѣ. Мы прочли обѣ комедіи. Дѣйствительно. сходства нельзя отрицать съ нѣкоторой стороны, даже можно, пожалуй, полагать, что Гоголь читалъ въ рукописи комедію Основьяненка до написанія своего «Ревизора». Но это сходство только мнимое. Комедія Основьяненка скучна, растянута, написана вялымъ языкомъ, а по художественности характеровъ и мастерскому языку пьесы Гоголя не можетъ быть даже упомянута при имени «Ревизора». Эта, однакожь, встрѣча двухъ авторовъ на одномъ сюжетѣ, и даже почти на одной формѣ сюжета, во всякомъ случаѣ вещь любопытная. Гоголь въ своей «Авторской Исповѣди», говоритъ прямо, что сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» ему переданы Пушкинымъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Гоголя, въ 1851 году, въ одномъ извѣстномъ семействѣ, въ Москвѣ у А**, произошелъ такой разговоръ. Одинъ изъ гостей спросилъ у Гоголя, бывшаго здѣсь, получилъ ли онъ посланное ему въ Остенде собраніе провинціальныхъ анекдотовъ о балагурахъ-солдатахъ и о солдатской медицинѣ? Гоголь отвѣтилъ, что получилъ и при этомъ прибавилъ: «Въ послѣднее время мною, на вызовъ, получено не мало подобныхъ посылокъ; между-прочимъ, я пріобрѣлъ изъ Петербурга довольно-любопытную характеристику тамошнихъ меломановъ»! Тутъ разговоръ зашелъ о сюжетахъ вообще, и Гоголь чистосердечно объявилъ, что мысль «Ревизора» передана ему Пушкинымъ, съ которымъ едва не было подобнаго же событія во время его поѣздки, за матеріалами для исторіи Пугачева, въ Оренбургъ ([57]). Пуш-

---

([57]) Именно, услужливый знакомый, въ одномъ изъ городовъ, куда долженъ былъ заѣхать Пушкинъ, опередилъ поэта письмомъ къ градоначальнику, гдѣ было сказано: «Пушкинъ ѣдетъ къ вамъ за матеріала-

кинъ прибавилъ Гоголю, что подобная исторія случилась и съ Свиньинымъ, редакторомъ первыхъ «Отечественныхъ Записокъ». Разсказъ Гоголя о Свиньинѣ дополнилъ при этомъ г. Бо—ій, прибавивши, что Свиньинъ, въ свою поѣздку въ Бессарабію, гдѣ, съ карандашомъ въ рукахъ и записною книгою, останавливался передъ каждымъ камешкомъ и говорилъ съ каждою торговкою, былъ также принятъ за ревизора и послужилъ причиною любопытнѣйшей мистификаціи, которая увлекла его до-того, что онъ самъ забылся, вообразилъ себя дѣйствительнымъ ревизоромъ и кончилъ тѣмъ, что сталъ принимать просьбы. Все это едва не кончилось для него очень и очень-печально. Изъ всего этого можно заключить одно, именно: что Основьяненко и Гоголь задумали планъ комедіи по сюжету, *который былъ передъ тѣмъ вызванъ не однимъ подобнымъ событіемъ* въ Россіи и даже въ ея литературномъ кругу ([58]). Самое примѣненіе сюжета къ сценѣ у каждаго также не могло и вылиться, кажется, въ другой формѣ, какъ они написали. Совѣтуемъ читателю пробѣжать пьесу Основьяненка; несмотря на тяжелый слогъ и растянутость, она въ этомъ случаѣ довольно-любопытна. Здѣсь также дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, некончившій ученія и ненадежный въ службѣ. Другія лица здѣсь также: и судья (Спальникъ, отъ слова *спать)* и поч-

---

ми, но вы на это не смотрите; онъ скрывается, а навѣрно ѣдетъ васъ ревизовать!» Можно вообразить, какой пріемъ Пушкину сдѣлали вслѣдствіе такого письма.

([58]) *Г. Сушковъ* въ III томѣ «Раута» на 1854 г., (стр. 321), говоритъ: «А многіе ли изъ читателей слышали о *Пріѣзжемъ*, какъ о предшественникѣ, если ужь не родоначальникѣ «Ревизора»?—и далѣе на (стр. 383-й): «Квитка въ этой суматохѣ многое подмѣтилъ до Ревизора и донесъ ему о разныхъ безпорядкахъ въ губерніи къ свѣдѣнію». Въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. (№ 35) въ Некрологѣ (на стр. 650) также замѣчено сродство «Ревизора» съ этою пьесою и сказано: «Пріѣзжій» до 1840 г., ходилъ по Малороссіи въ рукописи, хотя представленъ вовсе не былъ.

товый экспедиторъ (Печаталкинъ), который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу; и смотритель уѣздныхъ училищъ (Ученосвѣтовъ) и частный приставъ (Шаринъ), напоминающій Держиморду, и, наконецъ, *двѣ пріятныя дамы*, сестра городничаго, Трусилкина, и племянница его, которыя также влюбляются въ «милашку ревизора». Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги, отъ 27 р. 80 к. асс. до 500 р. асс., значительнаго куша, взятаго у городничаго. Здѣсь также, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о *храмѣ изящества*, и о томъ, *какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль!* Наконецъ, при развязкѣ, также происходитъ, по словамъ Основьяненка, *нѣмая сцена*, и всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: *Вотъ бумаги отъ губернатора, съ жандармомъ присланныя!* Въ-заключеніе представляемъ, какъ образчикъ лучшихъ мѣстъ въ скучной и растянутой комедіи, любопытную выписку изъ «Пріѣзжаго изъ столицы», письмо къ городничему отъ губернскаго чиновника. Вотъ оно:

«Почтенный благодѣтель, Ѳома Ѳомичъ! Имѣю честь поздравить васъ съ наступленіемъ теплой погоды и пріятныхъ дней, и чрезъ сіе напомнить, что скоро близится время третному отъ васъ окладу. При семъ прошу, вмѣсто положенной мнѣ по штату провизіи, доставлять деньгами, по справочнымъ цѣнамъ... Это будетъ круглѣе и, по нынѣшнимъ непріятнымъ временамъ, осторожнѣе! При семъ извѣщаю васъ, что его превосходительство получилъ кое-какія бумаги изъ Петербурга; но еще онѣ къ намъ не переданы, и потому мнѣ неизвѣстно ихъ содержаніе; а когда узнаю — сообщу! При семъ спѣшу васъ увѣдомить: держите ухо востро! Черезъ вашъ городъ поѣдетъ важная и знатная особа; но кто? неизвѣстно! Губернаторъ съ нимъ съ аттенціею... Онъ — яко бы въ Крымъ; но имѣйте предосторожность! Выѣзжаетъ завтра и, по разсчету, будетъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ!»

Развязка пьесы у Основьяненка отличается отъ гоголевой; ревизоръ, увезши прекрасную даму, самъ ловится на собственномъ приказаніи: не выпускать никого изъ города, и попадаетъ въ тюрьму. Предлагаемъ, въ заключеніе, письмо къ намъ *С. Т. Аксакова*, процензировавшаго, какъ мы сказали, эту пьесу Квитки—въ 1827 году ([59]).

«Очень охотно отвѣчаю на вашъ вопросъ, относительно комедіи *Г-на Квитки: «Пріѣзжій изъ столицы»*. Она точно была одобрена мною къ напечатанью, 26 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ другими комедіями того же автора, а именно: «Дворянскіе выборы», «Вторые дворянскіе выборы», «Турецкая шаль», «Шельмéнко» и «Странница или Сомнамбулка» ([60]). Я даже не зналъ, что «Пріѣзжій изъ Столицы» былъ напечатанъ, и теперь не помню въ подробности его содержанія; но могу васъ смѣло увѣрить, что «Ревизоръ» не могъ быть писанъ подъ вліяніемъ этой пьесы, потому что «Ревизоръ» былъ напечатанъ прежде, чѣмъ Гоголь узналъ о существованіи комедіи г. Квитки. Я спрашивалъ Гоголя (около 1840 года): знаетъ ли онъ эту комедію? И онъ отвѣчалъ мнѣ, что слышалъ о ней, но не читалъ. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варіаціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ. Я не былъ знакомъ лично съ Григорьемъ Ѳедоровичемъ Квиткою, но мы нѣсколько лѣтъ переписывались по поводу его комедій. Я слышалъ, что жизнь этого человѣка была богата разными интересными происшествіями и любопытными переходами въ противоположныя обстоятельства и положенія».

([59]) Письмо Загоскина къ Основьяненкѣ о томъ же почти предметѣ приводится ниже, въ общей корреспонденціи. Это письмо смутило и спутало болѣе всего Квитку, тѣмъ болѣе, что при этомъ Загоскинъ, какъ директоръ московскаго театра, отказалъ ему въ 1836 г. въ постановкѣ «Пріѣзжаго» единственно за сходство съ «Ревизоромъ».

([60]) Участь пьесъ: «Турецкая Шаль» и «Сомнамбулка» намъ неизвѣстна; онѣ не были ни въ печати, ни на сценѣ. Изъ послѣдней только взятъ, кажется, сюжетъ, въ повѣсти Основьяненка: *Маргарита Прокофьевна*.

Въ-заключеніе, не можемъ не пожалѣть, что самый нелѣпый слухъ, самое ничтожное обстоятельство дастъ поводъ иногда къ грубѣйшимъ сплетнямъ...

Служба поглощала грустныя сѣтованія нашего автора на уединенную жизнь въ провинціи и давала ему средства разсѣяться, среди хлопотъ и постоянныхъ неизмѣнныхъ занятій. Съ 1817 года онъ былъ избранъ въ дворянскіе предводители Харьковскаго Уѣзда и пробылъ въ этомъ званіи четыре трехлѣтія, по 1829 г. Въ концѣ этого срока дворянство поднесло ему торжественную благодарность, въ видѣ форменнаго акта, написаннаго въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ промежуткахъ, между служебными занятіями, Основьяненко устроивалъ въ знакомыхъ семействахъ домашніе спектакли, иногда самъ игралъ на этихъ театрахъ, писалъ для нихъ ноты, игралъ на фортеньяно и флейтѣ, и подъ-конецъ игралъ на ней, какъ говорятъ, очень-недурно. Вскорѣ принялся онъ писать другую комедію, которая, какъ ближайшая къ его тогдашнему служебному поприщу, избѣгла участи долго-ненапечатанной своей предшественницы и вышла въ свѣтъ подъ именемъ: «Дворянскіе выборы». За нею слѣдовалъ «Шельмѐнко-деньщикъ», имѣвшій большой успѣхъ. Въ 1832 году, именно въ годъ выхода въ свѣтъ, съ именемъ г. Погодина, первой малороссійской повѣсти Основьяненка, онъ былъ избранъ совѣстнымъ судьею Харькова, и оставался въ этой должности девять лѣтъ, до 1840 года. Успѣхъ первой попытки ободрилъ его и вслѣдъ за нею, съ 1834 года, появились два тома его извѣстныхъ «Малороссійскихъ повѣстей, разсказанныхъ Грицькòмъ Основьяненкомъ». Въ статьѣ о сочиненіяхъ своихъ («Москвитянинъ» 1849 г. № 20) онъ говоритъ:

«Написавъ нѣсколько повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего настоящаго прозвища, принимать другое, или по имени отца, напримѣръ, Петрѐнко, Василѐнко, или по мѣсту жительства — напримѣръ, Зайчѐнко, Боровѐнко (такая ужь

у нихъ натура!) взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства; живу въ *Основѣ*, и такъ да буду *Основьяненко*, и пошелъ такъ писаться!» ([61]).

Успѣхъ этихъ первыхъ повѣстей былъ рѣдкій. Вслѣдъ за тѣмъ Основьяненко напечаталъ отдѣльно нѣсколько брошюрокъ, изъ которыхъ замѣчательны: оперетка «Сватанье на Гончаровкѣ» и «Листы до любезныхъ земляковъ» — родъ поучительныхъ посланій, на малороссійскомъ языкѣ, къ простонародію. За послѣднее произведеніе авторъ удостоился благодарности отъ правительства. Извѣстность украинскаго разсказщика вскорѣ дошла до Петербурга. Журналы, черезъ книгопродавцовъ, стали наперерывъ просить его сотрудничества. Жуковскій, въ проѣздъ свой черезъ Харьковъ, замѣтилъ Основьяненка, ободрилъ его совѣтомъ — писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей его жизни, и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ «Современнику», издававшемуся тогда П. А. Плетневымъ. По поводу этого завязалась у Основьяненка переписка съ г. Плетневымъ и постоянное сотрудничество въ «Современникѣ». Съ 1838 по 1843 годъ (годъ своей смерти), Основьяненко напечаталъ въ «Современникѣ» цѣлый рядъ повѣстей, отрывковъ изъ романа, разсказовъ, очерковъ и воспоминаній и собственные и чужіе переводы на русскій языкъ почти всѣхъ своихъ малороссійскихъ повѣстей. Съ 1839 года, онъ является сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ напечаталъ половину романа «Панъ Халявскій» и историческую монографію «Головатый», которая пополняетъ другія подобныя же статьи автора: «Преданія о Гаркушѣ», извѣстномъ украинскомъ разбойникѣ, и «Татарскіе набѣги на Харьковъ». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатана еще въ 1843 году повѣсть Основьяненка «Двѣнадцатый годъ въ провинціи».

([61]) Псевдонимъ *Грицько Основьяненко* появился впервые въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» въ Харьковѣ, въ 1833 г., подъ повѣстью «Солдатскій натретъ» и двумя легкими очерками: «Украинское утро» и «Суплика до пана издателя».

V.

Домашняя жизнь. — Анна Григорьевна уже старушка. — Высшій тонъ въ сочиненіяхъ. — Встрѣча съ Гребенкой. — Другія знакомства.

Въ 1840 году нашъ авторъ былъ избранъ въ предсѣдатели Харьковской Палаты Уголовнаго Суда. Это была его *послѣдняя должность;* на третьемъ году исправленія ея онъ умеръ.

Жизнь его въ это время текла тихо, въ семейномъ счастьи, гдѣ за нимъ, какъ за ребенкомъ, ухаживала Анна Григорьевна, и въ литературныхъ, почти непрерывныхъ трудахъ. Названный нами выше внучатный братъ покойнаго, Н. Ю. Квитка, въ это время обыкновенно пріѣзжалъ къ нему читать, и читалъ въ постороннихъ домахъ его лучшія сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Болѣе всего тогда читалась и донынѣ уважается поклонниками Основьяненка его повѣсть «Маруся». Недавно еще мы застали двухъ старичковъ, мужа и жену прошлаго времени, въ слезахъ надъ любимою повѣстью покойнаго Квитки. Шестидесятилѣтній старикъ, болтливый и оживленный въ кругу знакомыхъ, которые стекались къ нему въ Основу (тогда еще постоянное мѣсто жительства его, что̀ видно изъ подписей во всѣхъ его письмахъ того времени), былъ попрежнему наблюдателемъ и изумлялъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и

молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе разсказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ, впрочемъ, на свѣтъ очень-зорко, и съ большою прадѣдовскою золотою цѣпью черезъ грудь, цѣпью, съ которой связано было какое-то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное, круглое лицо его, прибавляютъ, оживлялось среди разсказовъ, и особаго рода улыбка, свойственная только коренным старосвѣтскимъ малороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разсказы, извѣстные досихъ-поръ въ городѣ подъ именемъ *квиткинскихъ*, занимали каждый уголъ, гдѣ только появлялся Основьяненко.

Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ письма къ намъ племянника Основьяненка, Валерьяна Андреевича Квитки, котораго, за дорогія свѣдѣнія этого письма, вѣроятно поблагодаритъ каждый читатель ([63]).

«Дядя мой женился уже не въ молодыхъ лѣтахъ, около 1820 года, на одной изъ классныхъ дамъ, присланныхъ и рекомендованныхъ въ Харьковскій Институтъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, на *А. Г. Вульфъ*. Онъ былъ тогда дѣятельнымъ членомъ Совѣта Института, и сблизился съ будущею своею женою, хотя, при нѣкоторой сантиментальности, онъ былъ вообще очень робокъ съ женщинами. Здѣсь нашелъ онъ совершенно однородный съ нимъ характеръ и легко остановилъ свой выборъ; послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны родителей, онъ женился. Болѣе симпатической подруги онъ не могъ найдти. Жена его бы-

---

([63]) Мы провели большую часть минувшаго лѣта въ окрестностяхъ Основы и въ ней самой, причемъ В. А. Квитка, ея нынѣшній обладатель, снабдилъ насъ окончательными свѣдѣніями для предлагаемой біографіи его дяди. На Основѣ въ это время жилъ съ семействомъ, покинувши раззоренный Крымъ, *И. К. Айвазовскій*, гдѣ украинскія степи дали ему мысль его превосходной картины: «Чумаки близъ Изюма».

ла умная, образованная, но не красивая женщина, воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, совершенная пуританка, характера твердаго и малосообщительнаго. Вся жизнь ея подъ старость заключалась въ стѣнахъ домика *Основы*, гдѣ она, поутру, отправивъ мужа на службу, всегда чопорно и даже прихотливо одѣвалась, и въ уединеніи ожидала его возвращенія къ обѣду. За обѣдомъ изъ гостей у нихъ никого не бывало. Основьяненко любилъ покушать, особенно національныхъ блюдъ, кислыхъ пироговъ, блиновъ, варениковъ; но вообще обѣдъ его былъ скромный, какъ и вся его жизнь, непохожая на такъ-называемую жизнь зажиточныхъ украинскихъ помѣщиковъ. Хозяйствомъ заниматься онъ не любилъ и довольствовался самой необходимой прислугой. Послѣ обѣда онъ обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали лучшіе часы въ его жизни. Онъ писалъ, нетревожимый никѣмъ (64), и только подъ вечеръ приходилъ прочитывать женѣ или свои свѣжія произведенія, или статьи изъ столичныхъ журналовъ. Съ женою онъ совѣтовался, слѣпо довѣрялся ея мнѣніямъ; а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ *о высшемъ свѣтѣ, французскомъ языкѣ и образованности*, то онъ рѣшительно подчинялся ея приговорамъ. Кромѣ рѣдкихъ посѣщеній родныхъ, къ нему заѣзжали гости, большею-частью проѣзжіе, знакомые съ нимъ по печати (65). Ихъ, какъ и равно молодыхъ людей изъ университета, которые ухаживали за его извѣстностью, онъ принималъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ и видимо избѣгалъ всякаго общества, ему не по-сердцу. Чтеніе замѣняло ему живыхъ людей. Трудный на подъемъ, онъ не любилъ движенія и мало гулялъ. Въ поѣздки на службу, онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ *Лукьяномъ*, замѣчательнымъ лицомъ, отъ котораго онъ посто-

---

(64) По словамъ видѣвшихъ его въ это время, въ кабинетѣ нашего автора обыкновенно было разомъ нѣсколько чернильницъ, въ видѣ чашекъ, глобусовъ, съ сидящими на нихъ Юпитерами и Аполлонами, и т. д. Это была его роскошь, чтобъ, гдѣ присѣсть, тамъ и писать. Между прочимъ была чернильница, въ видѣ пустынника, несущаго съ полей снопъ, изъ котораго выглядываютъ ноги поселянки.

(65) Изъ числа ихъ онъ однажды принялъ, какъ увидимъ ниже, *Гребенку*. Столичные актёры, Щепкинъ, Григорьевъ и другіе, также не миновали его дома.

янно заимствовалъ матеріалы для своихъ разсказовъ. Лысый Лукьянъ, какъ его вообще у насъ звали, пользовался, въ качествѣ стараго и преданнаго служителя, какіе нынче весьма-рѣдко встрѣчаются въ Малороссіи, правами свободнаго обращенія съ господами и, какъ говорятъ, имѣлъ свой «franc-parler» привѣтствовалъ всегда, не иначе, какъ по-французски: *Бонжуръ*, *мосье; команъ ву порте ву*; *се тре бьенъ; же ву при де лодеви*! и проч. Откуда онъ почерпнулъ эти лингвистическія познанія — я не припомню; они предшествовали моей юности; вѣроятно, отъ какого-нибудь француза, жившаго или пріѣзжавшаго на Основу. Принимая участіе во всѣхъ дѣлахъ семейныхъ и даже служебныхъ, онъ говорилъ свое мнѣніе и судилъ благоразумно о вещахъ и людяхъ, подавалъ совѣты съ какимъ-то таинственнымъ видомъ и вообще былъ смышленый, тонкій, веселый и честный мужикъ. Въ деревнѣ онъ имѣлъ голосъ и уважаемъ былъ всѣми. Когда я утвердилъ свое житье въ деревнѣ, тому назадъ семь лѣтъ, онъ былъ еще крѣпокъ и здоровъ, ничѣмъ не занимался, то-есть, жилъ на отдыхѣ, а при всякихъ случаяхъ поздравительныхъ являлся съ своимъ таинственнымъ и вмѣстѣ сметливымъ видомъ; начиналъ рѣчь французскимъ діалектомъ, а потомъ начиналъ на ухо нашептывать (вѣроятно отъ глухоты подъ старость) свои мысли, замѣчанія и воспоминанія прошедшаго. Въ послѣднее время, по его желанію, онъ былъ опредѣленъ къ церкви и караулилъ кружку, на углу церковной ограды, на большой дорогѣ, гдѣ толкается всегда множество проходящихъ, а также немало пьяницъ; это было его развлеченіемъ. Зимою и лѣтомъ, несмотря ни на какія непогоды, онъ просиживалъ съ открытой, лысой головой, не боясь простуды. Въ прошедшемъ, 1853 году, весною онъ умеръ внезапно, хотя еще не былъ старъ. Настоящихъ его годовъ не знаю.»

Въ другомъ письмѣ В. А. Квитка пишетъ намъ:

«Юность и свѣжесть характера моего дяди, что онъ сохранилъ до старости, дѣлали его способнымъ припоровливаться также и къ дѣтскому обществу. Онъ любилъ страстно дѣтей, любилъ имъ разсказывать сказки, вмѣшивался въ ихъ игры и былъ кумиромъ дѣтей. Отъ монашества же осталась въ немъ склонность къ молитвѣ, знаніе церковныхъ книгъ, словомъ, духовная ученость, вслѣдствіе чего онъ любилъ бывать въ обще-

ствѣ духовныхъ, самъ пѣлъ на клиросѣ стихиры и псалмы, и руководилъ хоромъ. Дѣтей у него никогда не было. Это набрасывало грустный оттѣнокъ на тихую супружескую чету, на этихъ кроткихъ и уединенныхъ «Ѳилемона и Бавкиду». Анна Григорьевна скончалась черезъ десять лѣтъ послѣ смерти мужа, въ 1852 г. 31-го января. Въ эти послѣдніе годы она такъ была вѣрна памяти милаго покойника, что свѣтъ для нея буквально не существовалъ; она будто со дня на день ожидала минуты встрѣчи съ покойникомъ. Не могу умолчать объ одной чертѣ рѣдкаго самоотверженія моего дяди, котораго смиреніе, кротость, привязанность ко всему родному, скромность, доходившая до боязливости, и стойкость въ мысляхъ составляли явленіе рѣдкое. Состояніе моего дѣда, отца его, хотя довольно-значительное, не было достаточно для поддержанія требованій по мѣсту, занимаемому моимъ отцомъ (мѣсто губернскаго предводителя дворянства, вродолженіе девяти курсовъ), если бы оно раздѣлилось между двумя братьями, поровну. Дядя мой, безъ принужденія и малѣйшаго колебанія, отказался отъ своей части, и уже во всю жизнь только довольствовался небольшимъ, въ сравненіи съ имѣніемъ моего отца, капиталомъ въ 40,000 руб. ассиг. Эта жертва, съ одной стороны, удовлетворяла его семейное честолюбіе, а съ другой его любовь и преданность къ брату. Старшій братъ былъ верховнымъ существомъ въ его глазахъ. Замѣчательно, что онъ во всю жизнь далѣе Харькова и его окрестностей ничего не видѣлъ. Въ молодости, кажется, его возили въ Москву; но это было такъ рано, что не оставило въ немъ никакихъ слѣдовъ ([66]). Болѣе всего любилъ онъ Основу. Это одно изъ первыхъ поселеній въ этой части слобожанщины; на земляхъ, принадлежавшихъ когда-то Основѣ, лежитъ теперь цѣлый южный кварталъ города. Три рѣки города, соединившись здѣсь, протекаютъ возлѣ и отдѣляютъ усадьбу Основы отъ городскаго, оконечнаго поселенія. Усадьбу же составляетъ сосновая роща, рѣдкая въ этомъ краю, и замѣчательный ботаническій садъ, съ оранжереями, которыхъ слава поддерживается донынѣ. Домъ въ Основѣ ознамено-

---

([66]) Въ этомъ небольшая неточность: онъ былъ еще въ Кіевѣ; и въ Москвѣ онъ былъ не въ слишкомъ ранней молодости, а какъ мы видѣли, въ 1814—1815 году, то-есть почти тридцати-пяти лѣтъ.

ванъ посѣщеніемъ покойнаго государя императора *Александра I-го*, и служилъ поприщемъ многихъ и многихъ торжествъ и увеселеній, памятныхъ дворянамъ нѣсколькихъ поколѣній. Основа, кромѣ того, единственное въ окрестностяхъ Харькова мѣсто для гулянья, гдѣ въ знойное лѣто можно дышать свѣжимъ воздухомъ. Съ весны многіе переѣзжаютъ сюда изъ города и поселяются въ свободныхъ домикахъ и избахъ крестьянъ, гдѣ переживаютъ и грязную, хотя превосходную, украинскую осень...»

Около этого времени Основьяненко пріобрѣлъ знакомство покойнаго Гребенки. Родственникъ его, Н. Ю. Квитка, намъ разсказывалъ сцену первой встрѣчи Основьяненка съ Гребенкой. Гребенка давно собирался навѣстить ветерана харьковской литературы и переписывался съ нимъ. Проѣздомъ черезъ Украйну, онъ завернулъ на Основу и съ извощикомъ проговорилъ объ Основьяненкѣ всю дорогу. Его радовала эта извѣстность. Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка спросилъ у старика, читавшаго книгу: «А чи дома панъ Основьяненко?» и вслѣдъ за тѣмъ вскрикнулъ, вглядѣвшись въ него: «Здоровъ, батьку Грицьку?» Основьяненко (это былъ онъ) медленно оставилъ книгу, переклонился изъ окна и спросилъ прерывающимся отъ радости голосомъ: «А чи не Гребіночка?» Молодой литераторъ встрѣтилъ полное радушіе у гостепріимнаго своего «учителя» по литературѣ, прогостилъ у него нѣсколько дней и былъ потомъ самымъ ревностнымъ ходатаемъ по литературнымъ дѣламъ Основьяненка въ Петербургѣ, и поддерживалъ съ нимъ потомъ долго переписку. Кромѣ Гребенки, Основьяненко былъ знакомъ почти со всѣми украинскими литераторами. П. П. Гулакъ-Артемовскій, И. П. Срезневскій, А. Л. Метлинскій и вся молодежь, которая въ послѣднее время издавала въ Харьковѣ литературные сборники до г. Корсуна — всѣ они окружали Основьяненко, бывали въ его домѣ и, уѣзжая изъ Харькова, вели съ нимъ переписку ([67]). Представляемъ здѣсь письмо къ намъ

([67]) Почтеннѣйшій П. П. Гулакъ-Артемовскій, сообщившій намъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о Квиткѣ, особенно былъ близокъ, въ 1817 году, ли-

одного изъ тогдашнихъ знакомыхъ Квитки, г. Аѳанасьева, писавшаго нѣкогда подъ именемъ *Чужбинскаго*. Это письмо, въ которомъ разсказывается событіе, въ нѣкоторомъ родѣ схожее съ тѣмъ, которое намъ сообщили о Гребенкѣ, для читателей дополнитъ нашъ очеркъ нѣсколькими живыми чертами. Г. Аѳанасьевъ, до того времени знакомый съ Квиткою только по перепискѣ, воспользовавшись первою возможностью, отправился къ нему начать личное знакомство.

«Я постучался. Человѣкъ вышелъ.

«— Дома Григорій Ѳедорычъ?

«— Дома. А кто вы?

«— Скажи, что пріѣхалъ старый знакомый.

«— Пожалуйте.

«Сбрасываю шинель, вхожу. Меня приняли въ кабинетѣ. Не успѣлъ я войдти въ комнату, какъ старикъ приподнялся съ креселъ и сказалъ мнѣ:

«— Се Чужбинскій? — обнялъ меня дружески и мы разговорились, какъ люди, которые Богъ-знаетъ сколько времени знакомы. Говорили и писали мы другъ къ другу всегда помалорусски; развѣ уже бывали посторонніе, непонимавшіе этого нарѣчія. Мы сошлись съ старикомъ скоро и тѣсно. Вырвавъ свободную минуту, я спѣшу, бывало, въ Харьковъ, ѣду на Основу и остаюсь ночевать у старика, а утромъ отправляюсь съ нимъ въ городъ. Анна Григорьевна всегда присутствовала при нашихъ бе-

---

тературнымъ его начинаніямъ. Два будущіе писателя бесѣдовали очень часто и переписывались стихами. Въ рукописяхъ г. Артемовскаго есть неизданное посланіе къ Квиткѣ, подъ именемъ «Добристь», на которое послѣдній ему отвѣчалъ также стихами. Перелагатель Горація или, какъ онъ самъ выражается, *Гараськи*, написалъ двѣ знаменитыя пьесы въ подражаніе римскому поэту (XIV ода «Heu fugaces» и XXXIV ода «Cornus deorum vultor») именно по своимъ отношеніямъ къ Квиткѣ, къ его грѣхамъ юности и зрѣлому раскаянію...

сѣдахъ. Я былъ потомъ въ Москвѣ и написалъ для «Москвитянина» разборъ его повѣстей. Я говорилъ, что малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя пишетъ онъ порусски. Это, какъ узналъ и, огорчило старика. Хотя, по возвращеніи изъ Москвы, я бывалъ у него снова, но замѣчалъ уже нѣкоторую холодность въ нашихъ изъясненіяхъ; самыя письма его были уже безъ теплоты, нѣкогда ихъ согрѣвавшей, а пріязнь наша постепенно остывала, хотя я, съ моей стороны, нисколько не перемѣнялся. Въ остальное время пребыванія моего вблизи Харькова, я посѣщалъ старика, выйдя изъ военной службы въ отставку; я съ нимъ иногда переписывался; но, повторяю, неосторожно-высказанное мною мнѣніе въ «Москвитянинѣ» охладило привязанность ко мнѣ Основьяненка. Хоть онъ всегда откровенно разсказывалъ мнѣ о своихъ литературныхъ дѣлахъ, о предпринимаемыхъ сочиненіяхъ, однако, несмотря на молодость, я понималъ, что статья моя невыгодно подѣйствовала на его самолюбіе. Разстались мы пріятельски, то-есть, съ обоюдной просьбой хранить другъ друга въ памяти. Такъ грустно кончилась наша пріязнь, начавшаяся подъ вліяніемъ искренняго, дружескаго расположенія. Впрочемъ, онъ никогда не намекнулъ мнѣ о моемъ отзывѣ; его я слышалъ уже послѣ, стороною.»

VI.

Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. И. Даля. — Чтеніе Квитки при Дворѣ, въ Венеціи. — Продажа кожи съ неубитаго медвѣдя. — Огорченія. — Хлопоты о женѣ.

Вслѣдъ за «Современникомъ» и «Отечественными Записками», нашъ авторъ, черезъ тогдашняго цензора, г. Корсакова, которому присылалъ свои рукописи и который скоро сдѣлался однимъ изъ издателей «Маяка», былъ приглашенъ въ число сотрудниковъ этого журнала, гдѣ напечаталъ степное преданіе «Перекатиполе». Въ это же время въ «Репертуарѣ» напечатана его комедія «Пріѣзжій», разобранная нами выше. Редакторъ Репертуара, Ѳ. А. Кони, вступившій въ переписку съ Основьяненкомъ, пригласилъ его участвовать въ «Литературной Газетѣ», которую онъ тоже издавалъ, и Основьяненко напечаталъ здѣсь нѣсколько разсказовъ и очерковъ. Редакторъ «Москвитянина», бывшій въ перепискѣ съ нашимъ авторомъ еще во времена «Телескопа», обратился теперь къ нему съ просьбою быть сотрудникомъ его собственнаго журнала, гдѣ Основьяненко напечаталъ тутъ же повѣсть «Ясновидящая». Кромѣ-того, издатели альманаховъ наперерывъ просили у него «малороссійскихъ разсказовъ»; и Основьяненко дарилъ каждый тогда выходившій сбор-

никъ. «Утренняя Заря» г. Владиславлева, «Новогодникъ» «Ластовка» Гребенки; «Наши» альманахъ, изданный книгопродавцемъ Исаковымъ; «Русская бесѣда» альманахъ Смирдина, «Молодникъ» г. Бецкаго; «Утренняя Звѣзда», изданная въ Харьковѣ; «Южно-русскій сборникъ» г. Метлинскаго; «Кіевлянинъ» г. Максимовича, и «Сказка за сказкой» г. Кукольника—всѣ эти сборники украшались статьями Основьяненка. Послѣднее его сотрудничество въ жизни было сотрудничество въ журналѣ для дѣтей «Звѣздочка» г-жи Ишимовой, и послѣдняя статья его, напечатанная при жизни, была статья въ этомъ журналѣ, посвященная воспитанницамъ дорогаго ему Харьковскаго Института.

Анна Григорьевна принимала дѣятельное участіе въ судьбахъ всѣхъ этихъ трудовъ нашего автора. Вообще Основьяненко работалъ трудно. Почеркъ его, хотя очень-четкій, изобличаетъ природу усидчивую, тяжелую. Въ письмѣ, отъ 26-го апрѣля 1839 года, къ П. А. Плетневу, онъ говоритъ:

«Я началъ переводить одну изъ повѣстей моихъ... Она еще не выходила изъ-подъ домашняго крова, никѣмъ не читана и въ отрывки не изорвана. Признаюсь вамъ, иногда бываетъ мнѣ въ этой работѣ тяжело выразить мысль свою, авторскую, или описаніе дѣйствія; я подбираю слово къ слову, такъ и сякъ перепачиваю; все мнѣ кажется несоотвѣтствующимъ разсказу дѣйствующихъ лицъ избраннаго мною рода, характерамъ ихъ, мѣстности и языку... Сякъ такъ излагаю и иду далѣе!»

Въ названной нами выше статьѣ о своихъ сочиненіяхъ, Основьяненко говоритъ (Москвитянинъ, 1849 года, № 20-й, стр. 333-я):

«Заграничныхъ людей въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благоприличіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ, въ простомъ классѣ людей

необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои «Марусѝ», «Оксѝны», «Наумы», «Мироны» и «Сотниковны!»

Вслѣдъ за этимъ Основьяненко затѣялъ большой романъ «Пустолобовъ», который потомъ, въ 1841 году, вышелъ подъ именемъ «Похожденій Столбикова». Этотъ романъ, вообще невинный, дѣтски-утрированный и еще болѣе отсталый по своей сатирѣ, не на шутку его безпокоилъ. Онъ боялся его печатать и нѣсколько разъ просилъ издателей остановить его изданіе. Въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ *28-го апрѣля 1839 года*, которое въ своемъ мѣстѣ мы приводимъ вполнѣ, онъ говоритъ:

«Я не боюсь шмелей! Я и уши заткну; я и уѣду, чтобъ не слыхать; но близь насъ находящіяся блохи, клопы и прочія насѣкомыя, тѣ кусаютъ или болѣе безпокоятъ, до того, что мѣста не найдешь!»

Мы думаемъ, что читателямъ интересны будутъ при этомъ слѣдующія строки изъ письма къ намъ В. И. Даля, отъ 31-го мая 1854 года, изъ Нижняго Новгорода. Въ письмѣ его читатели найдутъ лучшій приговоръ нашему автору одного изъ достойнѣйшихъ его собратій. Вотъ эти строки.

«Съ *Квиткой* я познакомился около 1836 года. Онъ посвятилъ или надписалъ мнѣ одну изъ сказокъ своихъ, какъ вамъ извѣстно. Это было первымъ поводомъ; затѣмъ онъ же прислалъ мнѣ тетрадку съ тремя сказочками. Онѣ были имъ написаны наскоро, неотдѣланы и не для печати. Я думаю, что *Квитка* одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разсказчиковъ на родномъ нарѣчіи своемъ. Многословная болтовня его на природномъ языкѣ всегда простодушна и умна, на русскомъ же нерѣдко пошловата. Какъ быть! Доколѣ писатели во французскихъ крысьихъ перчаткахъ и въ раздушенныхъ завиткахъ, чопорно охорашиваясь, будутъ старательно изъясняться подборомъ французскихъ словъ и оборотовъ, прида-

вая имъ только по наружности русскій видъ, доголѣ русское слово не будетъ облагорожено. По мнѣ, уже пусть бы лучше пропахивало сырьемъ да квасомъ, лишь бы въ носъ пошибало!»

Въ то время, какъ Основьяненко чувствовалъ свое одиночество въ литературѣ, Анна Григорьевна старалась утѣшить его и излечить его раны. Въ сентябрѣ 1839 года, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, она защищала повѣсть «Галочку», которую редакторъ «Современника» назвалъ существомъ нѣсколько-идеальнымъ. Она писала:

«Почему вы находите, что Гàлочка существо неземное? Право, мнѣ жаль, что вы такъ думаете, чтобъ въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ! Я васъ могу увѣрить, что Гàлочка существовала и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые разсказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступилась за Гàлочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ давно просила мужа описать его»([68]).

Въ письмѣ, отъ 18 мая 1840 года, къ П. А. Плетневу Анна Григорьевна точно такъ же защищаетъ *Панну Сотниковну*, стараясь оправдать ея возвышенный, полный самоотверженія и любви женскій характеръ. Въ 1840 году явилась у Основьяненка мысль ѣхать въ Петербургъ, но уже въ февралѣ 28 числа онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

«Не правда ли, моя мысль сбыточнѣе, нежели ваша, чтобъ пріѣхать въ Петербургъ? Средствъ и возможностей никакихъ. Племянницы опредѣлены въ Харьковской Институтъ. Итакъ ни по чему не выходитъ намъ ѣхать въ Петербургъ.»

([68]) Увы! почтенная Анна Григорьевна, достойная всякой похвалы и справедливости, не знала, что можно слышать объ интересномъ, живомъ происшествіи, и разсказать его все-таки сантиментально и вяло...

Вскорѣ г. Фишеръ объявилъ въ Петербургѣ, что приступаетъ въ своей типографіи къ изданію *Полнаго собранія сочиненій Основьяненка.* Письма этого времени нашего автора къ разнымъ знакомымъ полны хлопотъ по этому изданію. Изданіе остановилось и, кромѣ непріятностей, самыхъ чувствительныхъ, ничего не принесло огорченному старику, который, вдали отъ Петербурга, не могъ съ успѣхомъ стоять за свое дѣло. Въ письмѣ своемъ, отъ 23 марта 1840 года, къ Н. И. Шредеру, списанномъ для насъ Г. Н. Геннади и Н. С. Тихонравовымъ изъ собранія писемъ С. Д. Полторацкаго, онъ говоритъ:

«Простите авторскому самолюбію, заботливому о своихъ писаніяхъ! *Дворянскіе Выборы* сорвались у меня съ языка; въ брульйонѣ схвачено было и почти противъ воли въ такомъ видѣ и напечатано, до того безобразно, неприбрано, что я отрекся и отрекаюсь отъ нихъ. Малороссійскія повѣсти помѣщаю въ переводѣ въ «Современникѣ». Первая *Маруся* была читана ихъ И. Высочествамъ, В. К. Маріѣ и Ольгѣ Николаевнамъ. Государыня императрица изволила присутствовать при чтеніи и удостоила его особеннаго вниманія. Государь цесаревичъ, читая присланное ему въ Венецію, изволилъ читать съ наслажденіемъ. Такъ писали ко мнѣ (69)... Всѣ повѣсти—разныхъ родовъ и большею частію малороссійскія, съ сохраненіемъ всѣхъ оборотовъ и манеръ въ изъясненіи! Кромѣ стариковской слабости, съ примѣсью свойственнаго авторамъ тщеславія, моя цѣль еще и та, что, когда Елизавета Дмитріевна все это прочтетъ, *она будетъ имѣть понятіе обо мнѣ*... Старый же другъ, прочитавъ, разсмѣется и скажетъ: «Вотъ, отшельникъ! А четки? а Куряжскій Монастырь?» Чего-то я не прошелъ и не испыталъ!.. Въ гремящемъ повсюду альманахѣ «Утренняя Заря» есть моя повѣсть... Мои герои и героини все въ квіткахъ и запаскахъ, все здѣшнихъ мѣстъ».

Въ письмѣ, отъ 26 октября, онъ замѣчаетъ, съ наивною радостью, объ успѣхѣ *Халявскаго* въ «Отечественныхъ Запискахъ»:

---

(69) Объ этомъ писалъ къ Основьяненкѣ его защитникъ и литературный покровитель, П. А. Плетневъ, со словъ Жуковскаго.

«Родственница наша, госпожа Башуцкая, бывъ лѣтомъ у насъ, разсказывала объ энтузіазмѣ, съ какимъ хватали «Халявскаго» при появленіи его въ журналѣ, и желали видѣть скорѣе окончаніе. Мы не ведемъ разсѣянной, шумной жизни; кругъ знакомства нашего весьма-ограниченъ; хотя и близь города, но живемъ въ деревнѣ, подеревенски, соблюдая все приличіе при явкѣ въ свѣтъ, чуждаясь оба всякаго вѣтренняго шума и суеты. Новая должность потребуетъ жизни въ городѣ и ближайшихъ отношеній къ домамъ или семействамъ начальствующихъ; для этого нужно необходимое приличіе. У насъ нѣтъ экипажа... Покорнѣйшая наша просьба, когда начнется выручка уже въ нашу пользу, изъ изданія г. Фишера, то денегъ не высылать къ намъ, а собирать ихъ у васъ. Когда соберется ихъ столько, что можно что-нибудь предпринять, тогда будемъ безпокоить васъ о *покупкѣ кареты*. Деньги намъ ни на что болѣе не нужны, какъ на снабженіе себя необходимымъ. При собственности, по мѣсту, буду получать 4000 р. асс. жалованья, слѣдовательно городская, неблестящая, а свойственная намъ жизнь обезпечена».

Передъ новымъ, 1841 годомъ, Основьяненко задумалъ сдѣлать Аннѣ Григорьевнѣ сюрпризъ: купить ей шубу на деньги, которыя выручатся въ Петербургѣ за сочиненія. Это задумано такъ оригинально и имѣло такой трогательный и грустный конецъ, что мы, въ своемъ мѣстѣ, приводимъ цѣликомъ подлинныя письма объ этомъ самого Квитки. Задуманный сюрпризъ остался неисполненнымъ. Затѣянное изданіе г. Фишера не принесло автору желаемой пользы. И въ письмѣ 1841 года, отъ 8 января, Основьяненко, съ горечью труня надъ своею несбывшеюся мечтою, извиняется въ своей просьбѣ и говоритъ, что онъ былъ похожъ *на охотника, продающаго кожу, не убивши медвѣдя*...

Приводимъ здѣсь любопытное письмо къ намъ Н. П. Ка—рова (за которое приносимъ ему искреннюю благодарность) о жизни Основьяненка въ это время. Вотъ оно:

«Съ Г. Ѳ. Квиткою я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 г. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивою головою, однимъ глазомъ (другой,

въ лѣта юности, онъ выжегъ фейерверкомъ), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ принимавшій посѣтителей, въ гостиной въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ и писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ, съ каменною оградою, на необозримомъ и почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго; мебель очень-простая; тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросъ, или въ алтарѣ, такъ-что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень-религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное Богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ оттѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя у себя другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался послѣ, что у него «зачитывали». Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно, съ юношескимъ пыломъ, слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводной. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства, не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до «анекдотовъ», никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самыхъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Несмотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень-добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикою, причемъ отличалась особымъ сочувствіемъ къ династіи Бурбоновъ. Говорю это потому, что ее постоянно можно было застать за чтеніемъ легитимистскаго журнала: «La mode», хотя, мимоходомъ замѣтить, вовсе не была «femme à la mode!» Она

чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературною славою и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти!»

Огорченія скоплялись въ душѣ старика. Окружающіе мало или вовсе не сочувствовали ему; критика шутила надъ нимъ и не знала, какъ вдалекѣ отзывались въ сердцѣ «провинціала-разскавщика» ея насмѣшки. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и не могъ. Въ письмѣ, отъ 5 августа 1839 года, онъ писалъ:

«Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ, старанія достигать цѣли своей! А любопытно было бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, послѣднее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, разсказалъ бы, что на душѣ, наслушался бы васъ, да и назадъ ѣхать! Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду!»

Небольшое вознагражденіе, которое получалъ Основьяненко за участіе въ журналахъ, состояло въ присылкѣ для Анны Григорьевны газетъ и лучшихъ журналовъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Онъ бо̀льшаго не желалъ и не домогался, лишь бы она имѣла на его труды что̀ почитать и чѣмъ поразвлечься. Но и это не обходилось безъ своей доли непріятностей. Два журнала стали систематически его преслѣдовать. Чтобъ представить образецъ этихъ мнимо-шуточныхъ нападокъ, выписываемъ изъ «Библіотеки для Чтенія» за 1841 годъ, январь, отрывокъ изъ «Литературной Лѣтописи»:

«Есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и мо-

ды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дряшной, выдыхлый губернскій ядъ, котораго не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валящіяся на земь, въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка; и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе, вмѣсто общества, на лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ зеркаломъ: все это можетъ казаться очень замысловатымъ какой-нибудь ярмаркѣ, какому-нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи; но и не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе.» (Слѣдуетъ выписка изъ «Халявскаго»; далѣе эта же статья говоритъ о самомъ авторѣ:) «Это долженъ быть ужасный провинціялъ, выживший изъ юмора шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій, посредствомъ печати, читателей для своихъ отсталыхъ остротъ! Я назвалъ его писателемъ, и тутъ же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло оттого, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненка, иные уже говорятъ просто *Основа́ненка*, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... На меня эти пошлости наводятъ скуку и уныніе!»

Съ грустью встрѣчалъ такіе отзывы Основьяненко.

Онъ отказывался впередъ печатать, просилъ возвратить все, посланное въ журналы и сборники, и огорченію его не было предѣловъ. Съ большимъ трудомъ друзья успѣвали утѣшить его, вслѣдъ за каждою подобною статьею.

А между-тѣмъ, какъ критика шутила и подсмѣивалась, Основьяненко не переставалъ работать. Вслѣдъ за брошюркою *Листы до любезныхъ земляковъ* (гдѣ, въ предисловіи и четырехъ листахъ посланій къ поселянамъ, онъ разбираетъ хорошія и дурныя стороны ихъ жизни),

поддержанный одобреніемъ мѣстнаго начальства, онъ задумалъ продолженіе *Листовъ* въ болѣе обширномъ видѣ. Въ началѣ 1842 года, по словамъ К. М. Сементовскаго, онъ написалъ на малороссійскомъ языкѣ *Краткую священную исторію*, которую тогда же передалъ преосвященному Иннокентію. Рукопись по смерти автора осталась неизданною... Послѣднею завѣтною мыслью его, также неисполненною, было составленіе для простонародія *Краткаго свода уголовныхъ законовъ*, съ цѣлью выяснить поселянину послѣдствія преступленій и предупредить горькія ошибки невѣжества.

Огорченія отъ окружающаго и отъ выходокъ критики ложились тяжелѣе-и-тяжелѣе на душу Основьяненка. Онъ заболѣлъ. Отъ 3-го февраля 1841 года, онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

«Удушаемый своею хандрою или ипохондріей, что̀ все одно и то же, въ первыхъ письмахъ къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, я излагалъ свои возраженія на убѣжденія, какія вы можете сказать мнѣ, опровергая мое упрямство въ прекращеніи дальнѣйшаго изданія. Теперь буду отвѣчать на то, что̀ вы уже сказали мнѣ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ: *любить и дѣлать добро для него самого!* Богъ видитъ мое сердце, ка̀къ я люблю его самъ по себѣ и видя втораго меня, руководящаго меня къ тому; и чѣмъ бы я не пожертвовалъ, о чемъ бы пожалѣлъ, еслибы могъ дѣлать другимъ добро! Но если, чтобы доставить другимъ удовольствіе и даже пользу, долженъ я подвергаться безпрестанному уязвленію, тогда утѣшитъ ли меня сдѣланное для другихъ добро? Утѣшитъ, безъ сомнѣнія, когда я одинокъ! Но когда съ моею жизнію соединена жизнь другаго, невиннаго ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ, при возрѣніи на мои страданія, страдающаго отъ одного участія, болѣе, нежели я терплю существенно, въ моемъ спокойствіи полагающаго все благо, живущаго только жизнію моею — тогда позволительно ли накликать на себя хотя часть бѣдствія? А ихъ ежечасно переношу тьму! Слабость, непростительное малодушіе, подходящее къ ребячеству: ну, просто, глупость! Но что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ побѣдить себя? Чѣмъ утолить боль душевную, раждающуюся отъ безпрестанно-грызущей меня мысли: я огорчилъ всѣхъ, вы-

водя дѣянія людскія; я ожесточилъ ихъ противъ себя! Я не буду видѣть отъ нихъ ни сожалѣнья, ни участія въ скорби моей!»

Въ письмѣ, отъ 1-го марта 1841 года, онъ пишетъ:

«Бѣдная моя Анна Григорьевна, истощивъ всѣ увѣщанія, всѣ убѣжденія, видя меня глубоко-страдающаго и не находя никакихъ средствъ успокоить и вразумить меня, рѣшилась согласиться со мною... Мои страданія усиливались отъ воображенія... Наконецъ положеніе мое стало невыносимо! Анна Григорьевна открыла все брату моему, здѣсь же, на Основѣ, живущему. Тотъ испугался моего состоянія и потребовалъ, чтобъ я прибѣгнулъ къ леченію. Я самъ видѣлъ слабость, глупость свою; но волненіе было во мнѣ непроизвольное; ничто не могло меня образумить, и даже самъ я сознавался, что душа моя въ необыкновенномъ состояніи. Докторъ нашелъ положеніе мое очень-серьёзнымъ и находилъ необходимымъ кинуть мнѣ кровь, но остановился на сильныхъ лекарствахъ... Однимъ словомъ, въ то время, еслибъ имѣлъ возможность, я бѣжалъ бы на край свѣта, чтобъ даже не слышать о людяхъ! Самое напоминаніе объ *Основьяненкѣ* потрясало меня!»

И всѣ эти страданія испытывалъ нашъ авторъ въ то время, какъ произведенія его читались на-расхватъ. Въ его бумагахъ находится письмо его издателя, г. Фишера, отъ 10-го февраля 1841 года, изъ Петербурга, гдѣ послѣдній говоритъ, что его «Халявскаго» по 1-е февраля, то-есть въ два мѣсяца «куплено изъ конторы 500 экземпляровъ на чистыя деньги».

Въ письмѣ отъ 15-го марта 1841 г. Основьяненко замѣчаетъ:

«Одно только въ письмѣ вашемъ не больно было, но насмѣшило насъ, что вы отсылаете меня къ постороннимъ лицамъ. Кому повѣрилъ бы я? Около меня ежеминутно была Анна Григорьевна, увѣрявшая меня настоятельно, что я не такъ дѣйствую—вы не одобрите меня. Это самое утверждалъ и братъ мой, принимавшій въ положеніи моемъ искреннее участіе... Я слушалъ ихъ. В. А. Жуковскій такъ давно видѣлъ меня, такъ мало

знаетъ меня, что, я думаю, съ трудомъ припомнитъ обо мнѣ; и тогда, что̀ ему за нужда поддерживать меня? Гг. Погодинъ и Максимовичъ знакомы по письмамъ; но имъ не открыты душа моя, чувства! Нѣтъ, почтеннѣйшій другъ, ни къ кому и никогда не отнесусь я за руководствомъ.»

Скоро Основьяненко принужденъ былъ изъ тихой Основы переѣхать въ городъ. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29-го октября, онъ пишетъ:

«Представленіе меня къ должности пошло отсюда, вмѣстѣ съ другими предсѣдателями, на утвержденіе; но, какъ оно разсматривается во многихъ инстанціяхъ, проходитъ чрезъ Сенатъ, то медленность необходима. Мы платимъ за приготовленную квартиру, и живемъ у себя; тонимъ здѣсь, тонимъ и тамъ, въ ожиданіи, что нужно будетъ переѣхать немедленно!»

Одинъ случай особенно рисуетъ честность и доброту души нашего автора. Онъ былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ г. Сумцовымъ, жителемъ Харькова, и задолжалъ ему нѣсколько тысячъ. Заимодавецъ умеръ, вексель былъ какъ-то порванъ. Но въ одно утро является къ нему на село Москалёвку, гдѣ онъ тогда жилъ, сынъ г. Сумцова, бѣдный студентъ, и объявляетъ, что ему нѐчего ѣсть, а что, помнится, г. Квитка былъ долженъ его отцу около 3000 руб. асс. Основьяненко усадилъ молодаго человѣка, разговорился съ нимъ, порылся въ своей памяти и объявилъ, что точно онъ долженъ его отцу и готовъ ему уплатить... Это намъ передалъ самъ г. Сумцовъ.

VII.

Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Сѣверныхъ Антикваріевъ.

Новый 1842 годъ начался для нашего автора еще печальнѣе 1841 года. Вотъ что̀ онъ писалъ отъ 7-го февраля 1842 года, къ П. А. Плетневу:

«Насчетъ здоровья вашего я былъ успокоенъ коротенькимъ письмецомъ вашимъ черезъ г. Вильсона, писаннымъ въ самый новый годъ, въ тѣ часы вами писаннымъ, *когда я здѣсь близокъ былъ къ смерти.* Болѣзнь схватила меня въ первые часы новаго года, и теперь еще я не подкрѣпился».

1843 годъ былъ послѣднимъ въ жизни нашего автора. Переписка его стала менѣе-говорлива и прилежна. Усталость отражалась въ каждомъ его словѣ, въ каждой мысли.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 1-го февраля, 1841 г.) Основьяненко говоритъ:

«Вы не знаете провинціаловъ, мнѣній, сужденій ихъ и удобности настраивать ихъ къ общему понятію! Я говорю объ особенной массѣ; но она, масса, и кричитъ больше понимающихъ дѣло! Съ моею раздражительностью, съ моею наклонностью къ мрачнымъ мыслямъ, не имѣя возможности укрыться отъ людей (да и гдѣ отъ нихъ укроешься? они вездѣ одинаковы!) предчувствую, что они собьютъ меня съ ногъ, если не сдѣлаютъ болѣе. «Малодушіе!» вы скажите; очень согласенъ и признаю въ себѣ этотъ порокъ; но не знаю, кто бы пошелъ черезъ опасный ледъ, не взявъ предосторожностей? Съ Анною Григорьевною увѣряю, что я былъ равнодушенъ, какъ и теперь, къ журнальнымъ замѣчаніямъ. Но вы не знаете провинціаловъ. Для нихъ печатный листокъ — неопровержимая истина; напечатано!» (70).

Въ письмѣ, отъ 13-го. іюня, 1843, онъ говоритъ:

«Г. Григорьевъ (71), гостившій, по занятіямъ своимъ, у насъ въ Харьковѣ, обѣщалъ лично доставить мое письмо къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ, и объяснить вамъ о нашемъ положеніи, въ нѣкоторой части ему извѣстномъ (72). Здоровье мое все попрежнему, и подъ-часъ, урывками пишу, что случится. Духомъ страдаю очень, но силюсь, чтобъ силы души и тѣла сохранить. Не вижу конца своимъ непріятностямъ... Будьте здоровы. Не оставляйте насъ въ своей памяти и вѣрьте искренней любви и уваженію преданнѣйшаго — *Григорія Квитки*».

---

(70) Въ этомъ письмѣ, прося остановить печатаніе «Столбикова» за котораго особенно боялся онъ толковъ ближнихъ, онъ замѣтилъ, что: *не печатая его, ему прибавятъ десятъ лѣтъ жизни противъ обыкновеннаго*. Онъ не жилъ и трехъ лѣтъ послѣ этого.

(71) П. П. Григорьевъ, извѣстный артистъ петербургскаго русскаго театра.

(72) Здѣсь далѣе описывается одинъ *домашній случай*, особенно огорчившій больнаго, и безъ того, старика. Упомянутый случай окончательно разстроилъ здоровье нашего автора.

Мы достали письмо г. Григорьева къ нашему автору, въ отвѣтъ на его порученія, отъ 19-го іюля, того же года. Вотъ оно:

«У г. Н — ва сидѣлъ я съ часъ и, разумѣется, высказалъ прямо все, что вы и я думаемъ о ***. И вотъ слова его превосходительства:

«— Ахъ, Боже мой! какъ я и самъ страдаю отъ плутней этого негодяя. Надо же быть моему несчастью, что я свелъ Гр. Ѳедоровича съ нимъ именно въ ту эпоху, когда считалъ его честнѣйшимъ человѣкомъ! А теперь мнѣ и жалко и досадно, но... какъ быть! Я рѣшительно не могу тутъ ничего сдѣлать; я даже бранился съ нимъ, повѣрьте мнѣ, однако, ничто не подѣйствовало. Это какой-то хладнокровный и смѣлый плутъ, который умѣетъ дать отвѣтъ всякому! и т. д.

«Г. Краевскій получилъ ваше письмо и благодаритъ меня; разспрашивалъ о Харьковѣ, о харьковскомъ театрѣ; потомъ сказалъ, что писалъ вамъ въ письмѣ, какъ въ-самомъ-дѣлѣ онъ думаетъ о «Молодикѣ» Бецкаго. Только прошу васъ не показывать этого письма молодому человѣку: оно можетъ разочаровать и отбить охоту дѣйствовать въ пользу дѣтскаго пріюта. Теперь вопросъ: что̀ дѣлается съ моими «Вояжёрами»? Мой бенефисъ въ началѣ сентября. Ради Бога высылайте; въ это время я буду строчить куплеты; а иначе боюсь, чтобъ не опоздать. Только умоляю о главномъ: больше хохотнѝ! больше курьёзныхъ положеній! Это вѣрнѣйшая порука за успѣхъ».

Послѣдняя, напечатанная при жизни, статья Основьяненка была: *О святой мученицѣ Александрѣ Царицѣ* въ «Звѣздочкѣ» 1843 г. (за іюль), съ подписью: *Посвящается воспитанницамъ Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ*, 21-го апрѣля 1843 г. *Первая въ жизни*, напечатанная нашимъ авторомъ статья, также была посвящена любимому Институту...

По смерти Основьяненка явилось въ печати еще нѣсколько его про-

изведеній. Мы исчисляемъ ихъ въ прилагаемомъ къ статьѣ нашей перечнѣ его сочиненій.

21-го августа, въ «Прибавленіи» къ 33-му № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», появилась статья И. И. Срезневскаго, подъ именемъ: *О кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, съ подписью: «10-го августа, 1843 года». Вотъ отрывки изъ этой статьи:

«8-го августа, въ пять часовъ пополудни, скончался въ Харьковѣ предсѣдатель Палаты Уголовнаго Суда, надворный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Анны 2-й степени и св. Владиміра 4-й степени, Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Потеря—которую глубоко почувствуетъ всякій, кто зналъ покойника, его искреннюю любовь къ отечеству, его примѣрную ревность къ служенію, его правдивый, благородный характеръ и образъ мыслей, его заслуги краю! ([73]).

«Вчера вечеромъ былъ выносъ тѣла покойнаго *Г. Ѳ. Квитки* въ церковь Благовѣщенія. Кто видѣлъ этотъ выносъ, не могъ не замѣтить, что весь городъ глубоко чувствовалъ, кого онъ терялъ, что онъ весь чтилъ покойника, какъ одного изъ своихъ лучшихъ согражданъ, одного изъ избраннѣйшихъ людей края! Всѣ сословія, отъ самаго высшаго до самаго простаго, тысячами стеклись поклониться праху своего любимца. Площадь отъ дома, гдѣ жилъ покойникъ, до вратъ храма, была полна

([73]) По словамъ О. Р. Быковскаго, Основьяненко умеръ въ домѣ Краснокутскаго, за Лопанью, на базарѣ, противъ церкви Благовѣщенія и нынѣшней Гимназіи, въ исходѣ 4-го часа пополудни. Когда раздался на колоссальной колокольнѣ Харьковскаго Собора (14-ю аршинами выше Ивана Великаго) печальный благовѣстъ большаго колокола, г. Быковскій стоялъ за спинкою креселъ другаго знаменитаго мужа Украины, *Козьмы Никитича Кузина*, вскорѣ также умершаго, слово котораго въ краѣ нашемъ соблюдалось болѣе всякихъ форменныхъ обязательствъ. По словамъ же г. Сумцова, Квитка умеръ не на базарѣ, но въ домѣ Котлярова, нынѣ нѣжинскаго грека Сканды.

народомъ, и слезы были видны на глазахъ многихъ... Предсѣдатели и члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ несли гробъ; чиновники всѣхъ вѣдомствъ провожали его. Сегодня, въ присутствіи генерал-губернатора, князя Н. А. Долгорукова, гражданскаго губернатора, С. Н. Муханова и чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, совершена была литургія преосвященнымъ Иннокентіемъ. Несравненный пастырь нашъ, прежде отпѣванія покойнаго, произнесъ слово, краснорѣчиво поучавшее слушателей и напоминавшее о жизни покойнаго. Въ половинѣ втораго пополудни, началось погребальное шествіе, по Екатеринославской Улицѣ, на Холодногорское Кладбище. Вся эта широкая и длинная улица была полна народа. На печальную процесію сошлись не только горожане со всѣхъ концовъ города, но и поселяне изъ ближайшихъ селеній!»

Воспаленіе, сведшее въ могилу нашего автора, продолжалось одиннадцать дней. Онъ спокойно приготовился къ смерти и тихо скончался на рукахъ жены, нѣкоторыхъ изъ родныхъ и близкихъ, какъ, напримѣръ, П. Ю. Квитки и П. П. Гулака-Артемовскаго.

Основьяненко жилъ *шестьдесятъ-четыре года* безъ трехъ мѣсяцевъ и десяти дней. Черезъ девять лѣтъ послѣ него, 31-го января 1852 г., умерла Анна Григорьевна. Какъ мы сказали прежде, дѣтей у покойныхъ супруговъ не было.

Мы посѣтили могилу супруговъ нынѣшнимъ лѣтомъ, на Холодногорскомъ Кладбищѣ, съ вышины котораго открывается у ногъ весь Харьковъ, какъ на картинѣ, съ его свѣтленькими новенькими домами, улицами и извилистыми рѣчками. Могила находится почти на краю горы, надъ обрывомъ. Памятникъ надъ нею — бѣлый мраморный, съ чугунною оградою и надписью:

Здѣсь покоится прахъ
Григорія Ѳедоровича
Квитки.
(Основьяненка).
Родился 18 ноября, 1778.
Скончался 8 августа 1843.

И другая надпись на немъ же:

Анна Григорьевна Квитка,
урожденная Вульфъ.
Родилась 1800 года, мая 17-го дня.
Скончалась 13-го генваря 1852 года.

Грустное впечатлѣніе произвелъ на насъ, при разработкѣ бумагъ покойнаго, дипломъ Копенгагенскаго Общества Антикваріевъ, присланный ему въ Харьковъ изъ Копенгагена, отъ 27-го августа 1845 года, значитъ—ровно черезъ два года послѣ его смерти...

Вотъ этотъ дипломъ. Подъ красивою виньеткою, изображающею древности Сѣвера и ихъ собирателей, въ античномъ вкусѣ, за подписью знаменитаго Магнусена и секретаря Общества, неменѣе знаменитаго Рафна, съ печатью, украшенною рунами, слѣдуетъ самый дипломъ: «Le Conseil d'Administration de la Société Royale des Antiquaires du Nord, sur la proposition du Comité pour l'ancienne histoire de Russie, a, dans sa Séance de ce jour, nommé *Associé de la Section Russe,* Son Excellence, *monsieur Grégoire Kvitka,* conseiller d'etat actuel, *à Kharkov,* qu'elle estime doué de la volonté et de la faculté de contribuer à atteindre le but que se propose la Section, et tous les droits en Associé lui seront réservés conformement au Reglement de la Section».

Квитка по ошибкѣ названъ здѣсь дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, какъ по ошибкѣ же сочтенъ дипломомъ въ числѣ живыхъ...

VIII.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ОСНОВЬЯНЕНКА.

Письма Квитки къ П. А. Плетневу. — Письма къ Квиткѣ Загоскина, Гребенки и Даля-Луганскаго.

По плану нашего труда, мы должны теперь представить читателю отрывки изъ литературной корреспонденціи Квитки. Мы думаемъ, что, за отсутствіемъ мемуаровъ и автобіографій нашихъ литераторовъ, это единственное средство пополнить, въ библіографическомъ опытѣ о какомъ-нибудь писателѣ, пробѣлъ его литературныхъ откровеній и признаній. Не можемъ не принести здѣсь искреннѣйшей благодарности тѣмъ, кто ихъ намъ доставилъ изъ разныхъ рукъ, и въ особенности П. А. Плетневу, снабдившему насъ болѣе, чѣмъ пятидесятью письмами къ нему Квитки. Въ письмахъ друзей Квитки видна вся добрая и искренняя любовь ихъ къ доброму украинскому разскащику; въ письмахъ же Квитки цѣликомъ вылился этотъ робкій, застѣнчивый, скрытный, подъ-часъ лукавый и подъ-часъ отсталый писатель.

Изъ находящихся у насъ въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ писемъ отъ Основьяненка къ разнымъ литераторамъ и отъ нихъ къ Основьяненку, прилагаемъ здѣсь интереснѣйшіе, цѣликомъ и въ отрывкахъ, на сколько дозволяютъ намъ литературныя приличія...

Письма Основьяненка къ П. А. Плетневу.

I

7-го января 1839. Основа.

«Принося искреннѣйшую благодарность вашему превосходительству за удостоеніе моей «Маруси» помѣщеніемъ въ журналѣ, издаваемомъ вами, *въ переводѣ моемъ же*, и за всѣ ваши ободрившіе меня отзывы, я рѣшился васъ безпокоить предложеніемъ: не угодно ли будетъ вамъ имѣть и еще изъ моихъ малороссійскихъ повѣстей, переложенныхъ на русскій? Въ такомъ случаѣ, получивъ отъ васъ извѣщеніе, я вышлю къ вамъ: «Конотопскую Вѣдьму» и «Кладъ». Одобрить ее къ помѣщенію въ журналѣ вашемъ или отринуть—совершенно зависѣть будетъ отъ васъ; я узнаю тогда цѣну имъ.

«Поручивъ Василію Андреевичу Жуковскому, въ бытность его въ Харьковѣ, «Марусю», вами помѣщенную, я вручилъ еще «*Мертвецкій великъ-день*» и «*Добре робй — добре буде*», также переложенныя по русски. Если они не заслуживаютъ чести быть извѣстными, то я равнодушенъ; но если вы ихъ не изволите видѣть еще и если можно ихъ отыскать, то предаю также въ волю вашу. «*Солдатскій портретъ*», помѣщенный въ Современникѣ же, прекрасно переданъ уважаемымъ мною В. И. Далемъ; но, съ позволенія его, есть выраженія, не такъ изъясняющія мысль и измѣняющія понятіе о дѣйствіи. Все это отъ неизвѣстности мѣстности и обычаевъ.

«*Козырь-Дївка* переводится, кажется, въ Петербургѣ, и будетъ тамъ издана, какъ писалъ ко мнѣ П. А. Корсаковъ. Переводятъ ее и здѣсь; не читалъ еще, но, кажется, располагаютъ особо издать.

«Всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ и возможности, готовъ служить вамъ, преисполненный благодарности за лестное вниманіе и за полезные труды ваши, въ чемъ да подкрѣпитъ васъ Богъ!»

II.

8-го февраля 1859 года.

«Не умѣю выразить той благодарности, какою преисполненъ за одушевившее меня, наставительное письмо ваше. Изъ него я удостовѣрился, что я *нѣчто* дѣлаю, а не, какъ давали мнѣ замѣтить холодностію и даже молчаніемъ, что я изъ пустаго переливаю въ порожнее. Я думалъ, что или меня не понимаютъ, или въ самомъ дѣлѣ: къ чему быть сказочникомъ? Къ чему идти за толпою, въ коей всѣ глушатъ одинъ другаго. Мнѣ было досадно, что всѣ летаютъ подъ небесами, изобрѣтаютъ страсти, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво, и не писать того, что попадется на глаза? Живя въ Украйнѣ, пріучася къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена «Маруся» и другія, потому-что списаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюся вамъ, описывая «Марусю», «Галочку» и проч., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе, слышу отъ васъ и, подобно вамъ, знающихъ дѣло, что оно хорошо; не я его произвелъ, а списалъ только. Слѣдовательно, все, что̀ вы сказали обо мнѣ, не заслужено мною; а ежели что̀ и есть, то по счастливой находкѣ или улучѐнію въ мѐту, по счастію.

«Слѣдуя одобренію вашему, пишу и буду писать. Буду и переводить, что̀ сложится по здѣшнему; буду пересылать вамъ, но съ условіемъ: если будетъ удостоено чести помѣщенія въ журналѣ вашемъ, помѣщайте; нѣтъ — безъ всякаго снисхожденія отриньте; личныя отношенія и отношенія къ публикѣ, вещи различныя. И я буду утѣшенъ, найдя судъ, а не безусловное снисхожденіе. Съ такою надеждою на благорасположенность вашу, прилагаю «Конотопскую Вѣдьму», нелѣпую по содержанію своему; но все это основано на *разсказѣ старожиловъ*. Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи. Вслѣдъ за этимъ будетъ: «*Вотъ тебѣ и кладъ*»; въ маѣ вышлю. Потомъ слѣдовала бы «Ко̀зырь дѝвка», но я не получилъ ея ни одного экземпляра; даже особѣ, кому посвятилъ ее, не имѣю что̀ дать. Кто ее напечаталъ, на какомъ положеніи, отъ кого и отъ чего она продавалась и гдѣ остальные экземпляры — рѣшительно ни отъ кого не имѣю ни полсловечка въ свѣдѣніе. Перевелъ бы и ее, но не имѣю ни одной книжки! Одна *Сердечная Оксана* у васъ въ Петербургѣ, кажется, явится весною въ малороссійскомъ альманахѣ, составляемомъ г. Гребенкою. Еще одна *Щи́рая любовь* поступила въ цензуру къ П. А. Корсакову. Не явится ли она у меня особнякомъ — еще не знаю».

III.

15-го марта 1839 года.

«По случаю, былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что̀ серьёзное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе неспособенъ. Знавъ его удобство, я написалъ *Марусю*, и доказалъ, что отъ малороссійскаго

языка можно растрогаться. Здѣшніе предлагали мнѣ напечатать, и я, предохраняя себя отъ насмѣшекъ русскихъ журналистовъ, написалъ *Солдатскій портретъ*. Книгопродавецъ просилъ, составить цѣлую часть; я написалъ *Мертвецкій великъ-день*. И такъ пошло далѣе, именно для одной забавы себѣ, веселаго чтенія съ женою и видя, что землякамъ это нравится. Хотя и подумывалъ о какомъ нибудь-пріобрѣтеніи, но не извлекъ его ни даже отъ двухъ частей повѣстей.

«Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ порусски, и совершенно порусски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи: и что же? Малороссы, не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскерадомъ; выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія—національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по своему, и брошено, хотя правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сносным, но не передающимъ вполнѣ (ну, право), красотъ малороссскихъ оборотовъ. Такой переводъ «Маруси» и проч. дошелъ къ вамъ отъ Василія Андреевича? Вотъ, начавъ отъ потопа, дошелъ я до настоящей цѣли отвѣта. Вы теперь видите, что я не произвольно, нечаянно, неумышленно попалъ въ писаки, и хотя, точно, обстоятельства мои требовали поддержки и я заботился пріобрѣсть что-либо, но все ускользало изъ рукъ, и ничто, до сихъ поръ, не ободрило.

«Все, посланное въ Петербургъ, тамъ и оставалось; или напечатаютъ, а мнѣ нетолько книжки, и спасибо не скажутъ, или затеряется тамъ, или замолчатъ; и я уже отложилъ всѣ заботы, чтобы получить что-либо, и не хлопочу, а все продолжаю писать, то отъ нечего дѣлать, то, чтобъ изложить мысль, какая намъ, съ женою, придется; хоть посмѣемся или погрустимъ вмѣстѣ—и то наше; потомъ и пустимъ печатать, кому отдамъ или такъ пойдетъ по рукамъ и затеряется. Также точно вы видите, что я не могу, по нынѣшнему, писать очи-

щеннымъ слогомъ, подобранными выраженіями, и всегда буду сбиваться на свой тонъ, малороссійскій. Слѣдовательно, не беруся исполнить, по совѣту вашему, внушенному добрымъ вашимъ ко мнѣ расположеніемъ. При всемъ усиліи, при всемъ стараніи, буду взлѣзать на ходули и, отъ неумѣнія управлять, зашатаюсь и упаду. Зачѣмъ же приниматься за то, что̀ выше силъ? Притомъ, почтеннѣйшій Петръ Александровичъ, потрудитесь вникнуть въ видимую разницу нашихъ — ну именно, языковъ русскаго и малороссійскаго, что̀ на одномъ будетъ сильно, звучно, гладко, то̀, на другомъ, не произведетъ никакого дѣйствія, холодно, сухо. Въ примѣръ «Маруся»; происшествіе трогательно, положеніе лицъ привлекаетъ участіе, а разсказъ, ни то, ни сё; я говорю о русской; ка̀къ напротивъ малороссійская беретъ разсказомъ, игрою словъ, оборотами, краткостью выраженій, имѣющихъ силу! Малороссійская «Маруся» не смертію интересуетъ, но жизнію своею. «Ни, мамо!»— «а тожъ—алѐ»! — у мѣста сказанное, въ русское этого не одѣнешь. Примѣръ вамъ: *Праздникъ мертвецовъ*. Это легенда, мѣстный разсказъ, ежегодное напоминаніе въ семьѣ на заговѣны о «Терѐшкѣ, попавшемся къ мертвецамъ съ вареникомъ!» Разсказанное по нашему, какъ всѣ передаютъ это преданіе, нравилось; перечитывали, затверживали. Перешло въ русское и вышло ни то, ни сё; поводъ журналисту трунить, чего я и ожидалъ, при прочтеніи ее въ вашемъ журналѣ».

IV.

26-го апрѣля 1839 года.

«Что же мнѣ дѣлать, если я себя не понимаю! (Это будетъ объясненіемъ на вторую часть послѣдняго письма вашего). Вотъ мое чистосердечное сознаніе. Никогда не думалъ я писать что-либо. Читаемое не нравилось; и если встрѣчалось что-либо сходствовавшее съ моимъ

разумѣніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не лелѣяли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятія, пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени. Я устроивалъ институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями; привелъ дѣло къ концу... и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ. Бросилъ всѣ мои труды и тутъ-то посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденъ приняться писать. По обстоятельствамъ, я написалъ первую, комедію... охъ!... «Дворянскіе выборы!» Родъ людей, которыхъ вы такъ вѣрно изобразили, принялись меня катать съ бока на бокъ. Всѣ эти господа начали пересчитывать сколько мною написано «ибо, поелику, дабы» — а слова-то и не примѣтили; цѣль, намѣреніе остались вовсе безъ разсмотрѣнія, и было ли то все въ пьесѣ, никто не сказалъ, выключая г. Ушакова, въ Телеграфѣ. Это меня огорчило, охладило. Защищая какъ-то достоинство языка малороссійскаго, я вызвался заставить разсказомъ своимъ плакать — не повѣрили; я написалъ «Марусю»; и когда убѣждали меня напечатать, то я, боясь опять цеховыхъ скалозубовъ, написалъ для нихъ «Солдатскій портретъ», чтобъ оградить себя отъ насмѣшекъ ихъ и чтобъ они поняли, что сапожнику не можно разумѣть портнаго дѣла. Для составленія части, писалъ простонародное преданіе, изъ рода въ родъ передаваемое: «Мертвецкій Великъ-день». Писавъ «Марусю», я узналъ себя, что могу такъ писать; но порусски, послѣ уроковъ за «Дворянскіе выборы», я боялся приниматься. И что жь? Когда вышла первая часть повѣстей, отовсюду были отзывы, что они плакали, какъ «Марусю» погребали, и я готовъ былъ плакать о нихъ. Были и такіе, что благодарили меня, что я доставилъ лакеямъ ихъ чтеніе, понимаемое ими; натурально, что я смѣялся надъ такими. Немногіе замѣтили, какъ Маруся съ Василіемъ пересыпалась песочкомъ, когда говорила съ нимъ о чувствахъ своихъ, и сказали, что мнѣ не

нужно другой эпитафіи: «Онъ написалъ Марусю». Для нихъ, а болѣе для Анны Григорьевны, я продолжалъ писать и составилось двѣ части повѣстей. Здѣшніе, хваля мое писаніе, принимались переводить на русскій, но все было неудачно; я не перевелъ, а переписалъ слово-въ-слово, безъ малѣйшей перестановки словъ или пересказа другимъ образомъ. Въ ту пору проѣзжалъ В. А. Жуковскій. Наговорилъ много лестнаго и желалъ читать ихъ въ переводѣ Какой былъ у меня подъ-рукою, я такой и вручилъ ему. Просили меня написать для театра оперу; я собралъ главныхъ здѣшнихъ характеровъ нѣсколько, наполнилъ пѣснями, обрядами, и пошло дѣло въ-ладъ. Изъ этого вы видите, что я таки нахожу себя способнымъ писать, и хотя знаю, что немногіе видятъ, что̀ и для чего я пишу, но для понимающихъ пишу. И еслибъ не язвительныя выходки самозванцовъ-цѣнителей, то я писалъ бы и порусски, какъ бы смогъ; но не желая дать поводу трунить надъ собою, не смѣлъ бы за русское взяться, еслибъ не вы; и еще принялся писать на особый ладъ, о чемъ изъясню ниже. При первой встрѣтившейся идеи, я тотчасъ пишу и тогда у меня все въ сторону, пока не окончу. Не черню̀ никогда ничего, а прежде всего въ мысляхъ сложу планъ, характеры лицъ, ходъ дѣйствій одного за другимъ; разговоры же и прочее приходятъ во время писанія. В. А. Жуковскій, говоря со мною о «Дворянскихъ выборахъ», совѣтовалъ еще продолжать въ томъ же тонѣ и съ тою цѣлью. Когда же я изъяснилъ трудность составить изъ всей этой кутерьмы правильную драму, то онъ мнѣ совѣтовалъ помѣстить и развить все это въ романѣ, украсивъ и наполнивъ сценами изъ губернскихъ обществъ. Тутъ я уцѣпился за прежнюю мою мысль: добродѣтельныхъ людей, честныхъ чиновниковъ и вообще исполняющихъ свое дѣло, къ чему описывать? Въ порядкѣ идущія времена года, постепенное ихъ измѣненіе, польза, ими приносимая, какъ бы ни было все это описано, не займетъ насъ, потому-что мы сами все видимъ. Но ураганы, вырывки изъ порядка и всѣ необыкновенности: это должно описывать. Давно уже я приступилъ къ описанію жизни «Пустолобова», имѣющаго родныхъ по всѣмъ званіямъ. Онъ простачокъ,

неполучившій образованія, чудно мыслитъ, будто понимаетъ дѣло, но превратно отъ общихъ разумѣній. Въ малолѣтствѣ остался сиротою. Его имѣніе разоряютъ судьи, опекуны; его развращаютъ, поручаютъ въ пансіонъ мадамъ Филу; пансіонъ и потомъ дальнѣйшія его похожденія, участіе въ выборахъ и много-много... Сей сказки написалъ я первую часть и послалъ въ Москву. Тамъ на меня сильно напали; но когда Василій Андреевичъ обнадежилъ меня, что они говорятъ пустяки, то я принялся писать и нагородилъ (при всемъ желаніи ускромить себя) шесть частей. Но при первой мысли я тотчасъ сообразилъ, что, по выходѣ этой книги, всѣ опекуны, судьи, содержатели пансіоновъ, предводители и всѣ описанныя мною, по именованіямъ лица, всѣ возстанутъ на меня. Здѣсь пречудный народъ! Вышла «Козырь-дѝвка» и судья сердится на меня, что онъ никогда бубликовъ не принимаетъ отъ просителей; за «Выборы» и теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ. Въ «Новогодникѣ» вышла статья «Скупецъ» и всѣ додумываются, кого я это описалъ? Что̀ же будетъ, когда выйдетъ сатира на всѣ злоупотребленія, дѣлаемыя людьми во всѣхъ званіяхъ? Я до-того испугался, что повторяю мои убѣжденія къ Н. А. Корсакову, чтобъ отложилъ печатаніе вовсе. Вы видите и знаете, какъ я изъясняюсь и пишу; такъ изложена, безъ дальнѣйшаго старанія, вся повѣсть. Какое богатое поле ругателямъ-журналистамъ!

«Насмѣшки во всеуслышаніе, домашніе упреки (если не болѣе) — это будетъ моею наградою! А мнѣ бы хотѣлось умереть покойно, чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо. Самоувѣренность не въ состояніи разогнать всѣхъ мрачныхъ мыслей.

«За разметаніе моихъ писаній не пѣняйте на меня. Все это вотъ какъ произошло. Графъ Бенкендорфъ отнесся ко мнѣ, прося статьи въ Альманахъ В. А. Владиславлева, на 1840 годъ, издававшійся съ благотворительною цѣлью. Я выслалъ. Вотъ отдѣльная статья. Другая ото-

рвалась отъ цѣлаго, это отрывокъ отъ Пустолобова, который Н. А. Корсаковъ разсудилъ помѣстить для свѣдѣнія, что будетъ цѣлое. Каковъ отрывокъ? Не знаю, не читалъ, за неимѣніемъ здѣсь и даже у меня альманаха. При приступѣ къ ***, безъ моего вѣдома, вписали меня въ сотрудники и потомъ уже спросили, чѣмъ я могу содѣйствовать? Что̀ дѣлать, у меня было въ мысли описать малороссійскую жизнь, и воспитаніе, и обряды, и проч. и проч. старинное, чего уже теперь и слѣдовъ нѣтъ. Я имъ объявилъ, что будетъ «Халявскій». Они ухватились обѣими руками, просили выслать и предложили о вознагражденіи, что̀ мнѣ получить? Я просилъ всѣхъ журналовъ русскихъ и для Анны Григорьевны Revue etrangère. Они поспѣшили меня удовлетворить. Я выслалъ имъ начало «Халявскаго». И самъ не знаю, помѣстятъ ли еще его и кстати ли онъ будетъ въ журналѣ; но дѣло сдѣлано. «Козырь-дѣвка» по обстоятельствамъ, въ-отношеніи посвященія, нужно было издать во̀время; но все осталось втунѣ, и я не знаю, кому и благодарить за изданіе! Явится на-дняхъ «Ганнуся» порусски; это спекуляція не моя, а книгопродавца здѣшняго, на что я и рукою махнулъ Вотъ всѣ мои бродящіе, исключая театральныхъ: «Шельмѐнка» и «Сватанья». Двѣ части повѣстей сами по себѣ. Вотъ и полный мой отчетъ; изъ него видно, что мало раскидано, и то по необходимости.»

V.

28-го апрѣля 1839 г.

— «О «Пустолобовѣ» рѣчь. Знаете ли, кромѣ огорченія отъ непріятности вамъ, чрезъ банкрутство П***, я обрадовался тому, что «Пустолобовъ» не будетъ печаться. И если возможно меня болѣе, нежели успокоить и одолжить — отложите печатаніе его вовсе. Я не боюсь шмелей; я и уши заткну, я и уйду, чтобъ не слыхать; но близь насъ

находящіяся блохи, клопы и прочая гадость, тѣ кусаютъ, или болѣе, безпокоятъ до того, что мѣста не найдешь! Журналистовъ не боюсь: они извѣрились, и каждый имѣетъ своихъ вѣрующихъ въ него. Но здѣшніе, домашніе, ежечасно встрѣчающіеся, опекуны, дворяне, судьи, предводители, полицейскіе, совѣтники, казначеи, содержатели пансіоновъ и всѣ поименованные характеры, коихъ лица, носящія званія сіи, примутъ на себя, и я отъ нихъ нигдѣ покоя не найду. Если вы коротко знаете разнокалиберный кругъ губернскій и толки по деревнямъ и въ уѣздныхъ сборищахъ, то вы согласитесь, что мои опасенія справедливы. Я писалъ, что, еще не читавъ и не видѣвъ статьи въ альманахѣ, а только изъ Сѣверной Пчелы узнавъ, что помѣщенъ «Скупецъ», всѣ спрашиваютъ меня: «На кого я мѣтилъ? не на того ли, не на другаго ли?» Сообразивъ все это и повѣривъ моему опасенію, полагаю, что и вы согласитесь отложить и не вооружить... чтобъ не ввели въ такой храмъ славы, что и все бросишь! Тутъ же не безъ того, въ журналахъ встрѣчаются замѣчанія, насмѣшки, порицанія, колкости — все это моимъ умствующимъ здѣшнимъ подаетъ оружіе къ отмщенію, и я, вмѣсто удовольствія, увижу послѣдніе дни мои отравленными; въ каждомъ встрѣчающемся просто человѣкѣ, буду встрѣчать врага себѣ и преслѣдователя. Гдѣ же искомое во всю жизнь спокойствіе?... Много имѣю представить вамъ справедливыхъ опасеній отъ дѣйствій благоразумно мыслящихъ; но остальное все постигнете и согласитесь со мною, что надобно отложить. Если же, по какимъ-либо обстоятельствамъ, уже отмѣнить печатанія невозможно, что дѣло пошло гораздо впередъ и сопряжено съ убыткомъ кому-либо значительнымъ; въ такомъ случаѣ, я просилъ бы и прошу убѣдительнѣйше, сколько можно, отвратить отъ меня гласно составленіе этой книги. Нельзя-ли въ заглавіи сказать: «издано, или составлено «Х. Б. Ч. К. М.» и тому подобными буквами, какъ лучше придумаете; или просто: «издано обществомъ» или что угодно — что угодно, только бы не мое, или Основьяненка, имя было! Уже и альманачная статья покажетъ на меня; но *отбрешуся*, если въ полномъ изданіи закрыто будетъ! Еще бы я просилъ, разумѣет-

ся, когда уже невозможно пріостановить печатанія, чтобъ, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ*, а какъ-нибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барыни, которая умничала и безпутно вела себя, сказано: что она *не имѣла волосъ и носила парикъ;* выключите эту примѣту. По справкѣ оказалось, что у одной барыни, вовсе не такой, какъ моя, не имѣется волосъ на головѣ и она носитъ парикъ; она меня съѣстъ, хотя, чортъ ее знаетъ, есть ли у нее волосы.... И вообще все это похожденіе съ этою барынею такъ какъ-то сухо и незанимательно. Или бы и выкинуть его вовсе, или обработать и украсить чѣмъ интереснѣе. А что касается до губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда! Куда ни оборотись, всѣ будутъ ворчать. Вмѣсто *губернскаго прокурора* о экипажѣ, нельзя ли перемѣнить, стряпчій верхняго земскаго суда; совѣтника, къ которому явился Пустолобовъ для полученія мѣста, нельзя ли перемѣнить на секретаря намѣстническаго правленія, и проч. и проч., всего и не припомню. А полиція что̀ скажетъ? А мелкое дворянство? Ужасъ, ужасъ и ужасъ! Однимъ-словомъ, доставите мнѣ больше, нежели одолженіе и успокоеніе, когда отклоните и возвратите мнѣ рукопись. Изъ нея можно будетъ выпускать отрывки для альманаховъ и въ журналы; но все это по выбору и обдѣланное. А все изданіе пусть бы шло послѣ смерти моей, чтобы я покойно дожилъ вѣкъ въ кругу своемъ. Благоразумію вашему и лестной дружбѣ вашей, такъ слѣпо доказанной, поручаю этотъ процесъ. Я изложилъ, хотя вкратцѣ, но намекнулъ на все, на всѣ опасенія отъ послѣдствій. Рѣшите дѣло, и я не буду апеллева̀ть. Съ нетерпѣніемъ жду вашего заключенія, чѣмъ не отлагайте успокоить меня. Еще прибавлю: меньше бы я безпокоился, еслибъ какое-нибудь послѣдовало одобреніе свыше; тогда, видѣвъ вниманіе, можетъ-быть, прикусили бы языки; но кто же можетъ навѣрное знать? Еслибъ былъ здѣсь В. А. Жуковскій, онъ задалъ мнѣ эту тэму. Что̀ бы онъ сказалъ? Взялся ли бы

поддержать тамъ, гдѣ надобно? Итакъ, съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего мнѣнія; не замедлите къ успокоенію моему».

VI

13-го мая 1839 г.

«Въ «Отечественныхъ Запискахъ» явится скоро «Панъ Халявскій». Это начало и отдано еще до поступленія моего въ покровительство ваше. Онъ начатъ по препорученію Василія Андреевича, переданнаго мнѣ чрезъ здѣшняго чиновника графа Панина, чтобъ описать старинный бытъ малороссіянъ, родъ жизни, воспитаніе, занятія и все, до послѣдняго. Я понялъ, что это высшаго сословія, и сдѣлалъ начало. Что вы о немъ скажете? Если онъ заслужитъ ваше одобреніе, то его можно расплодить, въ томъ же тонѣ, отъ двухъ и до четырехъ частей. Тутъ будетъ молодость его, служба, домашняя жизнь и занятія, пребываніе въ столицѣ, раздѣлъ съ братьями, процесы, женитьба, воспитаніе дѣтей и проч. На что и буду ожидать рѣшенія вашего. И такъ понаберется частей восемь или и болѣе, кромѣ «Пустолобова», которому рѣшенія ожидаю отъ васъ.

«Ко всему этому я приступаю единственно по требованію вашему. Теперь же скажу съ всегдашнею моею откровенностію о главнѣйшемъ предметѣ. Я получаю отъ брата опредѣленную пенсію; разсчитанной мною, отъ числа до числа, отъ срока до срока, стаетъ; но лишняго не бываетъ и ни откуда не приходитъ, слѣдовательно приступить къ печатанію я не имѣю никакой возможности. Занять для того денегъ, не смѣя и думать о вѣрномъ пріобрѣтеніи, неприлично; а потому и должно отложить всякое попеченіе. Не полагаю возможнымъ, чтобъ нашелся совѣстный книгопродавецъ (гдѣ они?) взять изданіе на себя.

Обѣщанныя выгоды едва-ли онъ исполнитъ, едва-ли устоитъ въ словѣ. И со мною были подобные примѣры. Итакъ, это обстоятельство положитъ преграду всему, что вы, по доброму расположенію и участію, точно дружескому, хотѣли сдѣлать для меня. Это одно стѣсненіе заставляетъ меня отказаться отъ предложенія вашего и потому еще, что, по вашему предусмотрѣнію, первоначальная подписка въ наше время невозможна».

VII.

21-го іюня 1859.

«Со всею откровенностію отвѣчаю на послѣднее письмо ваше отъ 5-го іюня. Упражненія въ дѣлахъ, незатѣйливость, ограниченность въ жизни обратили на меня вниманіе дворянства. Я былъ постоянно избираемъ въ почетныя должности, когда нѣкоторыя изъ первѣйшихъ особъ не были удостоиваемы къ тому. Весьма-натурально, что это произвело зависть и желаніе повредить мнѣ; клеветали на меня, разсѣвали обо мнѣ разныя нелѣпости — ничто не помогало; я былъ избранъ въ Предсѣдатели Палаты. Здѣшніе завистники употребили все, чтобъ помѣшать мнѣ, и успѣли. Утвержденъ былъ не я, а младшій мой кандидатъ. Тутъ-то усилили слухи, что Г*** не благоволитъ ко мнѣ, а Б*** употребитъ все, чтобъ меня не допустить служить нигдѣ. Но дворянство, вопреки молвѣ, не имѣя прямаго на счетъ мой запрещенія, избрало меня въ подобную первой почетную должность совѣстнаго судьи. Въ семъ званіи я имѣлъ счастіе быть, вмѣстѣ съ прочими членами, представленъ въ Харьковѣ Государю Императору и удостоенъ, изъ-за другихъ, всемилостивѣйшимъ вопросомъ. Графъ видѣлъ меня и я не замѣтилъ отъ него нерасположенія, какъ бы должно ожидать къ человѣку, замѣченному въ чемъ бы то ни было. Больше: чрезъ него шли

представленія о наградахъ тогда же, и я не исключенъ имъ и представленъ и получилъ награду. На зло завистникамъ и клеветникамъ здѣшнимъ, избрали меня вторично въ совѣстные судьи. Шумѣли, спорили, препятствовали явно, но меня все избрали. Если выйдетъ «Пустолобовъ», не будутъ ли они, имѣя средства, перетолковывать каждое въ немъ слово, а особливо въ главахъ о ходѣ выборовъ? Тутъ найдутъ и намеки и указанія на того, на другаго; и чего они не сплетутъ! А между-тѣмъ, въ слѣдующемъ году, наступаютъ выборы, и мнѣ бы желалось еще послужить, пока есть здоровье и силы. Давши всему превратный толкъ, могутъ сдѣлать свои внушенія. Вотъ причины, для коихъ не желалъ бы я, чтобъ «Пустолобовъ», при жизни моей являлся въ свѣтъ, чтобъ не нанесъ мнѣ непріятностей отъ собратій, увлеченныхъ мнѣніями и толками нерасположенныхъ людей! Конечно, одобреніе Г***, хотя бы словомъ, много бы меня ободрило и пріостановило бы дальнѣйшіе здѣшніе толки; но этого ожидать не смѣю. Итакъ, изволите видѣть, что ни явнаго врага, ни тайно дѣйствующаго ко вреду моему, не имѣю между важными и сильными; а безпокоятъ домашнія шавки или, лучше, клопы, тараканы, блохи и прочая домашняя гадость. А потому выпускъ «Пустолобова» въ свѣтъ или сокрытіе его подъ-спудъ совершенно зависитъ отъ васъ и въ этомъ отношеніи я заранѣе соглашаюсь съ намѣреніемъ и дѣйствіемъ вашимъ.

«Если вы нашли «Пустолобова», долженствующаго значить болѣе чего-либо, то прилично ли будетъ посвятить его Василію Андреевичу Жуковскому? Не оскорблю ли его ничтожнымъ приношеніемъ? Узнавъ его, нѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія. Онъ же и препоручилъ мнѣ написать подобное. Если вы одобрите мое пламенное желаніе и не найдете обстоятельствъ, препятствующихъ тому, то извольте располагать такъ же неограниченно, какъ и во всемъ, къ моей восторженной благодарности».

VIII.

5-го августа 1859. Основа.

«О «Халявскомъ». Гг. основатели «Отечественныхъ Записокъ», объявляя о сотрудникахъ, включили меня и потомъ отнеслись, предлагая вознагражденіе. Я послалъ имъ «Халявскаго» первую половину, располагая изъ него сдѣлать что-нибудь цѣлое съ подробностями. Въ вознагражденіе требовалъ журналовъ, коихъ вышло на цѣну 265 руб. кромѣ «Отечественныхъ Записокъ». Они немедленно начали высылать все, и просили «Халявскаго» продолжать, хотя бы на восемь книжекъ, и что первая тетрадь будетъ помѣщена во второй книжкѣ.

«Головатый», какъ любимецъ Анны Григорьевны, принятъ ею въ свое покровительство и она предположила отъ него воспользоваться. Начавши дѣло съ «Отечественными Записками», мы хотѣли имъ послать записку, что намъ нужно будетъ ту цѣну, какую вы назначите; но если вы находите другую и удобнѣйшую дорогу къ удовлетворенію желаній нашихъ, то и зависитъ совершенно отъ воли вашей. Мы вамъ ввѣрились и вамъ все предоставляемъ. Причемъ нужно объяснить. Вамъ извѣстно уже, что мы живемъ на пенсіи, достаточной для жизни, но въ дальнѣйшемъ неудовлетворительной. Въ осьмнадцать лѣтъ нашей супружеской жизни я не могъ ничего доставить Аннѣ Григорьевнѣ. Теперь, когда, благодѣтельнымъ вашимъ участіемъ, открывается способъ и возможность пріобрѣсти что-нибудь для удовлетворенія приличій и необходимостей, и когда здѣсь, даже и за деньги, невозможно хорошее имѣть, то я и убѣдилъ и настоятельно упросилъ ее сдѣлать записку, сходно съ моимъ желаніемъ, что̀ бъ нужно имѣть? Она со-

ставила, съ означеніемъ цѣнъ въ нѣкоторыхъ вещахъ. Главнѣйшее затрудненіе, кто позаботится пріискать и купить все, не только по цѣнѣ, но и по достоинству? Е. П. Гребенка со всѣмъ радушіемъ вызывается исполнять все, даже до модныхъ магазиновъ.

«О посвященіи ***. По должности, онъ меня нашелъ и, превознося, просилъ о присылкѣ «Пустолобова» и другихъ. Все прочее у него затеряно и не возвратилось. Богъ съ нимъ! Переписка наша самая дружеская; несмотря ни на что, я былъ все одинъ и хотѣлъ показать ему прямое, искреннее расположеніе, подписалъ ему статью; но какъ его не извѣщалъ, то и должно посвященіе исключить. О посвященіяхъ я думаю одинаково съ вами...

«О «Слободскихъ Полкахъ» просила меня редакція «Отечественныхъ Записокъ». Препровождаю тетрадь къ вамъ. Такого рода статьи не есть чье-либо сочиненіе, но сборъ изъ записокъ, какъ и сказано. Кажется, статья эта никуда больше и не пойдетъ, какъ къ нимъ. Изъ нея извлеченія были уже въ здѣшнихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Если понадобится имъ, отдайте, а цѣна на ваше произволеніе.

«Полученіе денегъ ни на что болѣе не нужно, какъ на пріобрѣтеніе вещей, подобно какъ въ запискѣ. Слѣдовало тѣ же деньги отправлять обратно за вещами; и для того, лучше, не высылая денегъ (еслибъ когда оставались) удерживать ихъ до будущихъ надобностей.

«Хорошо Гоголю! На немъ почили существенно монаршія милости; онъ и не боится никого: всякій знаетъ о покровительствѣ. Но здѣсь, у насъ, правдою не возьмешь. О прочемъ всемъ лучше молчать, какъ на выходку Полеваго противъ «Праздника Мертвецовъ» показываютъ, разсказываютъ немногіе, но все же шипятъ. А попадись имъ что такое, къ чему могутъ придраться, тутъ имъ наслажденіе!

«Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ и старанія достигать цѣли своей; а любопытно было бы взглянуть на нихъ ближе, слышать сужденія, толки и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, послѣднее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, разсказалъ бы, что̀ на душѣ, наслушался бы васъ, да хоть и назадъ ѣхать. Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду».

IX.

23-го сентября 1839. Основа.

«Г. Полевой, воскуривая мнѣ ониміамы въ журналѣ, наконецъ отнесся чрезъ знакомаго съ тѣмъ же, и въ заключеніе просилъ статей въ «Сынъ Отечества». Я ему отказалъ; ни о статьяхъ, ни «о дѣлаемой мнѣ чести» ни слова; на томъ и кончилось! Однимъ словомъ, вездѣ иду и исполняю по наставленіямъ вашимъ. «Гаинуся» издана здѣшнимъ книгопродавцемъ, безъ моего участія и дальнѣйшаго надзора. Анна Григорьевна не полюбила ее сначала и теперь ворчитъ на меня за выпускъ ея. По-мо̀ему, пусть идетъ въ-рядъ за прочими; есть и плоше ея. Еще одна готова: «Украинскіе Дипломаты». Вычистивъ и пересмотрѣвъ внимательнѣе, доставлю къ вамъ.

«Заключаю мое письмо усугубленіемъ благодарности за исхищеніе меня изъ когтей литературныхъ братій. Что̀ они дѣлали со мной? Теперь вижу ихъ ясно, смѣюсь надъ всѣми ихъ выходками и покоенъ».

X.

27-го сентября 1839 г.

«Сегодня передано мнѣ отъ г. Смирдина приглашеніе участвовать въ «Сынѣ Отечества» и просили сказать объ условіяхъ, на которыя они заранѣе согласны. Я поблагодарилъ и, также на словахъ, сказалъ, что я не занимаюсь ex officio, чему давши слово посвятить себя, и пишу, когда вздумается. Ну ихъ совсѣмъ!»

XIII.

31-го января 1840.

«Мы, то-есть я и Анна Григорьевна, хотимъ попытаться дѣлать «Провинціальныя замѣтки на журналы» и передавать на разсмотрѣніе вамъ; но, за неполученіемъ еще журналовъ, не имѣемъ ничего къ нашему занятію. Хочется, совершенно въ вашемъ духѣ, говорить, безъ язвительности, колкости, а всего менѣе, отверженной благоразуміемъ насмѣшки и браней; хотѣлось бы показать, что и въ провинціи есть люди, могущіе судить своимъ умомъ и неслѣдующіе за мнѣніями крикуновъ, учителей-самозванцевъ.

«Изъ повѣсти «Украинскіе дипломаты» я написалъ комедію и отъ здѣшняго театра получилъ тысячу рублей. Кромѣ-того, пьеса очень нравится и ее давали нѣсколько разъ, по требованію, и еще будутъ давать; почему думаю, что и въ повѣсти она принята будетъ».

XIV.

9-го марта 1840.

«При семъ является «Панъ Халявскій», въ двухъ частяхъ, въ полное распоряженіе ваше, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ. Что̀ вы о немъ скажете и какимъ его найдете — мнѣ очень-интересно. Я же долженъ вамъ объяснить, что (оставляя въ сторонѣ первую часть, которая была напечатана въ двухъ частяхъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ») вся вторая часть писана изъ доходившихъ до меня разсказовъ чудаковъ. Первое влюбленіе и за нами, грѣшными, было! Надгробная рѣчь ходитъ по рукамъ, какъ подлинное сочиненіе одного, здѣсь извѣстнаго философа. Насильное взятіе въ службу «папычѐй» и уходъ ихъ оттуда, хотя бы и безъ чина — это все здѣшнія событія, еще вспоминаемыя стариками. Поѣздка въ Петербургъ, угощеніе, и именно въ Тулѣ, пребываніе въ столицѣ, понятіе о городѣ, театрѣ и всѣ продѣлки, тамъ сдѣланныя — все это съ жаромъ разсказываетъ здѣшній чудакъ, какъ все съ нимъ случившееся. Раздѣлъ съ братьями такъ бываетъ обыкновенно; я самъ разбиралъ библіотеку, гдѣ все третьи и шестые томы были, и владѣлецъ ихъ, какъ неопровергаемый фактъ, представлялъ мнѣ, что иначе нельзя было получить: «Я де былъ третій братъ!» Разломаніе лѣстницъ случилось точно, и все былое. Заключеніе «О папашѣ и мамашѣ» — это отъ избытка досады. О произведеніи всего этого судите по вашему усмотрѣнію.

«Съ «Халявскимъ» посылается и «Панна Со̀тниковна», любимица Анны Григорьевны. Ничего не скажу вамъ о ней; а скажите вы, когда прочтете. За нее было у меня большое преніе съ нашими умѣющими судить. Братъ мой, старшій меня и наблюдающій за честію на-

ціи, читавши, плакалъ и самъ подписалъ, что это истинное происшествіе, какъ оно и есть. Удостойте ее мѣста въ вашемъ «Современникѣ», въ какой книжкѣ заблагоразсудите; если же найдете что́ требующее измѣненія, по несообразности, по неестественности, возвратите и скажите, что́ и ка́къ передѣлать.

«Всю доходную часть отъ литературныхъ занятій моихъ, еще съ начала, я предоставилъ въ полное распоряженіе Анны Григорьевны, и присемъ убѣдительнѣйше прошу сказать со всею откровенностію, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не озабочиваютъ ли васъ наши препорученія и не отнимаютъ ли времени, такъ нужнаго для васъ?»

XV.

18-го мая 1840.

«Вы, я думаю, видѣли въ «Пантеонѣ» мою *комедію* (74)? Она точно написана давно, была у меня брошена, попала, вовсе безъ цѣли, въ Петербургъ и, не спрося моего желанія, помѣщена въ «Пантеонъ». Я недоволенъ ею, а нѣкоторыя, хотя и ничтожныя выходки противъ нѣкоторыхъ, мнѣ не нравятся. Не люблю ихъ затрогивать! Итакъ, если и вы недовольны моею комедіею, то знайте, что она поступила туда противъ воли и безъ вѣдѣнія моего, и я узналъ о ней вмѣстѣ съ выходомъ книжки. Въ чемъ и долженъ оправдаться предъ вами».

---

(74) «Пріѣзжій изъ Столицы».

XVI.

3-го августа 1840 г. Основа.

«Изъ всѣхъ гг. журналистовъ, честнѣе всѣхъ поступила со мною редакція «Пантеона». Извиняясь въ самовольномъ распоряженіи моею комедіею, поспѣшила доставить все, по разсчету, и съ большою заботливостью выслала все, что̀ нужно было для Анны Григорьевны, а всего-то мелочей, *рублей на сто* съ небольшимъ. Это меня заставило поучаствовать въ ихъ изданіи и послать имъ мои комедіи, никуда, кромѣ ихъ, немогущія идти; да сверхъ-того, послалъ имъ кое-какія статьи мелкія.

«Прискорбно мнѣ было читать въ журналахъ, что будто у меня есть чрезъ комедію (75) какое-то соперничество съ Гоголемъ. Вотъ уже никогда не думалъ! и еслибъ это предвидѣлъ, *вѣрно никогда бы не выслалъ къ нимъ своей комедіи*. Тѣ же комедіи, кои послалъ въ «Пантеонъ», совсѣмъ другаго рода: одна изъ «Украинскихъ Дипломатовъ», другая также ни отъ кого не заимствована. Соперничать съ кѣмъ-нибудь никогда не помышлялъ, и еслибъ узналъ, что̀ кѣмъ написанное— въ родѣ подобномъ моему, то скорѣе всего пріостановился бы и бросилъ свое».

---

(75) Любопытно, что нѣкоторымъ казалось, будто Основьяненко въ этомъ случаѣ заимствовалъ у Гоголя планъ «Ревизора».

XVII.

14-го декабря 1840. Основа.

«Пользуясь отсутствіемъ моей Анны Григорьевны, украдкою отъ нея, пишу къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ, и все-таки съ безпокойною для васъ и убѣдительнѣйшею моею просьбою, вынужденный настоятельнымъ требованіемъ вашимъ относиться обо всемъ прямо къ вамъ.

«Анна Григорьевна именинница 3-го февраля... Долго я вывѣдывалъ у нея, что̀ бы ей приготовить по вкусу ея, и наконецъ замѣтилъ, что ей хотѣлось бы имѣть шубу понаряднѣе и пристойнѣе, шубу, какія нынѣ носятъ, съ крышею и воротникомъ, хотя бы въ тысячу рублей, на средній ростъ. Цвѣта крыши не умѣю вамъ выразить; но какой употребительный въ лучшемъ тонѣ.

«Она у меня одна въ мірѣ; ей желалъ бы доставлять все, что̀ бы она ни пожелала, и потому дружбою нашею умоляю васъ не потяготиться моимъ препорученіемъ и не отказать—все прилично, и уложивъ все прочно, отправить чрезъ коммиссію транспортовъ, чтобъ чрезъ почту неотяготительно было огромностью поклажи. Не умѣю вамъ выразить, какое доставите мнѣ удовольствіе, сдѣлавъ ей нечаянность по ея вкусу и желанію, все это предполагаю, въ надеждѣ удачнаго сбыта книжекъ, умоляя васъ не подвергать себя собственно какимъ-либо издержкамъ...

«Оканчиваю повтореніемъ убѣдительнѣйшей просьбы не тяготиться моимъ послѣднимъ симъ препорученіемъ и не прежде исполнить по

немъ, какъ когда способы за уплатою кареты будутъ позволять! Малѣйшее отягощеніе васъ въ этомъ случаѣ и всякая издержка ваша для насъ будетъ очень-прискорбна и Аннѣ Григорьевнѣ, вмѣсто утѣшенія, принесетъ огорченіе...

«Въ случаѣ невозможности нынѣ исполнить, можно отложить и до будущей зимы; главнѣйшее лишь бы вы не были ничѣмъ отягощены отъ насъ, чего мы въ правѣ требовать даже по дружбѣ нашей».

XVIII.

15-го сентября, 1841 года.

«Прилагаю у сего статью о *Гаркушѣ*. Гаркуша именно былъ, существовалъ и съ такою цѣлью дѣйствовалъ. Вся Малороссія и теперь помнитъ его отъ нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ его, слышавшихъ сужденія его и отъ нѣкоторыхъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ; все это слышано и изложено въ точномъ духѣ его; городничиха, со всѣми дѣяніями своими и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Гаркуши, изложена по всей справедливости. По сосѣдству у насъ, она купила имѣніе и хвалилась геройствомъ своимъ противъ *харцыза*. Все объясняю для того, чтобъ не подумалъ кто, что это идеальный характеръ. А что слылъ онъ во всеобщемъ мнѣніи *разбойникомъ*, то это не винитъ его. Кто могъ постигнуть цѣль его? Смотрѣли издали и судили о дѣйствіяхъ его, не входя въ намѣренія, какъ теперешніе *критики* не смотрятъ на цѣль сочиненія, а наблюдаютъ, у мѣста ли поставлены *запятыя, ѣ, ы*, изящество бумаги и прочіе важные предметы...

«Какова латынь въ статьѣ? Но и это все, то-есть, страсть Гаркуши украшать рѣчь свою латынью, и это все истинно: молодой чело-

вѣкъ, въ концѣ, много и хорошо мыслилъ; но правильно ли я изложилъ свои мысли? Много бы обязали, еслибъ все, сказанное имъ, привели бы перомъ своимъ въ стройность и дали бы силу рѣчамъ его, которыя бы дѣйствительно могли просвѣтить заблудившійся умъ самонадѣяннаго Гаркуши. Согласитесь, что въ сужденіи молодаго человѣка — вся сентенція, и потому нужно бы, чтобъ она была во всѣхъ частяхъ обдѣлана.»

XIX.

Письмо къ Жуковскому отъ 3-го декабря 1841 года.

«Удостоенный лестнаго вниманія вашего превосходительства, въ проѣздъ вашъ черезъ Харьковъ, и принявъ совѣтъ вашъ писать сцены изъ губернскаго быта и дворянскихъ выборовъ, я свелъ все въ одной повѣсти и поставилъ лицо, страдающее отъ различныхъ угнетеній, не безъ разсудка вовсе, но по корыстолюбивымъ видамъ гонимаго до того, что его лишили даже воспитанія, на которое онъ, по роду и состоянію своему, имѣлъ полное право. За отнятіемъ сего блага, онъ страдалъ отъ того вездѣ и отъ всѣхъ цѣлую жизнь свою. Притомъ же, я полагалъ, что если онъ будетъ умнѣе, то не съ той уже точки будетъ смотрѣть на вещи и на все, встрѣчающееся ему, и перескажетъ уже не такъ, какъ прилично съ понятіями, одному ему свойственными.»

Письма другихъ литераторовъ къ Основьяненкѣ

I.

Письмо Михаила Николаевича Загоскина, отъ 1836 г. ноября 10-го (Москва).

«Я прочелъ съ удовольствіемъ комедію *Пріѣзжій изъ столицы*, которую вамъ угодно было, при вашемъ письмѣ, доставить ко мнѣ; въ ней есть сцены истинно-комическія, и еслибъ я получилъ ее прежде, чѣмъ *Ревизоръ* былъ данъ на здѣшней сценѣ, то она была бы непремѣнно принята; но, такъ какъ главная идея этой пьесы совершенно одна и та же, какъ и въ *Ревизорѣ* г. Гоголя, то я почти увѣренъ впередъ, что эта пьеса не можетъ имѣть успѣха. Публика всегда чрезвычайно строга къ *подражаніямъ*, а увѣрить ее едва ли будетъ можно, что эта комедія написана прежде комедіи *г. Гоголя;* впрочемъ, еслибъ это было и возможно, то и въ этомъ случаѣ ей покажется скучнымъ смотрѣть пьесу, которая во многомъ имѣетъ большое сходство съ пьесою, столько уже разъ игранною на петербургской и московской сценѣ.

«Пріймите, милостивый государь, искреннее увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи къ автору комедіи «Дворянскіе выборы», которая, вѣроятно, имѣла бы величайшій успѣхъ, еслибъ могла быть дана на здѣшней сценѣ».

II.

Письмо Владиміра Ивановича Даля-Луганскаго, отъ 1840 года. (Число не означено).

«Золото, чистое, ненаглядное золото получилъ я отъ васъ въ подарокъ. Сколько у меня ни есть знакомыхъ, добрыхъ людей, въ вашихъ и другихъ мѣстахъ, сколько я ни старался вызвонить отъ нихъ что-нибудь, никогда и ни отъ кого не получалъ подобнаго подарка, никто не понялъ нужды моей такъ, какъ вы. Удивляюсь одному только: какъ можно выпускать изъ рукъ такіе дорогіе запасы! Я говорю отъ души, никому бы не далъ этого, ниже первому и лучшему пріятелю своему, а скупился бы этимъ, какъ кладомъ неоцѣненнымъ и берегъ бы собственно для себя. Этого и за деньги достать нельзя, а у меня бы задаромъ никто не выпросилъ. Просить о продолженіи не смѣю; а надѣяться могу, ибо вы сами говорите: «вотъ вамъ, на первый случай»; слѣдовательно будетъ, или по-крайней-мѣрѣ, могло бы быть другое? ([76]).

«Если я не успѣю приступить въ самомъ скоромъ времени къ отдѣлкѣ вашего жемчуга, то можете во всякомъ случаѣ быть увѣрены, что я не пророню ни одного словечка изъ тетрадки вашей, а все нойдетъ современемъ въ строку. Занятія этого рода меня утѣшаютъ и забавляютъ, радуютъ и питаютъ. Тотъ, кто нынѣ занимается изящною словесностью нашего народа, того помянутъ — коли не современники, такъ потомки. Пусть это будетъ мечта, сказка; да и не за былями же намъ гоняться...

([76]) Любопытно бы видѣть въ печати всю посылку, которую получилъ почтеннѣйшій В. И. Даль отъ Основьяненка, его *Сказки*. Въ I томѣ «Повѣстей, сказокъ и разсказовъ Казака Луганскаго» изд. 1846 г., на 432—474 стр., напечатана только сказка «Вѣдьма» съ примѣчаніемъ на 454 стр.: «Сказку эту прислалъ мнѣ тоже казакъ, Грицько-Основьяненко, коли знавали его».

«Сдѣлайте одолженіе, благодарите сердечно почтеннаго издателя *Пословицъ* за присылку книжки своей; благодарите его вдвое за благую мысль—приступить къ этому собранію, и подстрекайте, «не шиломъ, такъ мыломъ» продолжать, собирать и издавать все то, что̀ ходитъ въ свиткѣ да въ кожухѣ. Отчего у насъ *нѣтъ* доселѣ достойной изящной словесности; развѣ мы не тѣ же люди что Нѣмцы, да Голландцы? Или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печетъ? Совсѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ позаморски, русскими словами, и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ, и не могутъ понимать, такъ точно, какъ кяхтинскіе китайцы говорятъ по-англійски такимъ говоромъ, котораго никто на свѣтѣ не могъ бы признать за англійскій языкъ; и англичане понимаютъ ихъ только по навыку, по привычкѣ. Кто изъ русскихъ обжился съ словесностью нашею, тотъ читаетъ, кой-что понимаетъ; кто примется читать, надѣясь только на здравый умъ и на русскій языкъ, на коренной, простой русскій языкъ, тотъ будетъ стоять и слушать, какъ англичанинъ китайца. И лучшія произведенія знаменитѣйшихъ нашихъ писателей хворяютъ этою болѣзнію; все, что они пишутъ, нерусское по духу, нерусское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него какъ на прекрасный *переводъ* съ иностраннаго; а скажите, что это родное и вамъ природный русскій скажетъ: неправда. Но я залепортовался, и отмололъ съ плеча три страницы, писать на четвертую: «милостивый государь, вашъ—и проч.», да и печатать. Но я еще вспомнилъ: полно, разобрали ль вы моего «Пѣтушка»? Я такъ могу похвалиться, что у меня рѣдко кто, какъ полѣзетъ рыться въ бумагахъ, разберетъ то, что не для него написано; разобрались и хохлацкія вставочки?

«И у меня бѣда похожа на вашу. Я, что ни посылаю въ Питеръ, все, какъ чорту на голову: не добиться ни складу, ни ладу, ни толку, ни отвѣту. Трудно печатать, коли не жить въ типографіи... Еще разъ благодарю за «Климку — Злодѣя», за «Краденный Зубъ» и за «Вѣдьму», съ коими имѣю честь пребывать и проч.»

Письма Е. П. Гребенки къ Основьяненкѣ.

III.

На малороссійскомъ языкѣ, отъ 14-го сентября 1838 года. С.-Петербургъ.

«Давно, дуже давно я васъ знаю, добродію; не одынъ разъ я одводывъ душу, балакаючи зъ вами, не разъ плакавъ видъ щираго серця, слухаючи вашихъ казокъ, або реготавсь, якъ той козакъ, до не змогу— отъ що! А вы ёго й не знаете! Ще недавно отце я вамъ казавъ, та й не я одинъ, а вси наши — превелике спасибо за *Козырь-дивку*; зъ биса десь була гарна дивчина! Я читавъ ваше такежъ рукописне, у цензури; прочитавъ, та ажъ облизавсь! Тай подумавъ: Господы мій милостивый! якъ то народъ пише гарно по нашому, и чомъ отъ у тіи журналы нычого такого не беруть? А дали згадавъ, що и у мене є зо дви, чи зо три приказокъ, та є знаемый чоловикъ Котляревскій, та ще може зо два такихъ, що пишуть христіяньскою мовою, тай кажу соби: а нехай я поклонюсь добрымъ людямъ, та сберу невелычкій «Сбирныычокъ», нехай соби ходыть по билому свитови, хай потиша православныхъ! Эге, такъ? Такъ я до васъ зъ прошеніемъ: будьте ласкави, пане Грінцьку, пришлите якій небудь казень — люблящому и почитающому васъ землякови *Е Гребинци*. — P. S. Не можете ли достать чего малороссійскаго у Гулака-Артемовскаго?»

IV.

Помалороссійски и порусски, отъ 12-го октября 1838 г.

«А мабуть то мало и я зрадовавсь, якъ получивъ видъ васъ одвитъ, мій коханый паночку! Бо бачите, я хоть и мавъ васъ за доброго чоловика, та все-таки не знавъ вашои натуры, думавъ и такъ и сякъ, и тее и сее. Жду и не диждусь «Оксаны»! И отбою нема одъ нашихъ хлопцивъ: а ихъ таки тутъ è зъ московскій десятокъ! Якъ я имъ сказавъ, то тилько й ричи: «а що, пріихала?» Я й гримну на нихъ: «Та кажу, що ни! адвьяжитця видъ мене!» то воны й пидуть сердешни, носы повисивши, мовъ тіи лелеки, далеби що правда!—На ваше предложеніе объ изданіи «Литературныхъ Прибавленій» на малороссійскомъ языкѣ я говорилъ съ журналистами, и согласилъ Кр.*** издать четыре «Прибавленія» въ годъ при новомъ журналѣ, съ 1839 г., «Отечественныя Записки». Всѣ литераторы, которые имѣютъ въ себѣ довольно гордости и не могутъ подчиниться деспотизму Сен—***го, будутъ въ немъ участвовать: всѣ порядочные люди. Редакція поручила мнѣ пригласить васъ участвовать и на русскомъ языкѣ!—До зобаченья же, мій коханый пане; нехай видъ васъ одмахуютъ крыльцями Божи янголы усяку напасть; нехай ваша доля насыпа ваши коморы борошномъ и кишени золотомъ; нехай наша жинка и диточки (77) цвитуть, якъ макивочки: сёго щиро бажа васъ дуже кохающій *Е. Гребинка.* (Приписка на боку листа): Не здивуйтесь, що погано попысано! Така моя вдача: не вивчилы добри люде краще писати.»

---

(77) Основьяненка былъ бездѣтенъ...

V.

Отъ 18-го ноября 1838 года, помалороссійски и по русски.

«Добре, добре, паночку! Хибажъ я коли видъ дила цурàвсь? Я й самъ свыту знявъ бы, та робывъ бы, абы було що! Изданіе «Прибавленій» должно быть подъ моимъ смотрѣніемъ, бо я трохи тямлю чоловичеську мову... Мы мусимо зробыть чотыри книжки: першу у марти, другу у конци мая, або у іюни, третю къ Семену, або къ Воздвиженью, а четверти у Пилипивку, геть туды къ Риздву, писля Савы, або Зачатія. А ще тутъ е у мене одинъ землякъ Ш***о, що то за завзятый писать вирши, то нехай ёму сей та той! Якъ що напише, тильки цмокни, та вдарь руками объ полы! Винъ мини давъ гарныхъ стихивъ на Сбирникъ. А отти бандуристы, що вы прислали мини, щось не тее! Ноты, коли хочете прислать, то краще зъ басомъ, бо басъ у музыци, якъ чоловикъ у семьи, не дуже то выспивуе, але дае усёму порядокъ, винъ голова... Уже, якъ хочете, а я вамъ признаюсь, паночку, що люблю вашу жинку, зроду не бачивъ, а чуючи, що вона дуже стало-быть мудрая. Краевскій чрезвычайно радъ видѣть вашего Халявскаго... Въ 1 № будетъ Марлинскаго: «Записки зачумленнаго офицера» — объяденіе! Изъ письма вашего вижу, что вы знаете Аѳанасьева; гдѣ онъ пропадастъ? дайте ему мой адресъ и попросите написать ко мнѣ. Бувайте здоровы, зъ жиночкою!»

IX.

ПЕРЕЧЕНЬ СОЧИНЕНІЙ ОСНОВЬЯНЕНКА

(Съ 1816 по 1849 годъ).

Сочиненія, по малороссійски и по русски, печатанныя при жизни. — Сочиненія, изданныя съ 1843 года, по смерти. — Неизданныя сочиненія.

Въ заключеніе статьи нашей о Квиткѣ, и въ облегченіе будущаго издателя *Полнаго собранія его сочиненій*, приводимъ хронологическій списокъ этихъ сочиненій, составленный нами съ большимъ трудомъ, потому-что почти никто изъ русскихъ авторовъ такъ не разбрасывалъ своихъ произведеній, какъ Квитка. Исчисляемъ ихъ по годамъ.

Если сочиненіе подписано прямо именемъ Квитки или псевдонимомъ Основьяненка, принадлежность его нашему автору не нуждается въ объясненіяхъ; когда же оно подписано другими, не столь извѣстными псевдонимами, или осталось безъ подписи, указываемъ эти псевдонимы или соображенія, на которыхъ приписываемъ статью Г. Ѳ. Квиткѣ, если эти основанія не приведены ужь въ нашей статьѣ.

1816 годъ ([78]). 1) *Статьи объ Институтѣ и Благотворительномъ Обществѣ въ Харьковѣ.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ, мѣсяцы январь, апрѣль и май, на стр. 94 — 101, 238 — 247, 358 — 371, 108 — 115 и 291. 2) *Письма Ѳалалея Повинухина.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ, на стр. 130 — 255 и 263, первыхъ мѣсяцевъ. Надписи: «февраля 8-го, 1816 года. *Село... очень-извѣстно, и потому не скажу*» въ другомъ: *Съ будущей кружев-*

([78]) Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., ч XXIII, № 30, стр. 145 помѣщена безъ подписи статья: *Харьковское Общество благотворенія.* По мнѣнію г. Тихонравова, указавшаго намъ эту статью, она принадлежитъ также Квиткѣ. Если кто-нибудь другой изъ тогдашнихъ харьковцевъ не былъ корреспондентомъ «Сынъ Отечества» такъ Основьяненко началъ печатать съ 1815 года.

ной фабрики, въ третьемъ: *Фабрика еще не поспѣла.* Безъ подписи. 3) *Стихотворенія.* Въ «Харьковскомъ Демокритѣ» за 1816 годъ. Въ январѣ, на стр. 50 — 61, напечатано стихотвореніе: *Воззваніе къ женщинамъ*, на стр. 112 — 114-й стихотвореніе: *Не хочу;* въ мартѣ, стихотвореніе: *Миѣ*, а далѣе, на стр. 118-й: *Двойные акростихи;* на имена «Марія», «Лиза», «Паша», «Софья» и «Надя».

1817 годъ. 4) Письмо: *Къ нынѣшнимъ издателямъ Украинскаго Вѣстника.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, № 1, часть V, стр. 128—130. 5) Еще *письмо* къ *издателямъ, Ѳалалея Повинухина.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, часть VIII, стр. 121. Въ заглавіи стоитъ, очевидно вымышленная, замѣтка: *Эпифанскій уѣздъ.*

1818 годъ. 6) *Харьковскія записки. Письма къ издателямъ.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1818 годъ, часть XI, стр. 105 — 107, и въ XII части, стр. 105 — 109.

1820 годъ. 7) *Письма къ Лужницкому Старцу.* Въ «Вѣстникѣ Европы» издаваемомъ Каченовскимъ. Москва. 1820 года за мартъ, № 5, стр. 5 — 11, май, № 10, стр. 150 — 155 и іюнь, № 11, стр. 223—229. Подписи: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ. Марта 1-го дня, 1820 года. Сыромятники;* въ другомъ: *1—19*; въ третьемъ: *А. Шестериковъ. Городъ Т.*

1821 годъ. 8) *Письма къ Лужницкому Старцу.* Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1821 годъ, № 5, стр. 66 — 70, 112 — 119, съ подписью: *Юноша Бѣлаго города;* также, за ноябрь, № 21 съ подписью: *N. N.*

1822 годъ. 9) *Письма къ Лужницкому Старцу.* Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, № 4 февраль, стр. 301 — 314, съ подписью: *Ѳалалей Повинухинъ;* № 7 апрѣль, стр. 232 — 235, съ подписью: *Ѳалалей Повинухинъ. Апрѣль, 7-го дня, 1822 г. Ѳалалеевка;* № 9 и 10 май, стр. 141 — 145, съ подписью: *Ѳалалей Повинухинъ;* № 11 и 12. стр. 302 — 310, съ подписью: *N. N.* 10) *Малороссійскіе анекдоты.* Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, ноябрь, стр. 61—68, числомъ пять, и въ томъ же нумерѣ еще два, на стр. 157 — 162 Всѣ

анекдоты: *безъ подписи* (разсказаны смѣсью русскаго языка съ малороссійскимъ).

1829 годъ. 11) *Дворянскіе выборы*—комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ. Москва, 1829 года. in 16°. Безъ имени автора.

1830 годъ. 12) *Дворянскіе выборы. Часть вторая или: Выборъ исправника, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Москва* (вышла отдѣльною книгою, въ другомъ, нежели первая часть, форматѣ in 8°) ([79]).

1831 годъ. 13) *Исторія моего авторства.* Въ «Украинскомъ альманахѣ» 1831 года. Харьковъ. Стр. 28 — 52 подпись: *Украинскій пустынникъ.* 14) *Шельменко, волостной писарь.* Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; Москва; in 8°. Безъ имени автора (смѣсь малороссійскаго съ русскимъ языкомъ).

1832 годъ. 15) *Харьковская Ганнуся.* Повѣсть, въ русскомъ переводѣ, г. Погодина, въ «Телескопѣ», за 1832 годъ, часть VII, стр. 192—363 и 482 (*имени автора неупомянуто*, ни въ примѣчаніи редактора, ни самимъ переводчикомъ). *Въ малороссійскомъ подлинникѣ,* значительно пополненная, эта повѣсть издана отдѣльно, подъ названіемъ: *Ганнуся. Разсказъ Грицька — Основьяненка.* Харьковъ. 1839 года; въ 16°. Надпись: *Любови Яковлевнѣ Кашинцовой посвящаетъ Основьяненко.*

1833 годъ. 16) *Суплика до пана издателя.* Съ подписью: «Лыпця, у пьятее число, 1833 року». *Грицько Основьяненко.* Въ Альманахѣ: «Утренняя Звѣзда» собраніе статей въ стихахъ и въ прозѣ. Харьковъ. 1833 г., 3 — 7 стр. 17) *Украинское утро.* Отрывокъ. Тамъ же, и съ полною подписью (на стр. 9 — 43). Въ этомъ же альманахѣ впервые напечатана извѣстная повѣть Основьяненка: 18) *Солдатскій патретъ.* Побрехѐнька. Стр. 44 — 48.

([79]) Въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1846 г. № 9, въ статьѣ *И. И. Срезневскаго: Очерки книгопечатанія въ Болгаріи* на стр. 23-й говорится: «Вотъ наконецъ и еще одна книга: *Дворянскіе выборы,* Комедія-водевиль въ едно-дѣйствіе Переведена отъ русскій атъ языкъ. Кишиново. 1843 (63 и V стр. in 8)». Имени автора не означено, и мы не знаемъ, принадлежитъ ли эта пьеса Квиткѣ.

1834 годъ. 19) *Малороссійскія повѣсти*, разсказываемыя Грицькомъ Основьяненкомъ. Москва. 1834 и 1837 года. *Двѣ части*, въ 16-ю долю листа *(на малороссійскомъ языкѣ). Второе изданіе* въ Харьковѣ, 1841 года, съ пятью картинками, гравированными на стали. Содержаніе: 1-я часть, 1) *Солдатскій портретъ* (стр. 6 — 60) на заглавномъ листѣ прибавлено: «Латїньска побрехéнька, по нашему разсказана»; 2) *Маруся* (стр. 63—313); 3) *Мертвецкій великъ день* (стр. 317—380); II-я часть (изданная уже въ 1837 году, хотя процензированная въ 1834 г.); 4) *Дѣлай добро, добро и тебѣ будетъ*, стр. 5 — 106; 5) *Конотопская вѣдьма*, стр. 110 — 347 и 6) *Вотъ-тебѣ и кладъ!* стр. 351—441. Всѣ эти повѣсти переведены на русскій языкъ. *Солдатскій портретъ* въ переводѣ Даля, напечатанъ въ «Современникѣ» 1837 года, 7-й томъ, стр. 108 — 138, и въ этомъ же переводѣ перепечатанъ въ альманахѣ г. Кукольника «Сказка за сказкой» 1842 года, т. 3, стр. 1—32, съ припиской: «Съ малоросійскаго разсказана». Въ малороссійскомъ же подлинникѣ впервые напечатана эта повѣсть въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» 1833 года. *Маруся* въ переводѣ *В. И. С.*, напечатана въ «Современникѣ» (1838 года, XI часть). *Мертвецкій великъ-день* въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIII часть). *Дѣлай добро, и тебѣ добро будетъ*, порусски напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIV часть). *Конотопская вѣдьма* порусски напечатана, въ «Современникѣ» 1839 года (XV часть). *Вотъ тебѣ и кладъ!* порусски напечатана въ «Литературной Газетѣ» 1839 года.

1836 годъ. 20) *Сватанье на Гончаровкѣ.* Малороссійская опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, на *малороссійскомъ языкѣ.* Съ надписью: *Сочиненіе Основьяненка.* Харьковъ. 156 стр. въ 8-ю долю, 1836 года. Второе изданіе, также въ Харьковѣ, въ 1840 году. 21) *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Іосафа Горленко, епископа Бѣлоградскаго. Кіевъ.* 61 стр. in 8° 1836 года, *безъ имени автора. Примѣчаніе.* У Н. Ю. Квитки мы видѣли подлинникъ этой статьи, писанный рукою Основьяненка, съ помарками. При жизни его рѣдко кто зналъ объ этой брошюркѣ. Въ подлинникѣ о ней прибавлено: «Взято изъ собственноручныхъ записокъ Іосафа Горленка и другихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, съ приложеніемъ извѣщенія о жизни святаго Іоана-

ся, патріарха Константинопольскаго, коего мощи почиваютъ въ Лубенскомъ Мгарскомъ Монастырѣ». Рукопись въ большомъ форматѣ, на синей бумагѣ, въ 24 листа. При словѣ о «Лубенскомъ Монастырѣ», авторъ сдѣлалъ оговорку: «Сколько было мнѣ возможно узнать *въ бытность мою въ ономъ монастырѣ*».

1838 годъ. 22) *Козырь дївка.* Повѣсть *(помалороссійски)* Санктпетербургъ. 1838 года, въ 16-ю долю. Порусски напечатана въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII. 23) *Краткое историческое свѣдѣніе о Харьковской Губерніи. Основаніе Слободскихъ полковъ.* Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1838 г., № 1. 24) *О Харьковѣ и уѣздныхъ городахъ Харьковской Губерніи.* Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1838 годъ, № 3 (стр. 29 — 33); № 4 (35 — 39); № 5 (43 — 49); № 6 (стр. 51 — 55); № 7 (стр. 65—69); № 8 (стр. 73—75); № 11 (стр. 101—104); № 13 (стр. 113—119;) № 18 (стр. 166—169), № 20 (стр. 183—187); № 22 (стр. 199—201); № 23 (стр. 207 — 209); № 24 (стр. 215 — 219); № 25 (стр. 225—227); № 26 (стр. 233 — 235).

1839 годъ. 25) *Листы до любезныхъ землякивъ* («Введеніе» и «четыре листа»). Харьковъ. 1839 года, въ 8-ю долю листа. *Помалороссійски.* 26) *Вотъ любовь.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1839 года, № XVI. Въ «Современникѣ» же 1840 года, № XVII (стр. 104—111, 3-й нумераціи) напечатанъ, въ новой передѣлкѣ, *конецъ этой повѣсти*, какъ замѣчаетъ редакторъ: «Въ избѣжаніе повторенія конца прежней повѣсти *Маруся*, схожей съ судьбою героини: *Вотъ любовь*, поэтической Галочки. Въ ссылкѣ, этотъ передѣланный конецъ относится авторомъ къ 105-й страницѣ, подлѣ 7-й строки, въ текстѣ повѣсти, напечатанной въ № XVI «Современника» за 1839 годъ. 27) *Торговля шерстью.* Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1839 года № 51 стр. 328 — 330. Подпись (буквы наоборотъ) *К. Г.* 28) *Головатый* (матеріалъ для исторіи Малороссіи). Историческая монографія. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года, въ 6-мъ томѣ. 29) *Панъ Халявскій.* Романъ, въ двухъ частяхъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года, въ 4-мъ томѣ, первая часть: стр. 5 — 73, вторая часть:

стр. 144 — 206. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатанъ только *первый томъ* (часть 1-я и 2-я) романа, дѣтство и юность героя. Оба тома вышли отдѣльною книгою въ Петербургѣ, въ 1840 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Сочиненія Основьяненка; Панъ Халявскій.* Санктпетербургъ. 1840. При книгѣ два рисунка, на камнѣ: «Проводы дѣтей въ городъ» и «Обученіе пѣнію у дьячка, посредствомъ дранья за уши.» 30) *Скупецъ.* Эпизодъ изъ книги: *Жизнь и похожденіе Петра Степановича Пустолобова, помѣщика въ трехъ помѣстничествахъ.* Въ «Новогодникѣ» — собраніи сочиненій въ стихахъ и прозѣ современныхъ русскихъ писателей, изд. Н. Кукольника, 1839 года; стр. 22—42.

1840 годъ. 31) *О слободскихъ полкахъ.* Историческое изысканіе. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII, съ подписью: *Г. Ѳ. К.* 32) *О новой книгѣ* (листы до любезныхъ земляковъ). Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1840 года № 1. 33) *Украинскіе дипломаты.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVIII. 34) *Шельменко-деньщикъ.* Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Харьковъ въ 16-ю д. л. (Смѣсь русскаго съ малороссійскимъ языкомъ). Комедія эта передѣлана изъ повѣсти: *Украинскіе дипломаты.* 35) *Панна Сотниковна.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XIX, стр. 1 — 67, 2-й нумераціи. 36) *Ложныя понятія.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года № XIX, стр. 68 — 163, 2-й нумераціи. Обѣ повѣсти: *Панна Сотниковна* и *Ложныя понятія*, развиваютъ рѣшительно одинъ и тотъ же сюжетъ, только въ двухъ различныхъ развязкахъ, и напечатаны въ одномъ нумерѣ журнала. 37) *Званые гости.* Полемическій фельетонъ о журналахъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, подпись: *Т. А—въ. Марта 27-го дня. 1840 года. Хуторъ песчаный.* Общимъ оглавленіемъ «Современника» (до послѣдней его редакціи), эта статья и псевдонимъ приписаны Основьяненку. 38) *Городъ Харьковъ.* Описательный разсказъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, безъ подписи. По словамъ П. А. Плетнева, этотъ разсказъ принадлежитъ Основьяненку. 39) *Ярмарка.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX. 40) *Перекатиполе.* Разсказъ. Въ «Маякѣ» 1840 года. Перепечатанъ въ альманахѣ «Молодикъ» 1843 года, II части, 41) *О правописаніи малороссійскаго языка.* Статья: Г. Основьяненка. Въ «Маякѣ»

за 1840 годъ; часть 4, стр. 4 — 6, въ смѣси. 42) *Божія дѣти.* Повѣсть. Въ альманахѣ «Утренняя Заря» за 1840 годъ. 43) *Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ.* Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Гринка Основьяненка. Въ «Пантеонѣ», за 1840 годъ, № 3, на заглавной страницѣ надпись: *писано въ 1827 году.*

1841 годъ. 44) *Жизнь и похожденія Петра Степановича сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVII вѣка.* Три части.—Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 114 — 166, помѣщены отрывки изъ этого романа; именно: главы X, XI, XXI, XXII и XXIII. Писанъ ранѣе «Халявскаго», какъ видно изъ корреспонденціи автора. 45) *Мемуары Евстафія Мякушкина.* Полемическій фельетонъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 1—34, въ отдѣлѣ критики. 46) *Фенюшка.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII. 47) *Герой очаковскихъ временъ.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXIII. 48) *Украинцы.* Очеркъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII, стр. 75 — 85, *безъ подписи.* По словамъ П. А. Плетнева, этотъ очеркъ принадлежитъ Основьяненку. 49) *Добрый панъ.* Разсказъ. Въ альманахѣ «Кіевлянинъ» за 1841 годъ (книга вторая). *Примѣчаніе.* Въ этой книгѣ, между-прочимъ, напечатана статья издателя М. М. «О правописаніи малороссійскаго языка». *Письмо къ Основьяненку* (стр. 153 — 180). 50) *Пархимово снйданьня.* Очеркъ. Въ альманахѣ Гребенки, «Ластовка» 1841 года, стр. 251 — 278 (помалороссійски). 51) *Па пущаньня якъ завьязано.* Въ альманахѣ «Ластовка» за 1841 годъ (помалороссійски). 52) *Сердешна Оксана* (80). Повѣсть, помалороссійски. Въ «Ластовкѣ» 1841 года. Переведена, порусски, въ «Москвитянинѣ» 1842 года. 53) *Маргарита Прокофьевна.* Повѣсть. Въ «Москвитянинѣ» 1841 года часть V. 54) *Знакомые незнакомцы* Разсказъ. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 1 и 3,

---

(80) Переведена въ Парижѣ, въ 1854 году, подъ названіемъ: «Oksana ou l'orgueil villageois et ses Ravages, ou l'histoire grave et veridique de 35 kopecks, ancienne chronique de l'Ukraine—par Kwitka, traduit par M. Charlotte Moreau de la Meltière, 1854, Paris», in 12°.

за 2-е и 7-е января. 55) *Ботфортъ*. Разсказъ штаб-лекаря, Пахома Пампушкина. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 53 и 54. 56) *Театръ въ Харьковѣ*. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1841 года, № 32 (стр. 287 — 295), № 33 (стр. 300 — 303) и № 34 (стр. 310 — 314). 57) *Исторія театра въ Харьковѣ*. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 114 и 115 (перепечатка предъидущей статьи). 58) *Знахарь*. Разсказъ. Въ альманахѣ: «Наши списанные съ натуры русскими». Изданіе Я. А. Исакова. Санктпетербургъ 1841 года, стр. 124 — 154. Съ тринадцатью политипажами. 59) *Разсказъ*. Небольшой анекдотъ, въ альманахѣ: «Русская бесѣда». Часть 2-я Санктпетербургъ, 1841 года.

1842 года. 60) *Друзья*. Разсказъ. Въ «Литературной Газетѣ» 1842 года, № 4. 61) *Вояжеры*. Фантазія. Въ «Литературной Газетѣ» 1842 года, №№ 26 — 27 и 28. 62) *Быль*. Разсказъ, на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Маякѣ» 1842 года, томъ III, книга V, въ Смѣси, въ два столбца, одинъ на малороссійскомъ языкѣ, а другой въ русскомъ переводѣ. 63) *Преданія о Гаркушѣ*. Историческій очеркъ, въ сценахъ. Въ «Современникѣ» 1842 года.

1843 года. 64) *Двѣнадцатый годъ въ провинціи*. Повѣсть. Въ «Отечественныхъ Запискахъ« 1843 года; томъ XXVII. 65) *Основаніе Харькова. Старинное преданіе*. Въ «Молодикѣ», альманахѣ И. Бецкаго, на 1843 годъ; часть 1-я. При этомъ выпускѣ «Молодика» приложенъ *портретъ Основьяненка*, работы С. М. Башилова, единственный, какой былъ до изданнаго нами. 66) *Умныя дѣти*. Разсказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года, за мартъ. 67) *О святой мученицѣ Александрѣ царицѣ*. Разсказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года.

— —

Чрезъ мѣсяцъ, по напечатаніи этого разсказа, Основьяненко скончался. Нѣкоторые труды его изданы по смерти, а нѣкоторые остаются донынѣ въ рукописи. Исчислимъ ихъ, на сколько позволяютъ намъ собранныя свѣдѣнія.

Въ томъ же году: 68) *Индбрѣхачь*. Анекдотъ помалороссійски. Въ «Молодикѣ» на 1843 годъ, часть II стр 104 — 108 Подпись:

Основьяненко. 69) *Народныя воспоминанія, когда и для чего поставлены пушки близь дома Дворянскаго Собранія въ Харьковѣ.* Въ «Литературной Газетѣ» 1843 года; № 36, стр. 656 — 658, подпись: *Г. О. Квитка — Г. Основьяненко.* 70) *Отвѣтъ г-ну Тихорскому* на его статью въ сентябрьской книжкѣ «Маяка», за 1842 г., въ критикѣ на сборникъ г. Корсуна «Сиінъ»; Въ «Маякѣ» за 1853 г.; томъ X, стр. 34 — 37. По случаю этому, на 37 стр. тамъ же помѣщена, статья Н. Тихорскаго: *До пана Основьяненка.*

1844 годъ. 71) *Татарскіе набѣги, выдержки изъ памяти.* (Любопытныя записки старожила о Харьковской старинѣ). Въ «Сказкѣ за сказкой» альманахѣ Н. В. Кукольника. Томъ IV. 1844 года. Стр. 67—162.

1845 годъ. 72) *Вояжёры.* Комедія въ пяти дѣйствіяхъ: *Г. Основьяненко.* Въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1845 годъ, въ 75-мъ томѣ; стр. 9 — 104.

1846 годъ. 73) *Безсрочный.* Въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 г. январь. Въ III Отдѣлѣ *(Правоописатель):* Грицька Основьяненка.

1848 годъ. 74) *Мертвецъ-шалунъ*, шутка въ двухъ дѣйствіяхъ; въ № 12 стр. 1 — 34. «Репертуара» 1848 г., подпись: *Грицько Основьяненко.* 75) *Щира любовь, або милый дорогши счастя* Драма, помалороссійски. Въ альманахѣ г. Амвросія Метлинскаго «Южнорусскій сборникъ» за 1848 годъ; стр. 1 — 88, 5-й нумераціи. Надпись: *Грицька Основьяненка. Григорія Квитки. Выложена изъ бувальщины.* Эта драма взята изъ повѣсти того же содержанія, напечатанной въ «Современникѣ» 1840 года, подъ именемъ: *Вотъ любовь!*—А. Н. Островскій перевелъ драму *Щира любовь* для русской сцены, и она дана, три года назадъ, въ Москвѣ, въ одинъ изъ бенефисовъ; но, несмотря на имя двухъ авторовъ, не имѣла успѣха, за отсутствіемъ актёровъ, которые бы знали языкъ Малороссіи.

1849 годъ. 76) *Г. Ѳ. Квитка о своихъ сочиненіяхъ.* Статья въ «Москвитянинѣ» за 1849 годъ, № 20, книга 11-я, стр. 327 — 334. Въ примѣчаніи сказано: *изъ оставшихся бумагъ; доставлена Н. Ю. Бецкимъ.*

Въ письмахъ къ издателю «Пантеона» Ѳ. А. Кони, и въ другихъ, Основьяненко упоминаетъ еще о комедіи: *Ясновидящая*, которая была послана въ Петербургъ, но не была напечатана. Основьяненко упоминаетъ въ тѣхъ же письмахъ еще о разныхъ неизданныхъ его вещахъ; о комедіи: *Турецкая шаль*, о статьѣ: *Волчанскъ*, объ оперѣ: *Купало на Ивана* и др.—К. М. Сементовскій называетъ также неизданное сочиненіе Основьяненка: *Краткая священная исторія, на малороссійскомъ языкѣ, для простолюдиновъ*. Въ 1847 году, поставлена на сцену комедія Основьяненка: *Бойжи́нка*. Эта пьеса также не напечатана. Въ рукописяхъ покойнаго, которыя переданы намъ, находится нѣсколько упомянутыхъ уже нами неизданныхъ стихотвореній его и *Маршъ*, съ музыкою для фортепьяно, его сочиненія. Другія посмертныя рукописи нашего автора, переданныя женою покойнаго другому лицу, бывшему однимъ изъ близкихъ къ Основьяненку, заключаютъ еще нѣсколько стихотвореній, неперебѣленный списокъ повѣстей: *Очки* и *Губернскія сцены*, и планъ *Комедіи* на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Молодикѣ» (въ статьѣ объ украинской литературѣ), упоминается еще о разсказѣ Основьяненка: *Готоропгъ*. В. И. Даль упоминаетъ въ письмѣ къ намъ его сказки, присланныя ему въ рукописи и неизданныя: *Климка-злодѣй, Украденый зубъ* и *Вѣдьма*. Послѣдняя сказка издана въ переводѣ Даля-Луганскаго, какъ мы видѣли выше, въ видѣ повѣсти, въ собраніи его «Повѣстей и разсказовъ», вышедшемъ въ 1846 году, въ I т. на стр. 352 — 474, съ выноскою, что доставлена въ подлинникѣ Квиткою. П. А. Корсаковъ упоминаетъ еще о статьяхъ: *Волчанскъ* и *Бесѣды о спасеніи души;* также объ оперѣ: *Купало на Ивана*.

Наконецъ, сюда же относятся всѣ собственноручныя *письма Основьяненка* къ литераторамъ и друзьямъ, впервые публикуемыя въ нашемъ трудѣ въ отрывкахъ...

Мы собрали о Квиткѣ все, что̀ было доступно. Представить подробный разборъ его сочиненій мы отлагаемъ до другаго случая. Квитка въ украинской литературѣ составляетъ явленіе рѣдкое и исключительное. Въ Малороссіи онъ пользуется донынѣ громкою и заслуженною извѣстностью. Въ остальной же Россіи его едва замѣтили въ лучшую пору его дѣятельности; а теперь онъ въ ней почти позабытъ, вмѣстѣ съ Гребенкою, его вѣрнымъ послѣдователемъ. Мы думаемъ, что, оставя въ сторонѣ слогъ и вѣрность мѣстныхъ красокъ и характеровъ, это произошло оттого, что Основьяненко, не представивъ никакого, болѣе-живаго, внутренняго начала, явился для критиковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ писателемъ стараго времени.

КОНЕЦЪ.

Библиотека Гусева
Инв. №
Университет

ПРИМѢЧАНІЕ.

Какъ продолженіе «Біографіи Основьяненка» готовится статья: *Жизнь, сочиненія и переписка Сковороды*, украинскаго писателя второй половины прошлаго вѣка, обнимающая собою картины украинскаго общества, со времени императрицы Елисаветы, до конца царствованія Екатерины-Великой. Имѣя въ рукахъ все о немъ печатное, нѣсколько его рукописей и преданій о немъ, авторъ проситъ покорнѣйше всякаго, у кого есть еще какія-нибудь свѣдѣнія о Сковородѣ, сообщить ихъ ему, адрессуя: въ Петербургъ, въ «Редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» для передачи *Г. П. Данилевскому*. Имя доставителя, съ признательностью, будетъ объявлено при напечатаніи труда.

ОПЕЧАТКИ.

На 21 стр., въ примѣчаніи, сказано: Осиповскій, профессоръ философіи; слѣдуетъ — *математики*. На 38 стр., внизу, слѣдуетъ читать: М. А. Максимовичъ въ *1827 году* издалъ пѣсни; и на 40 стр. слѣдуетъ читать: О. М. Бодянскій въ *1835 году* издалъ сказки.

Цѣна 1 рубль серебромъ.